

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

871-12
6-12

БЕСТЬДЫ

ВЪ ОБЩЕСТВѢ ЛЮБИТЕЛЕЙ

РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

MOSCOW (CITY) UNIVERSITY

Собр. л. любителей

Российской словесности

1867

Ч. 1 к. 1.

1867.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

М. М. М. М. М.

LIBRARY
AUG 28 1863
UNIVERSITY OF CALIFORNIA
BERKELEY

МОСКВА

Типографія Грачева и Копп. у Пречистенскихъ воротъ, въ домѣ Милановой

1867.

12906

БЕСЪДЫ

891.7-82
2

БЕСѢДЫ

4/20
1x
10/22
x1
mm

ВЪ ОБЩЕСТВѢ ЛЮБИТЕЛЕЙ

РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.


~~~~~  
ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.  
~~~~~

МОСКВА

Типографія Грачева и Кош. у Пречистенскихъ воротъ, въ домѣ Миланова

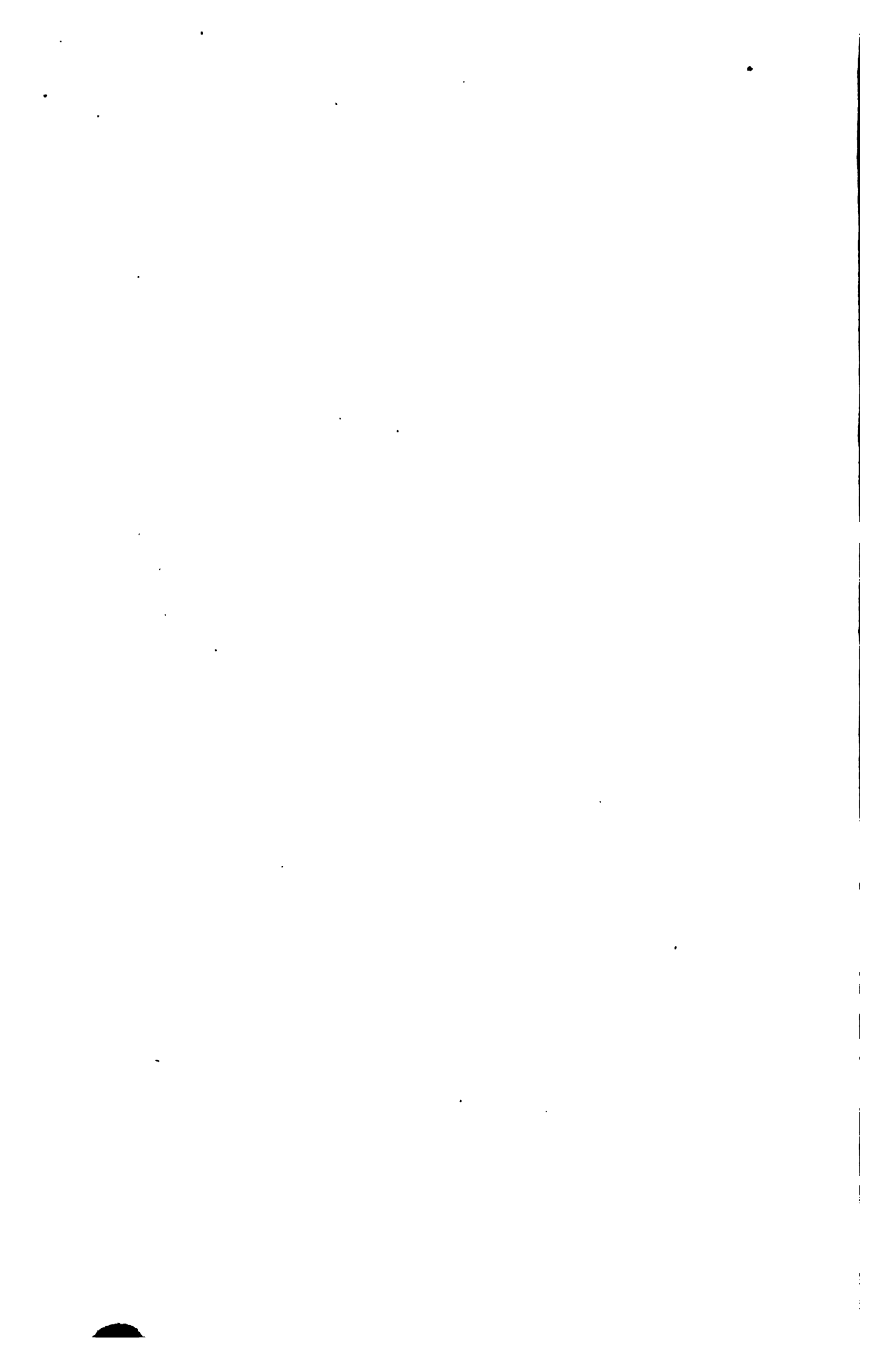
1867.

PG 2920
Bx
v.1
MAIN

Протоколомъ Общества Любителей Россійской Словесности 19-го января 1866 года опредѣлено: издавать отъ Общества сборникъ читаемыхъ въ засѣданіяхъ его статей, подъ названіемъ „Бесѣды“, которыя должны состоять изъ двухъ отдѣленій — ученаго и изящной словесности. Въ первомъ отдѣленіи предположено помѣщать статьи, относящіяся къ древне-русской литературѣ, матеріалы, біографіи и посмертныя сочиненія членовъ Общества, не принадлежащія ко второму отдѣлу; въ послѣднемъ — кромѣ произведеній въ стихахъ и прозѣ, также статьи критическія. Редакція этого изданія поручена предсѣдателю Общества, дѣйствительному члену Н. В. Калачову.

Въ исполненіе этого опредѣленія, нынѣ издается первый выпускъ означеннаго сборника, съ приложеніемъ новаго Устава Общества, утвержденнаго г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 15 октября 1866 г. и списка членовъ по 1-е апрѣля 1867 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣленіе I.

	<i>Стр.</i>
1. Замѣтательное открытіе въ древне-русскомъ книжномъ мірѣ <i>Д. Ч. А. Е. Викторова</i>	1—27
2. Зарожденіе и судьба Днѣпра. Преосвященнаго <i>Иннокентія</i> . Доставлена <i>Д. Ч. П. И. Савваитовымъ</i>	28—30
3. Объ открытіи и изданіи твореній Климента, епископа Словенска. Извлеченіе изъ статьи <i>Д. Ч. В. М. Ундольскаго</i>	31—38
4. Древне-русскій литераторъ. <i>И. С. Некрасова</i>	39—50

Отдѣленіе II.

1. Опыты критическихъ оцѣнокъ: 1) Пушкинъ въ его сочиненіяхъ; 2) О значеніи кн. П. А. Вяземскаго въ Россійской Словесности <i>Д. Ч. В. А. Соллогуба</i>	1—32
2. ѣсколько словъ о литературной дѣятельности <i>Ф. Н. Глинки</i> . <i>Д. Ч. Н. В. Путяты</i>	33—38
3. Замѣтка о трудахъ <i>Ф. Н. Глинки</i> по наукѣ русской древности. <i>Д. Ч. А. А. Котляревскаго</i>	39—44
4. Стихотворенія Карамзина. <i>П. Ч. кн. П. А. Вяземскаго</i>	45—52
5. Карамзинъ, первый русскій литераторъ. <i>Д. Ч. Н. В. Путяты</i>	53—55
6. Тому сто лѣтъ. <i>П. Ч. кн. П. А. Вяземскаго</i>	56—60
7. Князю Петру Андреевичу Вяземскому. <i>Д. Ч. Д. П. Ознобишина</i>	—61
8. Монологъ Тэклы (изъ Валленштейна). <i>П. Ч. К. К. Павловой</i>	—62
9. Моей матери. <i>Д. Ч. Ф. Б. Миллера</i>	—63
10. Легенда. <i>Д. Ч. А. Н. Плещеева</i>	—64
11. Недовольно. <i>Д. Ч. кн. В. Ф. Одоевскаго</i>	65—84

Приложенія.

1. О значеніи Карамзина въ Исторіи Русскаго законодательства. <i>Д. Ч. Н. В. Калачова</i>	1—23
2. Николай Михайловичъ Карамзинъ. <i>Д. Ч. М. Н. Лонгинова</i>	24—36
3. Уставъ Общества Любителей Россійской Словесности.	
4. Списокъ Членовъ Общества по 1-ю апрѣля 1867 года.	
5. Должностныя лица Общества.	

ОТДѢЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНОЕ ОТКРЫТІЕ

ВЪ ДРЕВНЕ-РУССКОМЪ КНИЖНОМЪ МІРѢ.

(Первая книга, напечатанная докторомъ Фр. Скорниой).

Было время, когда вопросы русской, въ особенности книжной старины составляли у насъ предметъ живаго интереса не для однихъ только записныхъ ученыхъ, но и для образованныхъ людей вообще; когда новыя открытія и изслѣдованія по древне-русской исторіи, праву, письменности, быту, находили для себя мѣсто не въ однихъ только спеціальныхъ, но вмѣстѣ и въ такъ называемыхъ литературныхъ изданіяхъ и журналахъ (*); когда разсужденія не только о Несторовой лѣтописи и Словѣ о Полку Игоревѣ, но вмѣстѣ и о древне-русскихъ былинахъ, духовныхъ стихахъ, Домостроѣ, Котошихинѣ и т. под., изъ Университетовъ и ученыхъ обществъ перешли было въ наши элементарныя школы, получивъ мѣсто въ ихъ учебныхъ программахъ; наконецъ, — когда, вслѣдствіе живаго сочувствія общества къ отечественной древности, изъ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ сферъ у насъ являлось много частныхъ лицъ, посвящавшихъ себя собиранію памятниковъ минувшей жизни и образованности нашихъ предковъ. Въ этой, знаменательной для науки отечественной исторіи, эпохѣ относятся важнѣйшія открытія и капитальнѣйшіе ученые труды и изданія по древне-русской исторіи во всѣхъ ея отрасляхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и замѣчательнѣйшія собранія памятниковъ русской древности, составляющія теперь лучшее украшеніе нашихъ общественныхъ и частныхъ древле-хранилищъ.

Съ сожалѣніемъ нужно признаться, что это время, хотя надѣемся и небезвозвратно, теперь уже миновалось: сравнивая прежнія симпатіи къ русской старинѣ, доходившія у иныхъ до энтузіазма, съ направленіемъ современнымъ, нельзя не согласиться,

---

(*) Какъ извѣстно, изслѣдованія по русскимъ древностямъ, на нынѣшній взглядъ совершенно спеціальныя, — еще 10—15 лѣтъ тому назадъ, не чуждались даже такіа наши изданія, какъ Отечественныя Записки, Современникъ, Русскій Вѣстникъ и друг.

что интересъ къ вопросамъ русской древности въ настоящее время значительно ослабѣлъ. Подъ вліяніемъ новыхъ, выступившихъ на сцену, такъ называемыхъ живо трепещущихъ интересовъ времени, эти вопросы въ нашей литературѣ отодвигаются теперь все болѣе и болѣе на задній планъ, и наши литературныя повременныя изданія избѣгаютъ и боятся упомянутыхъ вопросовъ, какъ никому не нужной специальности, ужасающей образованный вкусъ. Справедливо также слышатся жалобы, что кругъ спеціалистовъ по русской исторіи и древностямъ становится, въ настоящее время, все тѣснѣе и тѣснѣе, что въ нашихъ историческихъ и археологическихъ обществахъ, хоть число ихъ, по странному противорѣчію, въ последнее время и увеличилось, нѣтъ прежняго оживленія и одушевленія, и что, какъ въ издаваемыхъ этими обществами журналахъ, такъ и въ нашей ученой литературѣ вообще, все рѣже и рѣже стали появляться серьезные ученые труды и изслѣдованія, относящіяся къ разнымъ отраслямъ отечественной исторической науки. Наконецъ безъ сомнѣнія подъ вліяніемъ того же направленія и тѣхъ же интересовъ времени, и совершенно въ параллель съ указанными нами явленіями, вопросы по русской древности и именно по древне-русской литературѣ въ последнее время стали изгонять изъ круга образованія въ нашихъ элементарныхъ школахъ (*), гдѣ эти вопросы, казалось навсегда, прежде получили было полное право гражданства.

(*) Что всего неожиданнѣе, это гоненіе на древне-русскую литературу начинается именно въ Москвѣ. Известно, что, существовавшей до 1864 г. программой Московскаго учебнаго округа, отъ вступающихъ въ Университетъ, между прочимъ, требовались свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ и произведеніяхъ русской письменности XI—XVII вѣка, въ видѣ такъ называемыхъ историко-литературныхъ обзорныхъ по періодамъ и эпохамъ. Но такой способъ изученія, какъ общей, такъ и древне-русской литературы совершенно справедливо былъ признанъ мало приносящимъ пользы. Вслѣдствіе этого учебной Программой, составленной въ 1864 г., было постановлено, чтобы вступающіе въ университетъ, *кромя историко-литературныхъ обзорныхъ древней письменности по періодамъ, свѣди* непосредственное практическое знакомство съ самыми памятниками, основанное на внимательномъ ихъ прочтеніи и изученіи.—при чемъ, по разнымъ причинамъ, это требованіе отнесено только къ памятникамъ важнѣйшимъ, которыхъ указано *шесть*, именно: нѣсколько былинъ, нѣсколько духовныхъ стиховъ, Несторова Лѣтописи, Слово о полку Игоревѣ, Домострой и сочиненіе Котошмлина. Но составители Программы сами сознавали ея неполноту и отрывочность, потому при обнародованіи ея заявили, что съ развитіемъ научной разработки древне-русской литературы, границы Программы будутъ расширены и число вопросовъ будетъ увеличено (см. Пред. къ Progr. и Объявл. о ней въ Совр. Лѣт. 1863 г., №15). Что же мы видимъ теперь? На бышемъ въ нынѣшнемъ (1866) году въ Москвѣ учительскомъ съѣздѣ для составленія новой гимназической Программы по русскому языку, изъ бывшихъ въ прежней Программѣ 6-ти вопросовъ по древне-русской литературѣ оставлено, собственно говоря, только 2 (Несторъ, Слово о полку Игоревѣ и двѣ былинны, вмѣсто 6-ти, какъ было прежде), а объ *историко-литературныхъ обзорныхъ* не упоминается вовсе (см. печ. Протои. съѣзда). Такимъ образомъ, кто будетъ учиться по новой Программѣ, тотъ, по необходимости, долженъ будетъ вынести убѣжденіе, что у насъ, въ древней Руси, до Петра, точнѣе до Ломоносова (за Слов. о полку Игор. слѣдуетъ Ломоносовъ) было только два писателя: Несторъ и авторъ Слова о полку Игоревѣ. Какъ же послѣ этого не помалѣтъ о прежнихъ историко-литературныхъ обзорныхъ, которыми знакомили учащихся по крайней мѣрѣ съ именами писателей и названіями ихъ произведеній, а равно и характеристиками ихъ, хотя бы оффиціальными!...

Замѣчательно, что изученіе древне-русской литературы, при предстоящемъ изгнаніи ея изъ Московскихъ гимназій *мужески*, еще держится въ Московскихъ же гимназіяхъ *женски*. Тамъ, кромя Нестора и Слова о полку Игоревѣ, учащіеся еще продолжаютъ читать и былинны, и духовныя стихи, и слова Кирилла Туровскаго и другія произведенія нашей древней письменности (см. печ. Progr.

Вслѣдствіе общаго охлажденія къ вопросамъ русской старины, въ послѣднее время значительно сократилось и число любителей и собирателей отечественныхъ древностей, а равно ослабѣла энергія и тѣхъ изъ нихъ, которые занимались этимъ прежде. Памятники древности, въ особенности древне-русской письменности, за исключеніемъ предметовъ, имѣющихъ спеціальныи интересъ для старообрядцевъ, становятся все дешевле и дешевле, — и между тѣмъ это нисколько не привлекаетъ къ нимъ собирателей и не способствуетъ къ увеличенію ихъ числа. Отъ этого, вновь явившаяся въ продажѣ, старопечатная книга, или древняя рукопись, а тѣмъ болѣе цѣлая коллекція ихъ, которая десять, двадцать лѣтъ назадъ, была бы куплена на расхватъ, въ настоящее время часто очень надолго остается у продавца въ ожиданіи покупателя.

Но за то тѣмъ съ болѣшимъ уваженіемъ и признательностью мы должны отнестись къ лицамъ, которые въ прежнее время своими усиліями и пожертвованіями сдѣлали такъ много для науки отечественной исторіи, приготовивъ для нея столько драгоценныхъ матеріаловъ. Имена Румянцева, Толстаго, Погодина, Ундольскаго и другихъ собирателей безъ сомнѣнія перейдутъ въ потомство вмѣстѣ съ ихъ собраніями. Нельзя не согласиться такъ же, что едва ли еще не болѣшаго уваженія заслуживаютъ лица, которыя, не смотря на настоящую, столь неблагопріятную для русскихъ древностей, эпоху, слѣдуя прежде пріобрѣтеннымъ симпатіямъ, продолжаютъ собирать старыя книги и рукописи, а равно и другіе предметы древности, спасая отъ истребленія и изъ рукъ невѣжества памятники минувшаго. Къ числу такихъ лицъ, продолжающихъ пополнять прежде бывшія у нихъ, или прежде начатыя ими самими, собранія принадлежатъ: Ки. М. А. Оболенскій, Гр. А. С. Уваровъ, П. И. Севастьяновъ, К. Т. Солдатенковъ, А. И. Хлудовъ и немногіе другіе.

Послѣдній изъ названныхъ нами собирателей наследовалъ извѣстное собраніе славянскихъ старопечатныхъ книгъ и рукописей послѣ тестя своего, А. И. Озерскаго; но это собраніе, стараніями нынѣшняго его владѣльца, уже теперь удвоилось, и постоянно улучшается и обогащается новыми пріобрѣтеніями. Въ настоящее время собраніе А. И. Хлудова заключаетъ въ себѣ болѣе 200 отборныхъ славянскихъ рукописей

Моск. жен. Гимн). Совершенно параллельный фактъ съ указаннымъ сейчасъ явленіемъ представляютъ публичныя лекціи проф. Тихонравова по древне-русской Словесности, читанныя имъ въ началѣ нынѣшняго (1866) года, по просьбѣ «Московского Дарскаго Общества распространенія полезныхъ книгъ, для *гувернантокъ*. При отсутствіи послѣднихъ, для слушанія лекцій конечно не нынѣшнихъ времени, на этихъ лекціяхъ было однако постоянно значительное количество *слушательницъ*, и только развѣ десятый процентъ *слушателей*, показавшихъ къ предмету лекцій профессора полнѣйшее равнодушіе. При другихъ обстоятельствахъ можно было ождать, что недостатокъ мужской половины публики будетъ пополненъ *русскими* (т. е. Русской Словесности) учителями гимназій, иль специалистами этого предмета. Но, къ сожалѣнію, вромѣ несмѣтнаго количества частныхъ уроковъ, *русскіе* учителя, въ это самое время, были совершенно поглощены приготовленіями въ изданію изъ прежней, назавшейся имъ столь обременительной учебной Программы той самой, *древне-русской* литературы, которая составляла предметъ лекцій профессора, и которая, иль въ входившая прежде въ Программу, общая литература, требовала отъ преподавателя не одного только изученія *диспозицій* разбираемыхъ въ классѣ образцовъ и умѣнья отыскивать въ нихъ главную мысль, а серьезнаго труда и дѣйствительнаго знанія своего дѣла.

и болѣе 500 старопечатныхъ книгъ, изъ коихъ большая часть составляютъ предметъ первостепенной рѣдкости (*). Изъ многихъ достопримѣчательностей и библиографическихъ рѣдкостей, находящихся въ библіотекѣ Хлудова мы остановимся въ настоящее время на одной, именно: на Псалтири доктора Скорины, 1517 г., найденной и приобретенной почтеннымъ собирателемъ, вмѣстѣ съ другими предметами древности, въ поѣздку его на Нижегородскую ярмарку въ нынѣшнемъ году.

Какъ извѣстно, первую книгою, напечатанною докторомъ Скориной, до настоящаго времени считалась книга Іова, оконченная печатаніемъ 10 сентября 1517 г., въ Прагѣ. За тѣмъ слѣдовали: книга Притчей Соломоновыхъ, напечатанная 6 октября и кн. Іисуса Сираха, напечатанная 5 декабря того же года. Вслѣдъ за тѣмъ въ 1518 году Скориной были напечатаны: кн. Екклесіастъ янв. 2, Пѣснь пѣсней янв. 9, кн. Премудрости Соломона янв. 19, Четыре книги царствъ авг. 10 и книга Іисуса Навина дек. 20. Остальные, доселѣ извѣстныя, изданныя Скориной, Библейскія книги, именно: Моисеево Пятикнижіе, кн. Судей, Руѣв, Есѣиръ, Іудіеѣ, кн. Даниила пророка и Плачь Іереміинъ, были напечатаны въ 1519 г. Послѣ этого докторъ Скорина свою типографскую дѣятельность перенесъ въ Вильно, гдѣ въ 1525 г. имъ были изданы: сначала Апостолъ (въ мартѣ мѣсяцѣ), а потомъ Псалтирь съ Часословомъ и другими церковными послѣдованіями (акаѣистами, канонами, Шестодневцемъ, Святцами и Пасхалией), или такъ называемая Псалтирь слѣдованная. Но доселѣ не было извѣстно Псалтири Скорины, какъ отдѣльнаго изданія, хоть его Виленская Псалтирь (въ 8-ку), которой доселѣ извѣстные экземпляры существуютъ въ библіотекахъ отдѣльно отъ Часослова и другихъ послѣдованій, и признавалась иными отдѣльною книгою. Теперь, благодаря открытію, сдѣланному А. И. Хлудовымъ, оказывается во 1-хъ, что Псалтирь дѣйствительно, но только гораздо ранѣе Виленскаго ея изданія, была напечатана Скориной отдѣльно, какъ издавалась потомъ эта книга въ Вильнѣ, Кіевѣ, въ особенности же въ Москвѣ и въ другихъ городахъ; во 2-хъ, такъ какъ въ находящемся въ концѣ ея послѣсловіи сказано, что она напечатана почти мѣсяцемъ ранѣе кн. Іова, именно 6 августа 1517 года; то этой книгѣ и нужно отдать пальму первенства въ ряду другихъ изданій Скорины, который, какъ теперь оказывается, началъ свою издательскую дѣятельность именно съ Псалтири. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ подобнаго изданія въ славянскомъ книжномъ мірѣ прежде этого вовсе не существовало, покрайней мѣрѣ доселѣ неизвѣстно; то рассматриваемая Псалтирь, какъ по своему формату, составу, назначенію (для домашняго употребленія), такъ и по другимъ особенностямъ, должна быть признана прототипомъ громаднаго количества, слѣдовавшихъ за тѣмъ, изданій такъ называемой учебной Псалтири, которая припала такъ по вкусу русскому народу, и которая, въ теченіе послѣднихъ трехъ столѣтій, разошлась по разнымъ концамъ нашего обширнаго отечества не въ десяткахъ и не въ

(*) Библіотека А. И. Хлудова въ настоящее время занимаетъ новое, нарочно для нея устроенное, помѣщеніе, съ желѣзными ставнями, съ мраморнымъ поломъ и со сводами, очень удачно и съ большимъ вкусомъ раскрашенными въ древне-русскомъ стилѣ. Рисунки и орнаменты для сводовъ взяты изъ древнихъ рукописей, хранящихся въ самой Библіотекѣ.

сотнях тысяч, а въ нѣсколькихъ милліонахъ экземпляровъ (*). Пользуясь обязательностію А. И. Хлудова, сообщившаго намъ принадлежащій ему, единственный экземпляръ этого замѣчательнаго памятника, мы опишемъ его съ нѣкоторою подробностію, какъ онъ, безспорно, этого вполне заслуживаетъ.

Разсматриваемая Псалтирь напечатана, какъ печатались потомъ учебныя Псалтири, въ четвертку, на 142-хъ листахъ, съ кирилловскою номераціей ихъ внизу (а не въ верху, какъ въ Скорининомъ изданіи Библейскихъ книгъ). 1-го листа, на которомъ вѣроятно было заглавіе, или какое нибудь изображеніе, не сохранилось; на 2, 3 и 4-мъ листахъ помѣщено «предѣсловіе въ Псалтирь». Далѣе, съ 5-го л. слѣдуетъ самая Псалтирь подъ общимъ заглавіемъ: «починаются песни Давыда пророка царя Израилева». Она раздѣлена на каѳизмы и такъ называемыя «славы»; но покаянныхъ стиховъ и молитвъ между каѳизмами, какъ это впрочемъ и во многихъ изъ послѣдующихъ изданій учебной Псалтири, нѣтъ. Нѣтъ такъ же передъ Псалмами и содержанія ихъ, какъ это вездѣ сдѣлано Скориной передъ каждою главою въ его изданіи Библейскихъ книгъ и въ Апостолѣ. Но совершенно такъ же, какъ въ этихъ послѣднихъ, текстъ псалмовъ разбитъ на стихи, которые отдѣлены другъ отъ друга большими точками; только счета стиховъ не положено. На поляхъ книги, какъ и въ другихъ изданіяхъ Скорины, приведены указанія сходныхъ съ разными стихами Псалмовъ изрѣченій, находящихся въ другихъ книгахъ Ветхаго и Новаго Завѣта, или такъ называемыя параллельныя мѣста. Между ними, на поляхъ же, читаются объясненія разныхъ словъ и изреченій текста Псалтири, казавшихся издателю непонятными для простыхъ читателей, чего въ Скоринномъ изданіи Библейскихъ книгъ и Апостола, какъ извѣстно, вовсе нѣтъ. Текстъ Псалтири оканчивается на обор. 129 листа; за тѣмъ слѣдуютъ десять церковныхъ утреннихъ пѣсней, вслѣдъ за которыми, безъ всякаго пробѣла, читается слѣдующее послѣсловіе (л. 142): «Скончалася Псалтырь сия зъ Божіею помощію повѣдѣніемъ и працею избраннаго мужа въ лікарскихъ наукахъ доктора Франциска, Скоринина сына, с Полоцька, у старомъ месте Прагскомъ, лѣта по Бжѣемъ нароженію тысящного пятсотого и семонадесеть, мѣа Августа дѣня шестаго». Далѣе слѣдуетъ современная приписка, писанная шрифтомъ, одинаковымъ съ Псалтырью: «А то ся стало накладо^о Богдана Онкова сѣа Радци мѣста Виленскаго». Какъ извѣстно, эта самая приписка, и такъ же современная, — читается и на ббльшей части извѣстныхъ экземпляровъ другихъ изданій Скорины, сдѣланныхъ имъ въ Прагѣ (**).

(*) Въ теченіе послѣднихъ двухъ столѣтій учебная Псалтирь печаталась въ Россіи, и часто въ нѣсколькихъ типографіяхъ, рѣшительно изъ года въ годъ, а въ послѣднее полстолѣтіе, напр. изъ Московской Синодальной типографіи, она выходила ежегодно въ количествѣ 5, 10, 20, 40 и болѣе тысячъ экземпляровъ. Положительно можно сказать, что ни одна книга не разошлась въ Россіи въ такомъ громадномъ количествѣ экземпляровъ, какъ учебная Псалтирь.

(**) Сопн. I, стр. 40; Кепп. Библиогр. листы. № 8, стр. 80; Строева Оп. старопеч. кн. гр. Толст. №№ 5—11; Онис. старопеч. кн. Царск. № 5—9; Сахар. Обзорѣн. Славянорус. Библиогр. № 10. Исно, что это прибавленіе къ послѣсловіямъ прежнихъ изданій Скорины, которое вѣроятно по ошибкѣ не пошло въ печать, потому предположено было приписать на всѣхъ экземплярахъ до выпуска ихъ въ продажу, хоть этого и не сдѣлано; потому что есть экземпляры упомянутыхъ изданій безъ приведенной приписки.

Шрифт Псалтири, разстояніе между строками, отдѣльными словами и литерами, строчные и надстрочные знаки, — все это, за исключеніемъ самыхъ мелочныхъ отличій, точно въ такомъ же видѣ, какъ и въ другихъ Библейскихъ книгахъ, изданныхъ Скориной въ 1517—1519 годахъ. Такого же характера, какъ въ этихъ послѣднихъ, а большею частію точно тѣже самыя и заглавныя литеры, которыми начинаются Псалмы. Въ началѣ Псалтири заставка со щитомъ по срединѣ, на которомъ изображены (какъ и на многихъ другихъ заставкахъ изданій Скорины) солнце и луна (цѣлое и половина человѣческаго лица), съ вазой въ верху. По сторонамъ щита два, обращенныя другъ отъ друга въ разныя стороны, чудовища съ лапами и рыбьими хвостами, изъ коихъ одно съ лицомъ мушины (съ усами и бородой) въ русской шапкѣ, другое съ лицомъ женщины, покрытой платкомъ. Противъ первыхъ 9-ти строкъ 1-го псалма, вмѣсто заглавной буквы, изображение царя Давида въ царственномъ одѣяніи и въ коронѣ, съ руками, обращенными къ облакамъ, изъ которыхъ является Господь Саваоѣ. У ногъ пророка музыкальный инструментъ со струнами.

При сходствѣ, въ типографскомъ отношеніи, разсматриваемаго изданія Скорины съ его изданіемъ Библейскихъ книгъ, можетъ представляться, что первое относится къ послѣднему, какъ часть къ цѣлому, тѣмъ болѣе, что между изданными Скориной Библейскими книгами Псалтири доселѣ не отыскано. Но такому заключенію противрѣчить форматъ книги. Какъ замѣчено было, форматъ разсматриваемаго изданія въ 4-ю долю листа, но онъ значительно меньше формата Библейскихъ книгъ, именно: тогда какъ въ этихъ послѣднихъ на каждой страницѣ по 22 строки и въ каждой строкѣ круглымъ числомъ по 40 литеръ, — въ Псалтири, при одинаковомъ разстояніи между строками, вездѣ только по 20 строкъ на страницѣ и въ каждой изъ нихъ по 30 литеръ. Очень можетъ быть, что эта разница произошла отъ разницы въ форматѣ бумаги, которая, при одинаковости съ бумагой, употребленной издателемъ на напечатаніе Библейскихъ книгъ, по своему достоинству, бѣлизнѣ, плотности и проч., имѣетъ другіе фабричныя знаки (знаки бычачьей головы съ разными варіаціями). Но во всякомъ случаѣ это, по видимому, не важное обстоятельство даетъ право заключить, что издатель смотрѣлъ на сдѣланное имъ изданіе Псалтири, какъ на изданіе отдѣльное, самостоятельное, почему и не считалъ нужнымъ въ вопросѣ о форматѣ ея сообразоваться съ форматомъ Библейскихъ книгъ, которыя были начаты печатаніемъ, можетъ быть въ одно время, или тотчасъ же вслѣдъ за разсматриваемымъ изданіемъ. И если было совершенно естественно, что Скорина началъ свою типографскую дѣятельность съ одной изъ Библейскихъ книгъ, столь любимой русскимъ народомъ и имѣвшей въ православной Россіи, еще до введенія книгопечатанія, столь обширное употребленіе; то тѣже самыя причины могли для него служить побужденіемъ выдать ее не въ ряду другихъ книгъ и не вмѣстѣ съ ними, а отдѣльною книгою, и, безъ сомнѣнія, гораздо въ большемъ числѣ экземпляровъ.

Уваженіе Скорины къ книгѣ Псалмовъ, предпочтительно передъ всѣми другими Библейскими книгами, высказывается и въ предшествующемъ разсматриваемому изданію его предисловіи. Это предисловіе, подобно другимъ предисловіямъ того же издателя, очень любопытно и отличается свойственною ему обстоятельностью и научными

пріемами; потому мы считаемъ не лишнимъ изложить здѣсь его содержаніе. Главную мысль предисловія составляетъ изображеніе высокихъ достоинствъ книги Псалмовъ, сравнительно съ другими Библейскими книгами, и благодѣтельныхъ дѣйствій ея на читателя. Каждая изъ священныхъ книгъ, говоритъ издатель, заключаетъ въ себѣ одно что нибудь, какъ напримѣръ: книги Закона научаютъ, какъ достигать вѣчной жизни, книги Пророковъ предсказываютъ доброе добрымъ, злое злымъ; Дѣянія и Житія святыхъ отцевъ научаютъ жизни въ страхъ Божіе, Притчи наставляютъ добрымъ обычаямъ.... «Псалтырь же сама одна вси тые речи в себѣ замыкаетъ, и всехъ тыхъ учить и все проповѣдуетъ. Суть бо в ней псалмы, яко бы сокровище всихъ драгихъ скарбовъ, всякии немощи духовныи и телесныи уздравляютъ, душу и смыслы освѣщаютъ, гневъ и ярость умиряютъ, миръ и покой чинятъ, смутокъ и печаль отгоняютъ, чувствіе в молитвахъ даютъ, людей в приязнь зводятъ, ласку и милость укрепляютъ, бесы изгоняютъ, ангелы на помощь призываютъ. Псаломъ есть щитъ противъ бесовскимъ пошнымъ мечтаніемъ и страхомъ, покои деннымъ суетамъ и работамъ, защититель младыхъ и радость, старымъ потеха и песня, женамъ набожная молитва и покраса, *детемъ малымъ початокъ всякое доброе науки*, дорослымъ помноженіе в науце, мужемъ мощное утверженіе..... И что есть, чего в псалмахъ не найдешь. Нест ли тамъ вѣличества Божія и хвалы его; тамъ есть справедливость, тамъ есть чистота душевная и телесная, тамъ есть наука всякое правды, тамъ мудрость и разумъ досконалыи, тамъ есть милость и друголюбство безъ лести..... Все тии речи, якобы у великомъ сокровищи, в сей малои Псалтыри найдешь. И видечи таковыя пожиты в такъ малои книзе, я Францишекъ, Скорининъ сынъ, с Полоцька, в лекарскихъ наукахъ докторъ, повѣлелъ есми Псалтырю тиснути Рускыми словами, а Словенскимъ языкомъ, напредъ ко чти и к похвалѣ Богу в Троици единому, и пречистой его матери Марии, и всемъ небеснымъ чиномъ и святымъ Божьимъ, а потомъ *к пожитку посполитого доброю, наболен с тог причины, иже мя милостивый Богъ с того языка на светъ пустилъ*».

Далѣ слѣдуетъ объясненіе слова «псалтырь», причемъ издатель говоритъ объ отличіи Псалтыри отъ гуслей, и о томъ, почему въ Псалтыри только 10 струнъ (въ соотвѣтствіе десяти заповѣдямъ).

Въ заключеніе предисловія издатель отдаетъ читателямъ отчетъ о своемъ трудѣ и дѣлаетъ замѣчанія относительно разныхъ особенностей, выпускаемаго имъ въ свѣтъ, изданія. «Также будь ведомо, положилъ есми нѣкоторые на страницахъ в сей Псалтыри главы зъ разныхъ книгъ. А то для того, абы знакомито было, иже вси иные светые писма згожаются съ Псалтырею, и одно на другое светчить. А то чтучи в тыхъ книгахъ, иже суть главы на боцехъ понисаны, найдете. Также положилъ есми на боцехъ некоторыи слова для людей простыхъ, *не рушаючи самое Псалтыри ни в чемъ же*, яко суть: онагри и геродеево жилище и хлябие, и иные слова, которыи суть въ Псалтыри неразумныи простымъ людямъ,—наидутъ е на боцехъ *Рускимъ языкомъ*, что которое слово знаменуеть. Теже розделилъ есми вси псалмы на стихи, потому, яко ся в ыныхъ языцехъ делить. А такъ есть конецъ предъсловія Псалтыри».

Выставленные Скориной на полях Псалтири указания такъ называемыхъ параллельныхъ мѣстъ, о которыхъ онъ говоритъ въ концѣ приведеннаго нами предисловія, не заключаютъ въ себѣ ничего особеннаго: безъ сомнѣнія эти указанія буквально взяты изъ печатнаго изданія Латинской, или другой Библии. Но за то, безспорно, имѣютъ большой интересъ, приведенныя Скориной на поляхъ, объясненія непонятныхъ словъ. Эти объясненія, между прочимъ, весьма любопытны въ томъ отношеніи, что по нимъ можно судить, какія именно выраженія изданнаго Скориной текста Псалтири были непонятны въ томъ краю, для котораго издатель назначилъ свое изданіе, и какія вмѣсто нихъ въ эпоху Скорины вошли въ употребленіе. Такъ какъ упомянутыхъ объясненій очень немного; то мы и приводимъ ихъ здѣсь вполнѣ, вмѣстѣ съ словами и выраженіями, къ которымъ онѣ относятся.

Пс.	XXV, ст. 2.	Въ текстѣ:	истазан,	на поляхъ:	испытан.
—	XXXI, — 9.	—	мскъ,	—	мулъ.
—	XLI, — 8.	—	хлябін,	—	продухъ.
—	XLIV, — 5.	—	наляци,	—	узгляни.
—	— — 9.	—	стакти,	—	ладавъ.
—	— — —	—	отъ тяжестей,	—	отъ домовъ.
—	XLVII, — 3.	—	ребра,	—	страна.
—	LVI, — 5.	—	скумень львовыхъ,	—	лвѣять.
—	LVII, — 10.	—	рамнумъ,	—	осоту.
—	LIX, — 10.	—	конобъ,	—	горнецъ.
—	LXIII, — 5.	—	всезапу,	—	наглѣ.
—	LXIV, — 13.	—	холми,	—	узгорки.
—	LXVII, — 15.	—	разнѣствитъ,	—	раздѣлять.
—	— — 17.	—	вѣскую нещщуетъ,	—	что возггѣдаете.
—	— — 18.	—	тмаи темъ гобзующихъ,	—	десети тысячѣми умноженныхъ.
—	— — 26.	—	предъварита,	—	упредиша.
—	— — 32.	—	молитовницы,	—	пословъ.
—	LXVIII, — 12.	—	вреташе,	—	власеница.
—	— — 16.	—	рѣвѣникъ,	—	пропастъ.
—	— — 24.	—	сляци,	—	согни.
—	— — 29.	—	потребатси,	—	змажутси.
—	LXXI, — 9.	—	Еѳіоптѣе,	—	муриновъ.
—	LXXII, — 12.	—	гобзующие,	—	достаточные.
—	— — 16.	—	непшевахъ,	—	мнѣхъ.
—	— — 21.	—	и утробы,	—	и почки.
—	LXXIII, — 6.	—	оскрѣдомъ,	—	долотомъ.
—	LXXVII, — 9.	—	налѣцаюше,	—	накладающе.
—	— — 26.	—	Югъ,	—	вѣтръ полуденный.
—	— — —	—	Лѣву,	—	вѣтръ отъ западу.
—	— — 46.	—	пругомъ,	—	усеницамъ.
—	— — 55.	—	южемъ,	—	повразомъ.
—	— — 58.	—	во истуканныхъ,	—	в резаніяхъ.
—	LXXVIII, — 13.	—	пажити,	—	паствы.
—	LXXIX, — 14.	—	янокъ,	—	одинець.
—	LXXX, — 3.	—	тимпанъ,	—	бубень.
—	LXXXIII, — 4.	—	птица,	—	враль.
—	— — —	—	горлица,	—	сѣворомка.
—	XCI, — 3.	—	прозябоша,	—	вознікоша.

— XII, — 4.	—	высоты,	—	ядыжанья.
— XIII, — 8.	—	буи,	—	лурни.
— CI, — 7.	—	весаы,	—	пельниканови.
— — —	—	на выршя,	—	на дому.
— — — 8.	—	на зди,	—	на кровли.
— CIII, — 10.	—	въ дебрехъ,	—	въ долинахъ.
— — — 11.	—	онагри,	—	лоси.
— — — 14.	—	пажяь,	—	быле.
— — — 17.	—	геродеево,	—	соколово.
— — — 21.	—	скуни,	—	львенята.
— — — 34.	—	насладятся,	—	приятна будетъ.
— CIV, — 31.	—	скнипы,	—	площицы.
— CXIII, — 8.	—	нѣсекомыи	—	камень.
— CXVIII, — 39.	—	непщевахъ,	—	ожидалъ.
— — — 161.	—	туне,	—	вѣсуе.
— CXXVI, — 2.	—	утрѣнвати	—	предъ свитаніемъ воставати.
— CXXVII, — 3.	—	лоза,	—	виничина.
— CXXVIII, — 6.	—	на званнихъ,	—	на кровляхъ.
— CXXXI, — 13.	—	Снозъ,	—	гору.
Пѣснь II, — 2.	—	часть,	—	умножятся.
— — — 3.	—	на трескотъ,	—	на быле.
— IV, — 3.	—	отъ юга,	—	отъ полудня.
— VII, — 46.	—	нафею,	—	нефтию.

Предоставляя другимъ сдѣлать научное примѣненіе изъ приведеннымъ нами объясненій Скорины къ изданному имъ тексту Псалтири, что отвлекло бы насъ далеко отъ нашей чисто библиографической задачи, мы обращаемся теперь къ вопросу о характерѣ и происхожденіи самаго этого текста.

Извѣстно, что сдѣланныя Скориной изданія Библейскихъ и другихъ книгъ, не смотря на общепризнанную важность ихъ для древне-русской письменности и въ особенности языка, доселѣ еще не подвергнуты обстоятельному изслѣдованію. Отъ этого и трудно съ полною опредѣлительностію отвѣчать на вопросъ, въ чемъ именно состояла литературная и издательская дѣятельность Скорины вообще, — вопросъ, рѣшеніе котораго было бы для насъ важно въ настоящемъ случаѣ, чтобы сопоставить рассматриваемое нами, вновь открытое, изданіе Скорины съ изданіями его, которыя были извѣстны прежде. Тѣмъ не менѣе однакожь, не смотря на неразработанность упомянутаго вопроса и несогласіе, даже противоположность мнѣній о немъ, высказанныхъ нашими и Славянскими учеными, можно принять за вѣрное: 1) что изданныя Скориной Библейскія книги Ветхаго Завета составляютъ новый, принадлежащій ему переводъ, сдѣланный имъ съ Вульгаты, при чемъ впрочемъ, по крайней мѣрѣ въ переводѣ нѣкоторыхъ книгъ, издатель пользовался вмѣстѣ и текстомъ Греческимъ, а такъ же, можетъ быть, и переводомъ древне-славянскимъ, или скорѣе Чешскимъ (*); 2) что напротивъ другія изданія Скорины, сдѣланныя имъ въ Вильнѣ,

(*) Какъ на рѣшительное доказательство того, что Скорина при переводѣ Библейскихъ книгъ пользовался такъ же и греческимъ текстомъ, а не одной Вульгатой (какъ это принято всеми изслѣдователями), ссылаемся на переводъ его 1-й и 2-й гл. кн. Іова (см. въ особенности большую, — въ

как то: Апостолъ, акаѳисты, каноны и другія церковныя послѣдованія, входящія въ составъ, изданной имъ, такъ называемой, слѣдованной Псалтири, содержатъ въ себѣ не новый переводъ, а переводъ древне-славянскій, который издателемъ, въ болѣе или меньшей степени, только поправленъ (*). Вновь открытое, разсматриваемое нами,

10 строкъ — вставку по греч. тексту въ 9 стихѣ 2-й гл.), т. е. той же самой книги, изъ которой Штриттеромъ (въ его статьѣ о переводѣ Скорины, въ Оп. Труд. воли. Росс. Собр. Ч. 6, 1783 г.) приведены доказательства противнаго. Впрочемъ Штриттеръ, — нужно отдать ему справедливость, — утверждалъ только, что свой переводъ Библейскихъ книгъ Скорина сдѣлалъ съ Вульгаты *большою частію*, а не вообще и не исключительно, какъ это вслѣдъ за Штриттеромъ, но безъ сдѣланнаго имъ ограниченія, утверждали всѣ, писавшіе о Скоринѣ. Изъ послѣднихъ Сахаровъ, Архіеп. Филаретъ и другіе въ подтвержденіе мысли, будто Скорина пользовался только одной Вульгатой, ссылаются на его послѣсловіе къ кн. Есѣври, гдѣ онъ называетъ себя, какъ переводчика, преемникомъ Герошима (азъ теже наслѣдуя мужа светого...); но дѣлавшіе эту ссылку выпустили изъ виду, что въ другихъ своихъ послѣсловіяхъ Скорина точно такъ же называетъ себя преемникомъ Θεοδοсія (Θεοδοτίου) и переводчиковъ Священнаго Писанія вообще (азъ теже послѣдовникъ ихъ...). По разсматриваемому вопросу необходимо такъ же обратить вниманіе на замѣчанія Скорины въ родѣ слѣдующихъ: «Даже доколе во Еврейскихъ книгахъ написано есть; а то, еже положили есмь, съ Θεοδοсіева выкладу *Греческаго* и съ Ерешмова Латинскаго выложихъ» (Дан гл. III, послѣ ст. 90); или: «Речи, ниже положены во книгахъ Давида пророка, знашолъ есмь в писме *Греческомъ* выкладу Θεοδοсіева и во книгахъ Латинскихъ Ерасимовыхъ (Геронимовыхъ) и выложихъ на Русскій языкъ» (той же кн. передъ гл. XIII). Пользовался ли и насколько пользовался Скорина въ своемъ переводѣ еврейскимъ текстомъ, на который онъ такъ же часто ссылается въ своихъ предисловіяхъ и послѣсловіяхъ, — этотъ вопросъ ожидаетъ проверки со стороны знатоковъ дѣла.

Мнѣніе, что Скорина свое изданіе Библейскихъ книгъ приготовилъ съ помощію древне-славянскаго рукописнаго перевода ихъ, высказано было въ первый разъ Добровскимъ въ его «Путешествіи по Швеціи в Россіи въ 1792 г.» (Abhandl. der. Böhm. Gesell. der Wissensch. 2-er B. Prag. 1795. p. 185). Не считая себя въ правѣ судить объ этомъ, но неимѣнію подъ руками важнѣйшихъ по этому вопросу изданій Скорины, именно его перевода Моисеева Пятикнижія, мы тѣмъ не менѣе, на основаніи сличенныхъ нами шестъ перевода Скорины съ древне-славянскихъ текстомъ въ другихъ Библ. книгахъ (въ кн. Есѣври, Іудие., Прем. и Притч. Солом., Екклз., Дан. прор. и др.), пришли къ тому выводу, что упомянутое мнѣніе Добровскаго требуетъ подтвержденія. Сходство обоихъ переводовъ столь незначительно, что можетъ быть объясняемо просто случайностію. При этомъ нельзя выпустить изъ виду, что, если современникъ Скорины, Архіеп. Геннадій, при изготовленіи имъ полнаго списка Библіи, не въ Новгородѣ, ни въ другихъ мѣстахъ, которыя были центрами тогдашняго просвѣщенія, не могъ достать списковъ съ очень многихъ изъ Библейскихъ книгъ, или вовсе утраченныхъ, или составленныхъ въ то время, какъ и теперь, предметъ рѣдкости; то тѣмъ труднѣе было достигнуть того же Скоринѣ въ Западной Россіи, а тѣмъ болѣе въ Прагѣ, гдѣ онъ печаталъ свое изданіе. Гораздо вѣроятнѣе и ближе къ истинѣ мнѣніе Я. Головацкаго, что Скорина, при изготовленіи имъ перевода Библейскихъ книгъ, пользовался переводомъ чешскимъ (Науковъ Сборникъ, 1865 г. Вып. IV. стр. 251—256). Нельзя не пожалѣть только, что почтенный и слѣдователь не разъяснилъ своего мнѣнія съ желаемою полнотою и обстоятельностью.

(*) Очевидно, вслѣдствіе неточности нѣкоторыхъ выраженій въ предисловіяхъ и послѣсловіяхъ Скорины въ его Апостолѣ, а можетъ быть и на томъ основаніи, что Библейскія книги были изданы Скориной не въ готовомъ, а въ собственномъ его переводѣ, — въ нашей библиографіи составилось мнѣніе, что и Апостолъ Скорины не издавъ имъ только, а переведенъ вновь и при томъ еще съ Вульгаты. Такъ думали: Бакмейстеръ, Сонниковъ, Кеппель, Сахаровъ, Архіеп. Филаретъ и друг. Одинъ Митр. Евгеній только замѣтилъ, что «Апостолъ Скорина въ переводѣ, *кажется*, только поправилъ, а не вновь перевелъ». Сдѣланное нами сличеніе нѣсколькихъ главъ Скоринскаго Апостола съ древне-славянскимъ текстомъ совершенно подтвердило предположеніе нашего знаменитаго археолога. Несправедливо такъ же было бы думать, чтобы древне-славянскій текстъ Апостола былъ исправленъ издателемъ

издание Скорины, какъ оказывается, принадлежитъ къ числу изданій его послѣдняго разряда. По сличеніи текста Скориныи Псалтири съ древне-славянскимъ текстомъ ея, мы пришли къ убѣжденію, что Скорина для своего изданія Псалтири взялъ именно этотъ текстъ и перепечаталъ его почти съ буквальною точностію, дозволивъ себѣ только самыя незначительныя исправленія. Какъ ниже увидимъ, между древне-славянскимъ рукописнымъ текстомъ Псалтири и изданіемъ Скорины оказываются и разности; но эти разности не превышаютъ тѣхъ, какія обыкновенно открываются, при сличеніи, между списками одного и того же перевода, принадлежащими разнымъ эпохамъ и мѣстностямъ, или же между списками, при изготовленіи которыхъ переписчики дѣлали вмѣстѣ и легкія исправленія, замѣняя устарѣвшія слова и выраженія новыми, и исправляя, большею частию по соображенію, а иногда и по сличенію съ подлинниками, ошибки прежнихъ переводовъ и описки переписчиковъ. Точно въ такомъ же отношеніи является текстъ разсматриваемой Псалтири и къ печатнымъ изданіямъ этой книги XVI и 1-й половины XVII вѣка, и въ частности къ тексту псалмовъ въ Острожской Библии, передающей, какъ это доказано (*), почти буквально древне-славянскій переводъ Псалтири, находящійся въ Геннадіевской Библии 1499 г. и въ другихъ современныхъ ей рукописяхъ. Вотъ почему, всѣ почти выше выписанныя нами слова и выраженія Скорининскаго текста Псалтири, къ которымъ издателемъ сдѣланы на поляхъ объясненія, за исключеніемъ двухъ трехъ неважныхъ варіантовъ, читаются тотню въ такомъ же видѣ и въ Библии Острожской, и даже въ Библии исправленной (1751 г.). Но чтобы читатели могли видѣть наглядно близость и вообще отношеніе разсматриваемой Псалтири къ древне-славянскому, какъ рукописному, такъ и печатному тексту ея разныхъ эпохъ и мѣстностей, и чрезъ это получить возможность судить о той рендензіи, которою воспользовался Скорина для своего изданія, — мы приводимъ здѣсь 136-й Псаломъ: 1) по рукописямъ русскаго письма XIII—XIV в.; 2) по рукописямъ южно-славянскаго письма XIV—XVI в. и первопечатнымъ южно-славянскимъ изданіямъ; 3) по русскимъ рукописямъ XV—XVI в., а такъ же русскимъ печатнымъ изданіямъ XVI в.; 4) по изданію самого Скорины.

только по одной Вульгатѣ и вполнѣ примѣненъ къ ней. Изъ поправокъ, сдѣланныхъ Скориной въ его изданіи Апостола, дѣйствительно очень много такихъ, которыя сдѣланы по Вульгатѣ; но съ другой стороны въ Скорининскомъ текстѣ встрѣчаются мѣста, которыя или исправлены, или оставлены въ прежнемъ переводѣ по греческому тексту (См. Дьял. X, 23. 1 е Иоан. соб. посл. V, 7. 8. 13. и др.).

Вопреки мнѣнію Сахарова и Архіеп. Фларета, по сдѣланнымъ нами сличенію оказалось такъ же, что изданія Скориной церковныя послѣдованія при его Влениской Псалтири, т. е. Шестодневцы, Акаѣсты, каноны, молитвы и т. д., представляютъ въ себѣ не новый переводъ, а древне-славянскій текстъ, изданный, или вовсе безъ исправленій, или исправленный только слегка, въ значительно меньшей степени, чѣмъ Апостоль. Въ доказательство указываемъ на Акаѣсты Божіей Матери, утреннія молитвы въ послѣдованіи Полунощницы, и канонъ Иоанну Предтечи, которыя читаются почти буквально сходно съ церковно-славянскимъ переводомъ.

Что же касается до текста Влениской Псалтири Скорины; то, къ сожалѣнію, этого изданія у насъ подъ руками не было (единств. экзempl. ея въ Ак. наукъ). Но судя по выпискамъ, сдѣланнымъ изъ этой Псалтири Сошниковымъ (1. № 930), очевидно, что Влениская Псалтирь Скорины составляетъ буквально перепечатку разсматриваемого нами его изданія, и слѣдъ все, что ниже будетъ сказано о послѣднемъ, должно быть отнесено и къ первой.

(*) Проф. Горскаго и Невоструева Оп. Синод. Библ. Т. I. стр. 165 и 181—190.

I. По Синаодальной перг. Псалтири 1296 г., № 235, съ вариантами: А) изъ пергам. Псалтири Общ. Ист. XIII—XIV в., № 167, и В) перг. Псалт. Рум. Муз. XIV в., № 327.

На рѣцѣ вавилонскѣи¹⁾ тоу сѣдохомъ и плакахомъ помянухъ сиона.

На верени²⁾ посредѣ на овѣснхомъ органы наша.

Шко тоу въпросиша³⁾ ны плѣншии⁴⁾ ны словеса пѣныхъ⁵⁾

И въдъшии ны хвалоу⁶⁾.

Оспонте⁷⁾ намъ ѿ пѣснии⁸⁾ сионскы.

Какъ⁹⁾ въспомнѣ¹⁰⁾ пѣ гню на земли чужди.

Аще завоудоу тѣ¹¹⁾ ирѣме заповна¹²⁾ воуди десница моя.

Прилини¹³⁾ языкъ мой гъртани моему аще не помяну тѣбе.

Аще не предложю¹⁴⁾ иерлма яко¹⁵⁾ в начало вѣны моего.

Ишмани ги сны едомскы¹⁶⁾ въ дни ирломовы¹⁷⁾.

Гашы истощанте истощанте¹⁸⁾ до основанн¹⁹⁾.

Дщи бабѹлонскы²⁰⁾ оканыла²¹⁾

Блжнз иже въздасть тѣбѣ възданн²²⁾ иже възда²³⁾ намъ.

Блжнз иже иметь и развнеть²⁴⁾ младенца твою о камѣ.

1) А. вавилонскѣи 2) Б. верѣн. 3) Б. воспросиша. 4) А. пленшени; Б. плѣнше. 5) В. словеса пѣсныхъ; А. — пѣсныхъ. 6) В. и въдѣшии ны въ хвалу; А. извѣдшихъ... 7) А. испонте; В. въспонте. 8) А. пѣснн. 9) В. тако. 10) А. въспомнѣ. 11) Б. тѣбе. 12) А. зазвѣна. 13) А. и Б. прилпнѣ. 14) А. приложю. 15) Б. акы. 16) Б. едомскы. 17) иерломовы. 18) А. истощанте; В. истощанте—во 2-й разъ—пропущено. 19) А. до основанн иш. 20) А. вавилонскы; Б. вавилон. 21) А. и Б. оканыла. 22) А. и Б. приб. твоем. 23) В. въздасть. 24) А. развнеть.

II. По пергам. Псалт. XIV в., южно-славянскаго письма, изъ собр. П. И. Севастьянова (въ Моск. Муз.), № 2, съ вариантами изъ рукописей и печ. изданій такъ же южно-славянскихъ: А) перг. Псалт. (палимпсестъ) собр. Севаст., XV в., № 4; Б) того же собранія бомбц. Псалт., XV в. № 15; В) печ. изд. Псалт. (слѣдов.) въ Петинѣ, 1495 г.

На рѣцѣ вавилонскѣи¹⁾ тоу сѣдохомъ²⁾ и плакахомъ помянухъ сиона. на верѣи⁴⁾ посредѣ не⁵⁾ овѣснхомъ органы⁶⁾ наша.

Шко тоу въпросиши ны⁷⁾ плѣншии на, словеса пѣснн, и вѣши на, пѣннѣ⁸⁾.

Въспонте намъ ѿ пѣснн⁹⁾ сионскы¹⁰⁾.

Какъ въспомнѣ пѣ гню¹¹⁾ на земли¹²⁾ тоужди. аще завоудоу тѣбѣ¹³⁾ ирѣме зазвѣна воуди десница моя¹⁴⁾.

Прилини¹⁵⁾ языкъ¹⁶⁾ мой гъртани¹⁷⁾ моему аще не помяну тѣбѣ¹⁸⁾.

Аще не предложю иерлма яко въ начало¹⁹⁾ вѣселн²⁰⁾ моего.

Помени²¹⁾ ги сны едомскы²²⁾ въ²³⁾ днь иерломовъ глаущи²⁴⁾ истощанте истощанте до основанн²⁵⁾ не²⁶⁾.

Дщи бабѹлонскы²⁷⁾ оканыла²⁸⁾,

Блжнз иже въздасть тѣбѣ възданнн твоемъ еже въздасть на.

Блжнз иметь²⁹⁾ и развнеть³⁰⁾ младенца³¹⁾ твою о камѣ.

1) В. вавилонскѣи. 2) А. сѣдохомъ. 3) Б. помянухъши. 4) А. на верѣи; В. на верѣи. 5) Б. не. 6) В. органы. 7) Б. ны. 8) А. в. и в. пѣннѣ. 9) А. и Б. пѣснн. 10) А. и В. сионскы. 11) Б. гню. 12) Б. земля. 13) А. и Б. тѣбѣ. 14) А. моя. 15) А. прильпны; В. прилипни. 16) А. языкъ. 17) А. гъртаны. 18) А. и Б. тѣбѣ. 19) В. начало; В. въ началѣ. 20) А. в. и в. вѣселн. 21) А. помены. 22) В. едомскы; В. едомскы. 23) В. въ—пропущ. 24) И. еромсданнъ, глаущи. 25) А. и В. основанн. 26) А. его; В. еж; В. иго. 27) Б. бабѹлонскы. 28) А. и В. оканыла. 29) Во всѣхъ спискахъ, чит. иже иметь; Б. имать. 30) А. развнеть. 31) Б. младенца; А. и Б. младенце. Столь же незнач. разности предст. и др. южнослав. списки: Сев., XV—XVI в., Моск. Муз., XVI в. № 216, и печ. изд. Псалт. въ Милешевѣ, 1544 г.

III. По Синод. списку полной Библии Архиеп. Геннадія, 1499 г., въ сравненіи со списками Псалтири XV и XVI в. русскаго письма, а такъ же и русскими печатными изданіями ея.

На рѣцѣ Вавлонскѣхъ тамо сѣдохомъ и плакахомъ, внигда поманѣти намъ сиона. на верѣхъ¹⁾ посредѣ ея овѣстихомъ органы.²⁾ Ико тѣхъ вопрошиша насъ плѣншии³⁾ на словесахъ пѣсней. и вѣдшии на пѣніи. възвонте намъ ѿ пѣсней сионскихъ. како възвонѣ пѣснь гни на земли чуждей.⁴⁾ аще заведѣдѣ тебе іерусалимъ, забвена вѣдн десница моя. прильпни языкъ мой гортани моему. аще не поманѣ тебе. аще не предложю іерусалима, яко в началѣ всегдн моего. помани гдн сыны едомскыя, въ день іерусалима. глагоша истощающе истощающе до основаній его. дщи вавлона окланна. влажнѣ нже въздасте тебѣ възданіе твое еже въздасте намъ. ели нже нже нмѣ и развѣстѣ младенца твоего о камень.

1) Перг. Псалт. Рум. Муз. кон. XV в., № 328. на верѣхъ; Псалт. Моск. Муз. изъ собр. Унд., XVI в., № 51: на верѣхъ. 2) Ундол. списки Псалтири XVI и XVII в., №№ 51, 52, 53 и 1293: органы наша. Точно такъ же и въ печ. Острож. Псалт. 1580 и 1598 г., въ Острож. Библии 1581 г., въ Моск. Псалт. 1577 г., въ Вилен. Псалт. 1586 г., Моск. 1602 г. и т. д. Очевидно въ Геннад. Библии и въ другихъ рукописяхъ слово: наша пропущено ошибкой. 3) Рум. Муз. № 328 и Моск. Муз. № 432, XVI в. вопрошиша насъ плѣншии. 4) Рум. Псалт. XVI в. № 330, Ундол. XVI в. № 6, печ. Псалт. Моск., Вилен. и др. XVI в. чуждей; въ Острож. Библии и въ Острож. Псалт. 1580 и 1598 г. чужим. Остальные различія между указанными и другими, пересмотрѣнными нами, Русскими рукописями и печатными изданіями XVI в. исключительно состоятъ въ отличіяхъ правописанія, — въ замѣнѣ твердыхъ гласныхъ и полугласныхъ мягкими, или на оборотъ, и т. под.

Точно въ такомъ же видѣ мы сличили еще нѣсколько Псалмовъ, и результаты вышли тѣ же самыя. На этомъ основаніи, по разсматриваемому вопросу, мы считаемъ себя въ правѣ постановить слѣдующія заключенія:

1) Такъ какъ изъ сравненія Скорининскаго изданія Псалтири съ рукописными списками ея и печатными изданіями разныхъ эпохъ и мѣстностей оказывается, что текстъ этого изданія всего ближе подходит къ тексту Псалтири, какъ онъ читается въ Геннадіевской Библии 1499 г. и вообще въ русскихъ рукописяхъ и печатныхъ изданіяхъ XVI в.;

4) По печатному изданію Скорины, 1517 г.

На рѣцѣ Вавлонскѣхъ тамо сѣдохомъ и плакахомъ, внигда поманѣти намъ сиона. на верѣхъ¹⁾ посредѣ ея овѣстихомъ органы наша. Ико тѣхъ вопрошиша насъ плѣншии²⁾ на словесахъ пѣсней. И заведѣдѣши насъ, пѣснѣи сионскихъхъ. Како възвонѣ пѣснь гдню, на земли чуждей. аще заведѣдѣ тебе іерусалимъ, забвена вѣдн десница моя. прильпни языкъ мой гортани моему: аще не поманѣ тебе. аще не предложю іерусалима, в началѣ всегдн моего. Помани гдн сыны едомскыя, въ день іерусалима. глагоша, истощающе истощающе: даже до основаній его. дщи вавлона окланна, влажнѣ нже въздасте тебѣ възданіе твое, еже въздала еси намъ. Влажнѣ нже нмѣтъ, и развѣстѣ младенца твоего о камень.

то можно положить за несомнѣнное, что основаніемъ для разсматриваемаго изданія послужила рукопись не древней и не южно-славянской редакціи, а редакціи, во 1-хъ русской, во 2-хъ современной самому издателю. Правда, что въ изданіи Скорины встрѣчаются и чтенія, болѣе приближающіяся къ рецензій частію древне-русской, частію къ южно-славянской; таковы, напримѣръ, въ приведенномъ нами Псалмѣ: *Гертлмисвх*, вм. современнаго Скоринѣ чтенія: *гертлмль*; до основанія, вм. до основаніи, и т. д.; но подобные случаи чрезвычайно рѣдки, а потому, при множествѣ другихъ чтеній, согласныхъ съ древне-славянскимъ текстомъ Псалтири по русской рецензій его, современной издателю, эти случаи могутъ быть объясняемы: или характеромъ бывшей подъ руками у Скорины рукописи, или случайнымъ совпаденіемъ съ древними чтеніями сдѣланныхъ имъ исправленій.

2) Увѣреніе издателя въ вышеприведенномъ нами его предисловіи, что онъ напечаталъ текстъ, «не рушаячи самое Псалтири», и исправленія позволяя себѣ дѣлать только на поляхъ, — не вполне справедливо. По сличеніи изданнаго Скориною текста съ рукописными списками Псалтири разныхъ фамилій, оказывается, что, кромѣ объясненій и исправленій на поляхъ, издатель дѣлалъ исправленія и въ самомъ текстѣ своего изданія, — и это не только въ правописаніи и въ перемѣнѣ звуковъ, соответственно мѣстному выговору (напр. тобѣ вм. тебе, навчи вм. научи и т. под.), но и въ грамматическихъ формахъ, а равно изрѣдка въ словахъ и цѣлыхъ небольшихъ фразахъ. Такъ въ приведенномъ нами псалмѣ читается: *поманѹхѹма на чѣ споне*, вм. древне-слав. *поманюхѹше...*, *поменюхѹше...*, или соврем. издателю чтенія: *поманѹти намѣ спона*; *пѣвнѣкшиѣ*, вм. древне-слав. *пѣвнѣшии*, или *пѣвнѣшии*; и *закѣдѣшиѣ*, вм. и *кѣдѣшии*, и *кѣдѣшии*, или *изкѣдѣшихѹхъ*; *завѣчѣа*, вм. *завѣчна*, или *завѣчна*; *онѣ же*, вм. *иже*; *коздала еси*, вм. *кѣздалѣчь*.

Такого же рода исправленія встрѣчаются и въ другихъ псалмахъ, напр. Пс. VI. ст. 1. *показниши*, вм. современнаго Скоринѣ чтенія: *покажѣши*, или древнѣйшаго: *покажи*; Пс. XVI. ст. 14. *гди ѿ чѣхѹхъ иже мало на земан*, вм. *гди ѿмалѣ ѿ земля*, или: *ѿ мала ѿ земля*; XXVI, 6, послѣ слова: *жерѣчь* выпущено слово: *хлѣмѣа*; XXXII, 17, читается: *лѣжеть конь*, а не *спасеть*, вм. древне-слав. *ложь конь въ спсѣніѣ*; XXXIII. 8. *шкѹхѹдичѣ*, вм. *оплѣчичѣа*; — 15. *постиганѣ*, вм. *пѣжени*; XXXVII, 3. *ѣкѣвоша*, вм. *ѣнѣвоша*, — 21. *занѣжъ наследѹахѹ*, вм. *занѣ гонѣа* (южно-слав. *чѣгора*); XLI, 3. *козжизни дѹша моѣа къ богѣ источникѣ жикомѣ*, вм. *кѣжѣда* (или *кѣда*, *кѣжѣда*) *дѹша моѣа къ богѣ крѣпкомѣ жикомѣ*; L, 9. послѣ словъ: *шкѣпниши мѣа при бавленѣо*: *гди*; XLIV, 14. послѣ: *самѣлѣѣшѣ*; LXIX, 6, читается: *не замѣди*, вм. *не закѣсни*; LXXXIII, 7. *въ долине пѣчѣкнѣ*, вм. *въ юдоли* (древне-слав. *въ оудоли*) *пѣчѣкнѣ*; — 11. *изѣкопѹхъ вѣднѣмѣа бычѣи*, вм. *изѣкопѹхъ примѣчѣлѣчѣа*; LXXXIX, 12. *наказанима сѣѣ*, вм. *шкѣвннѣма сѣѣма*, и т. под. Такъ какъ приведенныя и многія другія чтенія разсматриваемаго изданія, въ рукописныхъ спискахъ Псалтири, — и при томъ, по своему характеру, не только ближайшихъ къ тексту Скорины (т. е. современныхъ ему — русской рецензій), но и отступающихъ отъ него, читаются совершенно иначе; то

отсебѣ, мы думаемъ, имѣемъ право заключить, что эти чтенія взяты издателемъ не изъ оригинала, бывшаго у него подъ руками, а принадлежать ему самому. Тоже самое доказываютъ и чисто русскія формы и выраженія (каковы напр. *пѣвнѣише, злѣыѣа, кѣ долине, не замедли и т. под.*), которыми Скорина, очевидно для ясности, замѣнялъ въ своемъ изданіи устарѣвшія въ его время славянскія реченія и которыхъ не оказывается не только въ современныхъ Скоринѣ спискахъ, но и въ печатныхъ изданіяхъ Славянской Псалтири XVII и XVIII в., даже въ изданіяхъ настоящаго времени.

Теперь представимъ нѣсколько данныхъ для рѣшенія вопроса: по какому именно тексту сдѣланы издателемъ оказывающіяся въ его изданіи исправленія? По сличенію вышеприведенныхъ и другихъ, замѣченныхъ нами, исправленийъ разсматриваемаго изданія съ греческимъ и латинскимъ (по Вульгатѣ) текстомъ оказывается, что 1) нѣныя (впрочемъ очень немногія) изъ сдѣланныхъ Скориною поправокъ совершенно произвольны, потому что не подходятъ ни къ греческому, ни къ латинскому, ни къ еврейскому тексту Псалтири. Таковы напр. въ вышеприведенныхъ нами выраженіяхъ: прибавленіе слова *гди* въ ст. 9. Пс. L.; прибавленіе словъ: *на чѣ* въ Пс. CXXXVI. ст. 1.; замѣна слова: *крѣпкомъ* словомъ: *источникъ* въ Пс. XLI. ст. 3.; такъ же исправленія, въ Пс. XVI ст. 14, LXXXIII, 11 и т. д. 2) Другія исправленія находятся въ одинаковомъ отношеніи какъ къ греческому, такъ и къ латинскому тексту, и слѣд. могли быть сдѣланы по тому и другому, наприм. пропускъ слова: *хлмнѣа* въ Пс. XXVI, ст. 6.; прибавка слова *ы* въ ст. 14 Пс. XLIV; поправка въ Пс. LXXXIX, ст. 12. и т. д. 3) Но есть много исправленій, которыя ближе подходятъ къ латинскому, чѣмъ къ греческому тексту, и потому могли быть сдѣланы только по Вульгатѣ. Таковы: вышеприведеннаго Пс. ст. 1. *внѣда помлнѣхомъ* — cum recordaremur (греч. ἐν τῷ μνησθῆναι — *внѣда помлнѣти*); Пс. XXVI. ст. 2. *внѣда приближуютѣа* — dum appropiant (ἐν τῷ ἐγγίσειν, древне-слав. чт. XV—XVI в. *внѣда приближатѣа*); — 4. да жикъ — ut inhabitem (τοῦ κατοικεῖν — древне-слав. чт. XV—XVI в. *еже жити*); XXXVII, 12. *и ѣже близу мене вѣша* — et qui juxta me erant (καὶ οἱ πλησίον μου — древне-слав. чт. XIII—XVI в. *и влѣжнѣи мои*); XLIV, 10 и 16. *одевшиа приизпнѣтѣрениемъ* — circumdata varietate (περιβεβλημένη πεποικιλμένη — древне-слав. *одѣла и преоукрашенѣа, или приизпнѣрениѣа*); LXVII, 7. *вогъ иже велемѣтъ.... чакожъ и чмъ иже прогнекъютѣ* — Deus, qui inhabitare facit... similiter eoz, qui exasperant (θεὸς κατοικίζει... ὁμοίως τοὺς παραπιχράνοντα, — древне-слав. *кѣ велемѣтъ... чѣкоже прогнекъющѣа*); — 18. *велемѣтъчѣа* — laetantium (εὐθυγούτων — *говѣдѣющѣи*).

Все сейчасъ сказанное о характерѣ и происхожденіи поправокъ, сдѣланныхъ Скориною въ текстѣ его изданія, относится и къ вышеприведеннымъ исправленіямъ и поясненіямъ, сдѣланнымъ имъ на поляхъ. Изъ этихъ поясненій одиѣ несомнѣнно сдѣланы по соображенію съ текстомъ Вульгаты. Таковы: Пс. XLIV. ст. 9. *ѣ домоѣ* — a domibus (греч. ἀπὸ βάρειον, — въ текстѣ Скорины и древне-слав. *ѣ чажетѣи*); LXVII, 17. *что возгнѣмѣте* — quid suspicamini (τὶ ὑπολαμβάνετε — *вѣкъю непѣ*

ψυχή); — 18. десяти тысящами умноженыхъ — *decem millibus multiplex* (μορισπλασιου, — тмаи тѣмъ); — 32. пословѣ — *legati* (πρέσβεις — молитвенники); LXVIII, 12. клеветница — *cilicium* (σάκχον — вретнище); СIII, 34. приятна вудеть — *jucundum sit* (ἡδονθεῖη — да насладитца); СXXVI, 2. прѣ свѣтанѣе воставати — *ante lucem surgere* (ἄρθρ(ζειν — втрѣживати); CI, 8 и СXXVIII, 6. на кровли, на кровлѣ — *in tecto, in tectis* (ἐπὶ δώματι, δωματων — на ѣди, на ѣданин) и т. под. Другія объясненія, какъ напр. XXV, 2; XXXI, 9; XLVII, 3; LVI, 5; LXVII, 15; LXXII, 21; LXXVII, 58; LXXXIII, 4; XCII, 4; CI, 7 и т. д. могли быть сдѣланы и по Вульгатѣ, и по греческому тексту; потому что въ указанныхъ мѣстахъ между обоими текстами разности нѣтъ почти никакой. Наконецъ третьи совершенно произвольны; потому что въ точности не соотвѣтствуютъ ни латинскому, ни греческому, ни наконецъ еврейскому тексту. Сюда относятся объясненія: Пс. XLIV къ ст. 5; LVII, 10; LXVIII, 16; LXXIII, 6; LXXVII, 9 и 46; СIII, 17; СXIII, 8 и др.

По вопросу объ отношеніи разсматриваемаго изданія Скорины, и въ частности сдѣланныхъ имъ на поляхъ объясненій, къ еврейскому тексту Псалмовъ, считаемъ не лишнимъ замѣтить, что нѣкоторые изъ этихъ объясненій согласны съ соотвѣтственными выраженіями еврейскаго подлинника, каковы напр. Пс. XXV, ст. 2; XLVII, 3; LXXVIII, 13; XCI, 8; CI, 8; СIII, 10 и 34, (*) и др. Но, очевидно, это сходство чисто случайное, тѣмъ болѣе, что въ указанныхъ мѣстахъ еврейскій текстъ согласенъ и съ греческимъ и съ Вульгатой, или съ одной Вульгатой, по которой эти объясненія и могли быть сдѣланы, и что наоборотъ, между разсматриваемыми объясненіями много такихъ, которыя, будучи согласны съ Вульгатой, противорѣчатъ еврейскому тексту, напр. XLIV, 5 и 9; LVI, 5 и 10; LXVII, 32; LXVIII, 16; LXXI, 9; LXXII, 21; LXXXIX, 14, и др. Точно такъ же и въ самомъ текстѣ Псалтири тѣ слова и выраженія, гдѣ еврейскій подлинникъ не согласенъ съ греческимъ и Вульгатой (напр. Пс. II, ст. 12; XVIII, 5; XX, 13; XXI, 3; XXIX, 6; LXVIII, 7 и 13 и др.), оставлены въ прежнемъ видѣ, т. е. согласно съ древне-славянскимъ переводомъ и греческимъ подлинникомъ (**).

Остается подвести результатъ сдѣланнаго нами сличенія. Какъ мы видѣли изъ сдѣланныхъ Скориною исправленій какъ въ текстѣ, такъ и на поляхъ, при соотвѣтствіи многихъ изъ этихъ исправленій тексту греческому и латинскому, а иногда и еврейскому вмѣстѣ, между ними не оказывается такихъ, которыя могли быть сдѣланы

(*) Въ русск. перев. Псалтири съ еврейскаго подл. (Сиб. 1822), всѣ эти и другія выраженія читаются буквально сходно съ объясненіями Скорины.

(**) Какъ на исключеніе обращаемъ вниманіе на вышеприведенную нами поправку Скорины въ Пс. XXXII ст. 17, *лежеть конь а не спасаетъ* (вм. *ложь конь въ спасеніе*), которая, помянувшись, сдѣлана по еврейскому подлиннику (не надеженъ для спасенія конь). Но эта поправка, не согласная съ греческимъ текстомъ (ψευδής ἵππος ἐς σωτηρίαν) и съ Вульгатой (*fallax equus ad salutem*), въ то же время не вполне согласна и съ еврейскимъ, а потому, при множествѣ другихъ чтеній, противорѣчащихъ еврейскому подлиннику, нельзя не придти къ мысли, что означенная поправка сдѣлана по соображенію съ контекстомъ, безъ отношенія къ подлиннику закону бы то ни было.

только по тексту греческому, тѣмъ менѣе еврейскому, и напротивъ много оказалось исправлений и объясненій, которыя могли быть сдѣланы *только* на основаніи Вульгаты; а отселѣ естественно почти навѣрное заключить, что единственнымъ пособіемъ и руководствомъ для Скорины, при изготовленіи имъ разсматриваемаго нами его изданія, служила Латинская Вульгата.

Какъ выше было сказано, въ разсматриваемомъ изданіи, подобно другимъ славянскимъ рукописнымъ и печатнымъ псалтирямъ, вслѣдъ за псалмами читаются 10 церковныхъ утреннихъ пѣсней, составляющихъ, какъ извѣстно, извлеченіе изъ разныхъ ветхозавѣтныхъ книгъ (Моисеева Пятикнижія, Пророковъ и др.). Эти пѣсни напечатаны издателемъ такъ же въ готовомъ древне-славянскомъ переводѣ, и очевидно взяты изъ той же рукописи, которая служила для него оригиналомъ при напечатаніи текста псалмовъ. Но и здѣсь такъ же встрѣчаются по мѣстамъ поправки, и это именно по Вульгатѣ. Представляемъ нѣсколько мѣстъ въ доказательство послѣдняго: Пѣснь II, (Второзав. XXXII) ст. 1. Взъимите нискиа—*audite coeli* (греч. *πρόσεχε οὐρανὸν*—древнеслав. *взими нево.*); — 5. къ нечистотѣхъ—*in sordibus* (*μωμυρὰ*—*поро́чнам*). Пѣснь V (Исаіа XXVI), ст. 9. Внигда сотвориши сѣды твои на земли—*cum feceris iudicia sua in terra* (*διότι φῶς τὰ πρὸσταγμὰτὰ σου ἐπὶ τῆς γῆς*—*зани свѣтъ поеміа твоя на земли*); — 14. ниже волоковѣ вѣзкриснѣтъ—*gigantes non resurgent* (*οὐδὲ ἰατροὶ οὐ μὴ ἀναστήσουσι*—*ниже врачеве възкриснѣтъ*). Пѣснь VII (Дан. III): да приагни вѣдѣть тебе—*ut placeat tibi* (*καὶ ἐκτελέσαι ὀπισθὲν σου*,—*и да скончается, въ Острож. и скончаема по тебе*). Пѣснь IX (Лук. I) ст. 51. сѣца своего—*cordis sui* (*καρδίας αὐτῶν*—*сердца ихъ*).

Составъ и характеръ разсмотрѣннаго изданія Скорины, въ связи съ подобными же данными, представляемыми другими его изданіями, даютъ возможность коснуться нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ о самомъ лицѣ Скорины, и въ частности о тѣхъ побужденіяхъ, которыми онъ руководствовался въ своей издательской и литературной дѣятельности. Извѣстно, что, по отсутствію какихъ бы то ни было историческихъ данныхъ относительно самого лица Скорины, учеными, писавшими о немъ и его изданіяхъ, высказаны въ упомянутомъ отношеніи самыя разнорѣчивыя мнѣнія: одни считаютъ Скорину Католикомъ и пропагандистомъ на Руси Католицизма (*); другіе—Протестантомъ и проповѣдникомъ въ Россіи Реформации, наравнѣ съ Симономъ Буднымъ, неизвѣстнымъ переводчикомъ на слав. языкъ лютеранскихъ церковныхъ пѣсней и другими (**). Намъ кажется, что ни то, ни другое мнѣніе не имѣетъ достаточныхъ основаній.

(*) Добровскаго путешествіе по Швеціи и Россіи. Neue Abhandl. der K. Böhm. Gesellsch. der Wissensch. 2-er Th. p. 185; Ad. Iochera Obraz Bibliogr—Hist. II, p. 103; O. Новицкаго о первонач. перев. Св. Пис. на слав. языкъ, Киевъ. 1837 г. стр. 56.

(**) Головацкаго—Нѣсколько словъ о Библіи Скорины. Научный Сборникъ, изд. Лятер. Общ. Галицко-Рус. Митриц. Львовъ. 1865 г. Вып. IV. стр. 228—231 и 256.

Въ подтвержденіе 1-го мнѣнія обыкновенно ссылаются на то, что свой переводъ свящ. книгъ Скорина дѣлалъ съ Вульгаты, текстъ которой уважается католиками преимущественно предъ другими текстами. Но мы выше видѣли, что Скорина, при изготовленіи имъ перевода священныхъ книгъ, руководствовался не одною Вульгатой, а вмѣстѣ и текстомъ греческимъ, которому, притомъ, въ своихъ послѣсловіяхъ и предисловіяхъ отдаеть одинаковое достоинство, наравнѣ съ Вульгатой. Здѣсь въ дополненіе къ сказанному прибавимъ, что архіеи. Геннадій, при изготовленіи имъ полного списка Библейскихъ книгъ (1499 г.), а равно и Острожскіе издатели Библии 1581 г., пользовались такъ же по преимуществу Вульгатой, и однакожь доселѣ никому не приходило на мысль обвинять ихъ въ склонности къ Католицизму, тѣмъ менѣе называть его распространителями. Ясно, что для Скорины, какъ и для сотрудниковъ Геннадія, а равно и издателей Острожской Библии, латинскій языкъ былъ знакомѣе, чѣмъ греческій, что и должно служить объясненіемъ разсматриваемаго вопроса.

Тѣмъ больше шаткости въ доказательствахъ того, что Скорина былъ Протестантомъ и проповѣдникомъ въ Россіи протестантства. Въ подтвержденіе послѣдняго мнѣнія указываютъ на современное Скоринѣ протестантское движеніе въ Чехіи, Польшѣ и Литвѣ, и на упоминаніе въ сочиненіяхъ Лютера о знакомствѣ съ нимъ и Меланхтономъ какого-то Франциска Поляка (Franciscus Polopus) (*). Но, во 1-хъ, въ эпоху Скорины движеніе протестантства между Славянами, а равно въ Польшѣ и Россіи, дѣйствительно было сильно, только изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что Скорина непременно долженъ былъ принять и дѣйствительно принималъ въ немъ участіе, а тѣмъ менѣе, что онъ дѣйствовалъ въ пользу распространенія въ Россіи ученія Лютера; во 2-хъ, неизвѣстный Полякъ, бывшій въ сношеніяхъ съ Лютеромъ и Меланхтономъ, называется Францискомъ, — и только, т. е. при этомъ имени мы не находимъ ни обозначенія ученаго званія Скорины (доктора), ни его фамиліи (Скорины). Вотъ почему и самъ Копитаръ свое мнѣніе о тождествѣ Франциска Поляка съ докторомъ Фр. Скориною называетъ гипотезой, которая, по его словамъ, обратится въ историческій фактъ только тогда, когда въ документахъ Виттембергскаго Архива найдется прибавленіе къ имени *Франциска* прозваніе *Скорины* (**). Къ сомнѣніямъ Копитара по разсматриваемому вопросу прибавимъ здѣсь, что сношенія какого-то Франциска Поляка съ Лютеромъ относятся къ 1525 г., а въ этомъ году Скорина былъ въ Полоцкѣ, гдѣ тогда имъ были изданы Апостолъ и слѣдов. Псалтирь. Мы уже не говоримъ о томъ, что Скорина въ своихъ изданіяхъ вездѣ называетъ себя Русскимъ, а не Полякомъ.

Подозрѣнія въ приверженности Скорины къ Католицизму или Протестантизму, тѣмъ болѣе обвиненія въ желаніи, путемъ печатанія книгъ, распространять между Русскими то или другое вѣроисповѣданіе, совершенно исчезаютъ, когда мы обратимъ вниманіе на составъ и вѣроисповѣдныи характеръ самыхъ изданій *Скорины*. Какъ мы выше

(*) Головацкаго *ibid.*, стр. 230 и 256. Barth. Kopitar. *Hesychii Glossographi Discipulus*. Vindob. 1840. p. 33.

(**) Kopitar. *ibid.* p. 34.

видѣли, свою издательскую дѣятельность Скорина началъ напечатаніемъ любимѣйшей Русскимъ православнымъ народомъ книги, такъ-называемой учебной Псалтири, которая еще прежде него расходилась въ православной Россіи, въ рукописныхъ экземплярахъ, безъ сомнѣнія ежегодно цѣлыми тысячами, а въ послѣдствіи, съ открытіемъ книгопечатанія, десятками и потомъ цѣлыми сотнями тысячъ. Далѣе, этотъ первый опытъ издательской дѣятельности Скорины имѣетъ вполне православный характеръ: текстъ Псалтири по обычаю православной церкви раздѣленъ на каѳизмы и «Славы», и дополненъ утренними церковными пѣснями. При изданіи текста Скорина дозволилъ себѣ нѣсколько исправленій и именно по Вульгатѣ, но такого рода исправленія, особенно въ Западномъ краю, были тогда въ обычаѣ даже между переписчиками. При такомъ положеніи дѣла естественно спросить, можно ли видѣть въ дѣятельности Скорины что-нибудь похожее на дѣятельность Симона Буднаго или на дѣйствія Римской пропаганды? Не естественнѣ ли напротивъ видѣть здѣсь искреннее желаніе издателя дать своимъ соотечественникамъ любимѣйшую ими книгу и удовлетворить одной изъ настоятельнѣйшихъ потребностей Русскаго народа?

Вслѣдъ за изданіемъ Псалтири Скорина начинаетъ переводить и печатать Библейскія книги, при чемъ держится по преимуществу Вульгаты; но, какъ замѣчено было, тою же самою методой при исправленіи и изданіи Библии пользовались: собиратели Библии Геннадіевской, издатели Библии Острожской 1581 г. и Библии царя Алексѣя Михайловича 1663 г., исправители Славянской Библии при Петрѣ Великомъ, издатели Библии Анненской (*) 1739 г. и отчасти Елизаветинской. И такъ дѣятельность Скорины въ переводѣ Библейскихъ книгъ совершенно согласна съ тою системою и методою, какія были приняты не только въ его время, но и въ послѣдствіи, въ православной церкви вообще, и притомъ не только въ юго-западной Россіи, но даже въ Новгородѣ и въ Москвѣ.

Тѣмъ болѣе говорятъ въ пользу мысли о православіи, по крайней мѣрѣ о православныхъ тенденціяхъ Скорины изданія, сдѣланныя имъ въ Вильнѣ, т. е. изданные имъ ок. 1525 г. Апостолъ и Псалтырь съ разными церковными послѣдованіями, или такъ-называемая Псалтырь слѣдованная. Обѣ эти книги церковно-богослужебнаго характера, и потому разсматриваемый нами вопросъ представляютъ въ самомъ ясномъ видѣ, не допускающемъ никакихъ сомнѣній. Такъ, Апостолъ Скорины совершенно при мѣненъ къ богослуженію не католической, а именно православной церкви, и имѣетъ тотъ же самый видъ и составъ, какіе видимъ въ обыкновенныхъ славяно-русскихъ рукописныхъ и печатныхъ «Апостолахъ;» именно: кромѣ раздѣленія на главы, по обы-

---

(*) Какъ извѣстно, въ составъ Геннадіевской Библии вошло нѣсколько Библейскихъ книгъ, переработанныхъ буквально съ Вульгаты; отсюда же заимствовано раздѣленіе книгъ на главы и нѣкоторые изъ предисловіи. Вліяніе Вульгаты видно и въ Библии Острожской, а равно и въ позднѣйшихъ работахъ надъ Славянскою Библией (см. Горезаго Оп. Синод. Библи. т. I.) Издатели Анненской Библии 1739 г. кромѣ того внесли было въ изданіе Слав. Библии изъ Вульгаты, какъ это сдѣлано у Скорины, и содержаніе главъ. Анненское изданіе Библии осталось неоконченнымъ и въ свѣтъ выпущено не было (Сопик. I, 111). Экземпляры его находятся въ Библіотекѣ Моск. Синод. типогр. а въ Моск. Публ. Музеѣ (изъ собр. Уидольскаго).

чаю православной церкви, онъ раздѣленъ на «церковныя зачала» и въ концѣ снабженъ Соборникомъ, или Мѣсяцесловомъ, въ которомъ читаются имена русскихъ и славянскихъ святыхъ (Саввы Сербскаго, в. кн. Владиміра, Бориса и Глѣба и др.) и указанія дневныхъ и праздничныхъ Евангелій, Апостоловъ, Антифоновъ и др. церк. пѣсней. Далѣе слѣдуетъ указатель чтеній изъ Апостола и Евангелія по недѣлямъ и на разные случаи. Точно такъ же совершенно православный характеръ имѣетъ и изданная Скориной Псалтирь съ церковными послѣдованіями. Какъ выше было уже замѣчено, въ этой Псалтири читаются буквально тѣ же самыя церковныя послѣдованія и молитвы, которыя читаются въ ней и въ настоящее время, или которыя доселѣ встрѣчаются въ славянскихъ рукописныхъ и отчасти печатныхъ, слѣдованныхъ Псалтиряхъ, Часословахъ, Канонникахъ и т. под. прежняго времени. Въ составъ разсматриваемой Псалтири входитъ такъ же и краткій мѣсяцесловъ съ поименованіемъ нѣкоторыхъ русскихъ и славянскихъ святыхъ. Именъ русскихъ святыхъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ мѣсяцесловѣ очень немного (отъ 3-хъ до 5-ти); но, какъ извѣстно, то же самое видимъ и въ Святцахъ рукописныхъ разсматриваемой эпохи, а тѣмъ болѣе въ Святцахъ, писанныхъ въ югозападномъ краю. (*)

Въ силу приведенныхъ данныхъ, вопреки существующему мнѣнію о личности Скорины, и несмотря на латинское его имя—*Франциски* (**), мы, надѣемся, имѣемъ право заключить, что этотъ замѣчательный дѣятель въ области древне-русской литературы принадлежалъ къ православной церкви, по крайней мѣрѣ въ своей издательской дѣятельности заботился не о распространеніи между своими соотечественниками Католичества или Лютеранства, а объ утвержденіи въ нихъ Православія. Вслѣдствіе этого намъ кажется естественнымъ въ лицѣ Скорины видѣть предшественника не проповѣдниковъ въ Россіи Католичества или Реформаціи (***), а скорѣе предшественника князей Острожскихъ, братьевъ Мамоничей, кн. Курбскаго и другихъ ревнителей, подвизавшихся въ XVI в. въ Западной Россіи за православіе противъ усилій Реформаціи и Римской пропаганды.

Внутренній характеръ изданій Скорины, по нашему мнѣнію, не оставляетъ такъ же сомнѣній и въ національности Скорины, а равно и въ томъ, для кого именно онъ предназначалъ свои изданія, т. е. для однихъ Русскихъ или вмѣстѣ и для Славянъ,—

(*) Неполные Святцы, Шестодневъ и нѣсколько отдѣльныхъ каноновъ, акакистовъ и другихъ церк. послѣдованій изъ Псалтири Скорины 1525 г. находятся въ Чертовской библиотекѣ. Скорининскаго Апостола въ московскихъ общественныхъ библиотекѣхъ нигдѣ нѣтъ. Мы пользовались прекраснымъ экземпляромъ Апостола, находящимся въ собраніи Ю. Д. Флименова.

(**) Головац. Ibid. 230. Имя *Францискъ* въ православныхъ Святцахъ дѣйствительно не встрѣчается; но этого одного обстоятельства по нашему мнѣнію слишкомъ недостаточно, чтобы Скорину считать католикомъ, униатомъ или протестантомъ. Очевидно, что на основаніи приведенныхъ нами собраній, имя Скорины: «*Францискъ*» должно получить другое объясненіе. Такъ это имя даетъ между прочимъ нѣсто предположенію, что Скорина могъ дѣйствительно быть прежде по латинскому обряду, но потомъ могъ перейти къ православію. Признавая Скорину послѣдователемъ Лютера, подобное же предположеніе, именно о переходѣ Скорины изъ католичества въ протестанство, очевидно допустить и Головацкій.

(***) Головац. Ibid. 230.

вопросъ, рѣшеніе котораго для Добровскаго казалось сомнительнымъ (*). Сдѣланное нами выше сличеніе текста Псалтири съ разными его редакціями показало, что изъ существовавшихъ въ эпоху Скорины разныхъ рецензій славянскаго текста Псалтири онъ избралъ именно рецензію русскую; Библейскія книги Скорины, по общему признанію, такъ же переведены на западно-русское, современное ему нарѣчіе. И такъ очевидно, что, печатая первыя изданія свои въ Прагѣ, Скорина назначалъ ихъ именно для Русскихъ, своихъ соотечественниковъ, какъ самъ онъ заявляетъ почти въ каждомъ изъ своихъ послѣсловій или предисловій (**). Вотъ почему и вопросъ: въ какой именно Прагѣ Скорина печаталъ свои изданія, по нашему мнѣнію, по крайней мѣрѣ въ разсматриваемомъ отношеніи, не имѣетъ большой важности (***). Въ эпоху Скорины ни въ юго-западной, ни въ сѣверной Россіи типографій не было. Поэтому было естественно, что Скорина мѣстомъ печатанія своихъ изданій избралъ иностранный городъ, гдѣ устроить славянскую типографію, при существованіи другихъ типографій, было безъ сомнѣнія удобнѣе. Почему именно Скорина избралъ Прагу, а не Венецію, не Браковъ и не Угровлахію, — на это безъ сомнѣнія у издателя были свои причины. За тѣмъ, когда открылась возможность устроить типографію на родинѣ, — Скорина перенесъ свою типографскую дѣятельность въ Вильно. Совершенно такъ же было естественно, что назначая свои изданія, притомъ же еще и сдѣланныя на чужой счетъ (на счетъ Богдана Онькова, члена Виленскаго магистрата), для Русскихъ, — всѣ напечатанные экземпляры издатель изъ Праги перевезъ въ Россію. Отъ этого и не удивительно, что экземпляровъ Скорининскихъ изданій въ Славянскихъ земляхъ доселѣ неизвѣстно, и что Добровскій, несмотря на свои поиски, ни въ Прагѣ, ни въ Варшавѣ этихъ изданій не нашелъ ни одного экземпляра, — фактъ, который на взглядъ знаменитаго славяниста казался страннымъ (****).

(*) Добровск. Путеш. 187.

(**) Въ предисловіи къ вн. Іудней: «Доконана есть... людемъ посполитымъ русского языка къ поштану.» Въ предисловіи къ вн. Есепрь: «... своему прирощенному русскому языку къ наудѣ всего доброго», и т. д. Въ предисловіи къ разсматриваемому изданію Псалтири: «къ поштану посполитого доброго наиболѣе съ тое причины, име на милостивый Богъ съ того языка на свѣтъ пустилъ.»

(***) Извѣстно, что этотъ вопросъ рѣшаютъ двояко: Штриттеръ (стр. 190) утверждалъ, что типографія Скорины была въ Прагѣ, чѣдъ близъ Варшавы, или въ другомъ какомъ мѣстѣ въ Литвѣ, представляя нейтральнымъ, чтобы въ Чешской Прагѣ, гдѣ славянская азбука вовсе не употреблялась, была напечатана только одна книга, и притомъ для иностраннаго народа. Противъ этого Добровскій совершенно справедливо замѣтилъ, что Прагское предмѣстье близъ Варшавы ок. 1517 г. было столь незначительнымъ, что приданные Скориной этой мѣстности знатеты (въ славскомъ, вельскомъ, старомъ мѣстѣ Прагскомъ) были бы въ ней непріимлимы. Возраженіемъ же, что въ Чешской Прагѣ была напечатана только одна славянская книга, — самый фактъ напечатанія въ ней Библии Скорины несколько не уничтожается (Добров. Пут. 183—184).

(****) Добровск. Путеш. 187. На рѣдкость экземпляровъ Библии Скорины Головацкій (стр. 230—231) смотритъ какъ на доказательство, что переводъ Скорины «просвѣтителя-семозвонца», какъ одобренный вѣнчизъ изъ православныхъ архіереевъ, Русскими принятъ не былъ и не пользовался довѣріемъ. Но во 1-хъ, Библейскія книги Скорины, равно какъ и его Апостолъ въ Россіи особенно рѣдкости не составляютъ, по крайней мѣрѣ эти книги рѣдки на столько же, какъ и другія современныя Скоринѣ славянскія изданія и многія славянскія книги XVI в. вообще; во 2-хъ, почти въ каждой изъ большихъ русскихъ рукописныхъ библиотекъ существуютъ отдѣльныя книги Скорининои

Остается пожелать счастливому владѣльцу разсмотрѣннаго нами памятника чаще и чаще обогащать свое собраніе подобными же сокровищами. При этомъ нельзя не пожалѣть только, что почтенный собиратель, какъ говорятъ, ограничиваетъ свою коллекцію Славянскихъ старопечатныхъ книгъ приобрѣтеніемъ изданій только дорогихъ и составляющихъ предметъ рѣдкости. Къ сожалѣнію средства, представляемыя общественными московскими бібліотеками для ученой разработки нашей старопечатной литературы, въ такомъ положеніи, что для Москвы имѣютъ большую важность не одни только славянскія книги рѣдкія, но и самыя обыкновенныя и недорогія. Московскія общественныя бібліотеки, при значительномъ количествѣ въ нихъ памятниковъ древне-русской литературы рукописныхъ, крайне бѣдны памятниками литературы старопечатной. Собраніе ихъ, находящееся въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ, недавно обогащено коллекціею книгъ церковной печати, составленною знаменитымъ бібліографомъ нашимъ, покойнымъ В. М. Ундольскимъ, котораго бібліотека, благодаря патріотическому пожертвованію А. И. Кошелева, сдѣлалась собственностію Музея; но упомянутое собраніе, несмотря на сдѣланное къ нему приращеніе, содержитъ въ себѣ едва ли 5-ю часть полной коллекціи. Еще бѣднѣе въ этомъ отношеніи, такъ же въ настоящее время открытыя для публики, бібліотеки: Московскаго Главнаго Архива Министерства иностранныхъ дѣлъ и Гр. А. Черткова (*). Прежде находилось замѣчательное (въ особенности по сохранности экземпляровъ и по богатству московскихъ изданій) собраніе Славянскихъ книгъ церковной печати при Московской Синодальной типографіи; но, по непонятной щедрости, недавно лучшая часть ихъ отчуждена отъ Москвы и передана въ Троицкую Лавру (въ библ. Моск. Дух. Академіи) (**). Два года тому назадъ, по поводу вопроса о распредѣленіи бібліотеки Мо-

---

Библіи въ рукописныхъ спискахъ XVI и XVII в. (см. напр. Опис. Библ. Толст., Рум. и Царскаго),— доказательство, что Библія Скорны въ древней Россіи пользовалась довѣріемъ; въ 3-хъ, выходя печатныхъ славянскихъ книгъ за благословеніемъ и одобреніемъ духовныхъ властей введены въ Россію въ обычай гораздо позже Скорны, и именно въ Москвѣ; слѣдовательно, замѣтимъ здѣсь нетаити, и предположеніе Головацкаго, будто Скорна началъ печатать свой переводъ Библіи за границей по опасенію встрѣтить затрудненіе со стороны православнаго духовенства, не можетъ быть принято. Въ древней русской письменности, въ концѣ XVI в., противъ Библіи Скорны дѣйстви-тельно дѣль—то былъ высказанъ протестъ и именно на томъ основаніи, будто эта Библія переведена съ Библіи Лютера (?! см. Рукоп. Цар. № 461); но этотъ протестъ былъ единственнымъ, и притомъ, очевидно, исходилъ отъ человека, мало знакомаго съ дѣломъ.

(*) Библіотека Черткова открыта для публики съ 1863 г. Библіотека Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, для посѣтителей, не получившихъ разрѣшенія заниматься документами самаго Архива, прежде была или недоступна вовсе, или доступна очень мало. Но въ іюлѣ мѣсяцѣ нынѣшняго (1866) года отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ сдѣлано особое распоряженіе, чтобы какъ рукописи этой Библіотеки, такъ и печатныя книги, а равно и *каталоги* ея были открыты для публики ежедневно отъ 10 часовъ утра до 3-хъ пополудни. Нельзя не порадоваться, что Библіотека Архива въ офенціальномъ отношеніи такимъ образомъ отдѣлена отъ хранящихся въ немъ авторъ и документовъ и для занятія архивскими рукописями и книгами теперь не нужно испрашивать разрѣшенія изъ Петербурга, какъ для занятія самыя Архивомъ.

(**) По проекту было предположено передать изъ Московской Синодальной типографіи въ Московскую Духовную Академію собственно дублеты. Но такъ какъ Типографіи доселѣ не знаетъ сво-

сковской Синодальной типографіи, явилась было какъ нельзя болѣе счастливая идея составить коллекцію старопечатныхъ книгъ при Московской Синодальной библиотекѣ, и для этой цѣли въ послѣднюю было передано изъ типографіи около 100 старопечатныхъ книгъ, изданныхъ до патріарха Никона; но почему-то дальнѣйшая передача книгъ была остановлена (*). Для Москвичей всего естественнѣе желать, чтобы полное собраніе славянскихъ старопечатныхъ книгъ составилось при Московскомъ Публичномъ Музеѣ; но, увы, этотъ Музей, о которомъ такъ долго мечтала и отъ котораго такъ многого надѣялась Москва, доселѣ не имѣетъ никакихъ средствъ къ пополненію своихъ коллекцій, а тѣмъ болѣе коллекціи старопечатныхъ книгъ, которыя для большинства не представляютъ ничего привлекательнаго. Прежде носились по крайней мѣрѣ слухи о приобрѣтеніи для Музея собранія старопечатныхъ книгъ Лукашевича; но къ сожалѣнію теперь даже слухи объ этомъ замолкли, между тѣмъ какъ, упустивъ это собраніе, Москва навѣрно долго не дождется у себя хорошаго собранія славянскихъ старопечатныхъ книгъ. Вотъ почему при отсутствіи, по крайней мѣрѣ при слабости, въ сказанномъ отношеніи предпримчивости общественной, было бы желательно, чтобы на помощь къ ней явилась предпримчивость частная, т. е. чтобы кто-нибудь изъ московскихъ любителей и собирателей старины поставилъ для себя задачей составить сколько возможно полное собраніе славяно-русскихъ церковно-печатныхъ книгъ отъ начала

ихъ богатствъ, но имѣть сколько-нибудь точныхъ реестровъ хранящихся въ ней рукописей и книгъ; то по ошибкѣ, выйдя съ дублетами, она передала и значительное количество изданій, бывшихъ въ ея библиотекѣ въ одномъ экземплярѣ, а въ числѣ ихъ даже бывшій въ ней единственный экземпляръ Московскаго первопечатнаго апостола 1564 г. Два или три года тому назадъ, во возбужденіе подобныхъ же неудачныхъ опытовъ щедрости, типографіи вдумала было заняться разборомъ своей библиотекѣ сама, помяну существовавшей для этой цѣли коммиссія изъ постороннихъ лицъ. И что же? Дѣло ограничилось только тѣмъ, что библиотекѣ была размѣщена въ другихъ залахъ, — и размѣщена такъ дурно, тѣсно и темно, какъ безъ сомнѣнія не размѣщена ни одна библиотекѣ въ цѣломъ мірѣ, за исключеніемъ развѣ въ некоторыхъ библиотекѣ монастырскихъ. Нѣтъ!... Заниматься книжными дѣлами, и притомъ такими спеціальными, для Типографіи должно быть уже прошло время. Не даремъ же о юбилейномъ изданіи Типографіи, которое предполагалось выпустить еще въ 1864 г. и которымъ въ томъ же году любовались посѣтителѣ въ одно изъ публичныхъ засѣданій Общества Любителей Россійской Словесности, доселѣ ни слуху ни духу... Кстати объ этомъ изданіи. Говорятъ, что юбилейное изданіе Типографіи (снимки съ старопечатныхъ книгъ) доселѣ не является въ свѣтъ собственно потому, что Типографіи считаетъ неприличнымъ выпустить его безъ «Исторіи самой Типографіи», которую (исторію), по первоначальному плану изданія, предполагено было присоединить къ нему въ видѣ предисловія и объясненія къ снимкамъ, — а между тѣмъ поручить написать эту исторію никому. Вотъ дѣло и остановилось. Но почему же Типографіи считаетъ нужнымъ и обязательнымъ для себя выпустить снимки непременно въ сопровожденіи исторіи? Тутъ дѣло не въ исторіи, которая, Богъ знаетъ, когда будетъ готова, а въ снимкахъ, которые будутъ говорить сами за себя. Если же Типографіи непремѣнно хочетъ выйдти съ снимками выдать и свою исторію, то почему бы, при отсутствіи у себя специалистовъ по этой части, не поручить этого дѣла его знатокамъ изъ постороннихъ лицъ, напр. хоть бы тому же самому лицу, который занимался изготовленіемъ этого изданія (Приложеніе въ Русск. Арх. 1864 г. № 11—12)? Вѣдь другія свои изданія Типографіи поручаетъ же постороннимъ лицамъ?..

(*) А какое могло бы быть составлено при Московской Синодальной библиотекѣ прекрасное собраніе славянскихъ старопечатныхъ книгъ изъ Типографіи и монастырскихъ библиотекъ!

книгопечатанія до настоящаго времени, и потому, подобно г. Черткову, открылъ бы это собраніе для публики. По нашему мнѣнію такое предпріятіе было бы истинно-патріотическимъ подвигомъ, которымъ собиратель стяжалъ бы себѣ въ потомствѣ самую благодарную память. Мы уже не говоримъ о томъ, что если гдѣ было бы прилично осуществиться такому предпріятію, такъ это именно въ православной Москвѣ, гдѣ полное собраніе славянскихъ старопечатныхъ книгъ имѣетъ значеніе не для однихъ только ученыхъ, но и для многочисленнаго класса старообрядцевъ.

Съ другой стороны нельзя не согласиться, что полныя собранія старопечатныхъ книгъ какъ въ Россіи вообще, такъ въ Москвѣ въ частности, совершенно необходимы, въ интересахъ дальнѣйшаго и успѣшнѣйшаго развитія ученой разработки нашей древней литературы, и въ настоящее время были бы какъ нельзя болѣе кстати въ виду настоятельныхъ, существующихъ въ этомъ отношеніи, потребностей, которыя болѣе и болѣе чувствуются въ наукѣ отечественной древности. Странное явленіе, а отрицать его нельзя: памятники древне-русской литературы *письменные* у насъ изслѣдованы несравненно больше и отчетливѣе, чѣмъ памятники *печатные*. Напримеръ, у насъ сравнительно многое уже сдѣлано для исторіи славянскаго библейскаго и евангельскаго текста рукописнаго отъ XI до XV в., и почти ровно ничего не сдѣлано для исторіи того же текста изъ эпохи книгопечатанія, а тѣмъ болѣе для исторіи печатнаго текста богослужебныхъ книгъ. Мы знаемъ составъ и происхожденіе нашей древней рукописной Кормчей, даже знакомы нѣсколько съ ея источниками и исторіей, — и между тѣмъ ровно ничего не знаемъ о нашей Кормчей печатной, которая однакожъ въ теченіе болѣе полутора вѣка служила и отчасти доселѣ служить для русской церкви каноническою книгою. Намъ извѣстно многое, хоть и отрывочно, о древне-русскихъ рукописныхъ Прологахъ, Патерикахъ греческихъ и русскихъ, и Житіяхъ греческихъ и русскихъ святыхъ, и между тѣмъ почти совершенно ничего неизвѣстно о составѣ, редакціяхъ и источникахъ Прологовъ, Патериковъ и Житій святыхъ церковно-печатныхъ. Та же самая картина представится намъ, если проведемъ паралель между существующими у насъ изслѣдованіями о древнихъ рукописныхъ и печатныхъ переводахъ святыхъ отцовъ, древне-русскихъ рукописныхъ и печатныхъ Сборникахъ, сочиненіяхъ полемическихъ, даже грамматикахъ, словаряхъ и т. д. Кажущаяся невнимательность къ печатному отдѣлу древне-русской литературы у насъ доходитъ до того, что тогда какъ рукописные оригинальные памятники ея, даже не важные и не дающіе для науки почти никакихъ результатовъ, болѣе или менѣе изслѣдованы, а многіе изданы и даже въ нѣсколькихъ редакціяхъ, — такіе же памятники, находящіеся въ старопечатныхъ книгахъ едва намъ извѣстны по названіямъ, а мелкіе неизвѣстны совсѣмъ. Вотъ почему не рѣдки случаи, что о памятникахъ древней литературы, которые были давнымъ-давно напечатаны, у насъ являются изслѣдованія, даже эти памятники издаются вновь, безъ всякаго указанія на ихъ старопечатныя изданія.

Старопечатный отдѣлъ нашей древней литературы сравнительно съ рукописнымъ проигрываетъ еще больше, если сравнимъ обработку того и другаго въ отношеніи

библиографическомъ. По отдѣлу рукописному у насъ существуютъ прекрасные каталоги, изъ которыхъ многіе могутъ равняться, по ученому достоинству, съ лучшими произведеніями Библиографіи иностранной. Правда, большая часть нашихъ каталоговъ держатся строго библиографической системы; но тѣмъ не менѣе они даютъ болѣе или менѣе полное понятіе о содержаніи и составѣ описываемыхъ въ нихъ памятниковъ, а иногда указываютъ имена авторовъ, и время происхожденія сочиненій оригинальныхъ и подлинники произведеній переводныхъ; при описаніи же Сборниковъ, самаго интереснаго отдѣла древне-русской литературы, обозначаютъ, большею частію, подлинныя заглавія статей, приводятъ начальныя ихъ слова и т. д. Другіе же изъ нашихъ каталоговъ, каковы напр. Востокова и въ особенности Горскаго и Невоструева, далеко выступая изъ предѣловъ Библиографіи, представляютъ рядъ самыхъ обстоятельныхъ монографій объ отдѣльныхъ произведеніяхъ древней нашей литературы по рукописямъ описываемыхъ въ каталогахъ библиотекъ, а иногда въ связи съ списками библиотекъ постороннихъ. Вообще, наши каталоги рукописей, кромѣ данныхъ палеографическихъ и библиографическихъ, даютъ богатый матеріалъ для исторіи, исторіи литературы, исторіи языка и т. д. Что же даютъ намъ наши каталоги старопечатныхъ книгъ? Почти исключительно запасъ свѣдѣній для одной Библиографіи и Исторіи книгопечатанія. Большая часть этихъ каталоговъ состоятъ изъ сухаго перечня церковно-печатныхъ книгъ съ болѣе или менѣе точнымъ обозначеніемъ: мѣста и времени изданія книги, ея формата, и изрѣдка только (при описаніи сочиненій общеизвѣстныхъ) имени автора или переводчика. Въ лучшихъ и болѣе обстоятельныхъ каталогахъ приводятся сверхъ того, или: болѣе или менѣе точныя и полныя указанія числа листовъ въ книгѣ, библиотекъ, гдѣ она находится, и сочиненій, въ которыхъ упоминается о ней, или: послѣ указанія числа листовъ книги и категорическаго замѣчанія о ея рѣдкости (рѣдка, очень рѣдка), — предисловія и послѣсловія. Если же, по поводу одного и того же произведенія древне-русской литературы, переходя отъ каталоговъ рукописей къ каталогамъ старопечатныхъ книгъ, — въ послѣднихъ вы стали бы искать свѣдѣній о содержаніи и составѣ описанныхъ въ нихъ книгъ, объ отношеніи печатныхъ изданій одного и того же сочиненія между собою и къ рукописямъ, а тѣмъ болѣе о времени и мѣстѣ происхожденія, авторахъ или переводчикахъ сочиненій малоизвѣстныхъ, то трудъ вашъ будетъ совершенно напрасенъ. Наши каталоги старопечатныхъ книгъ примѣнены не къ историческимъ и не къ историко-литературнымъ работамъ, какъ бы это слѣдовало, а къ требованіямъ Библиографіи въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова и къ потребностямъ ограниченнаго круга собирателей нашей старины и книжныхъ торговцевъ. Рѣзкое исключеніе въ разсматриваемомъ отношеніи представляетъ каталогъ церковно-печатныхъ книгъ Петровской эпохи, находящійся въ извѣстномъ сочиненіи г. Пекарскаго: *Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ* (т. 2.), гдѣ, подобно какъ въ Описаніи Синодальной Библиотеки Горскаго и Невоструева, описанія печатныхъ изданій представляютъ большею частію рядъ историческихъ и литературныхъ изслѣдованій, и гдѣ печатныя изданія приведены въ связь съ литературой рукописною и съ большею или меньшею полнотою определены отношенія одного изданія того же сочиненія къ изданіямъ прежнимъ. Но къ

сожалѣнію трудъ Пекарскаго ограничивается одной эпохой и доселѣ не нашелъ продолжателей. Поэтому изданія, наприм. типографій иностранныхъ XV—XVI вѣка, изданія полемическія южно-русскихъ типографій конца XVI и начала XVII вѣка, старопечатныя изданія Іосифовскія, Никоновскія и т. д., а тѣмъ болѣе изданія южно-русскихъ старообрядческихъ типографій (Почаевскихъ, Супрасльскихъ, Гродненскихъ и т. д.) Екатерининскаго времени въ литературномъ отношеніи намъ совершенно неизвѣстны.

Чѣмъ же объясняется указанное нами несоотвѣтствіе существующаго въ нашей наукѣ уровня въ обработкѣ памятниковъ древне-русской литературы письменныхъ сравнительно съ печатными? Помимо другихъ причинъ, доселѣ задерживавшихъ успѣшный ходъ ученыхъ работъ надъ послѣдними, по нашему мнѣнію, едва ли не главнѣйшею изъ нихъ должно признать отсутствіе у насъ хорошихъ и сколько возможно полныхъ собраній старопечатныхъ книгъ. Приемы и способы литературной обработки памятниковъ письменныхъ и печатныхъ, имѣя между собою много сходнаго, въ то же время представляютъ и много разницы. Литературный памятникъ письменный можетъ быть описанъ, а часто и изслѣдованъ отдѣльно, или по крайней мѣрѣ въ связи съ немногими и извѣстнѣйшими его списками. Совсѣмъ другія въ этомъ отношеніи являются требованія при описаніи и обработкѣ памятниковъ печатныхъ, изданія которыхъ болѣею частію повторялись по нѣскольку разъ, и часто съ измѣненіями. Чтобы изслѣдованіе о такомъ памятникѣ, даже описаніе его было законченнымъ, изслѣдователь, а равно и библіографъ долженъ непременно показать отношеніе послѣдующихъ изданій къ предыдущимъ, а для этого ему необходимо имѣть подъ руками всѣ изданія памятника, хотя бы для того, чтобы убѣдиться, что послѣдующее изданіе составляетъ буквальную перепечатку предыдущаго. Но возможно ли это, если у насъ, по крайней мѣрѣ въ Москвѣ, сколько-нибудь полнаго собранія старопечатныхъ книгъ вовсе не существуютъ, и когда лучшія наши собранія старопечатныхъ книгъ едва ли заключаютъ въ себѣ и пятую часть того, чтò вышло изъ-подъ печатнаго станка? Отъ этого и трудъ, подобный труду Пекарскаго, въ Москвѣ рѣшительно невозможенъ; да и въ Петербургѣ онъ могъ явиться только тогда, когда, благодаря энергической дѣятельности бывшаго директора Императорской Публичной Библіотеки, Барона М. А. Корфа, составилось въ ней отличное собраніе памятниковъ нашей старопечатной литературы. И еслибъ кто взялъ на себя задачу предпринять подобный же трудъ въ Москвѣ, т. е. составить для старопечатныхъ книгъ каталогъ, подобный наприм. каталогу Еберта или Брюне; то, при опредѣленіи отношенія разныхъ изданій одного и того же сочиненія, равно какъ и при описаніи книгъ, составляющихъ предметъ рѣдкости, пришлось бы обращаться: за однимъ изданіемъ въ Музей, за другимъ въ Типографскую или другую библіотеку, за третьимъ къ частнымъ лицамъ, наконецъ въ большей части случаевъ отправляться въ Троицкую Лавру, въ Новгородъ, или всего вѣрнѣе въ Петербургъ, въ Публичную Библіотеку. Тѣмъ болѣе оказались бы необходимыми такія путешествія въ случаѣ изслѣдованій по нашей старопечатной литературѣ специальныхъ. Вотъ почему, снова повторяемъ, въ видахъ дальнѣйшаго успѣшнаго хода работъ по древне-русской литературѣ, именно въ Москвѣ, было бы великой заслугой, еслибы

какое-нибудь общественное учрежденіе, или частное лицо взяло на себя трудъ составить сколько возможно полное собраніе славянскихъ церковно-печатныхъ книгъ отъ начала книгопечатанія до нашего времени. Такое собраніе было бы настолько же необходимо, насколько въ настоящее время настоятъ необходимость въ серьезной и обстоятельной литературной обработкѣ, по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ памятниковъ нашей старопечатной литературы по той же самой методѣ и съ такими же приѣмами, съ какими производятся у насъ подобныя же работы надъ памятниками литературы письменной.

Д. Ч. А. Викторовъ.

15 декабря
1866 г.

ЗАРОЖДЕНИЕ И СУДЬБА ДИВПРА *).

Послѣ потопа Ноева, на Руси изъ бездны первый вышелъ Алаунъ и, привыкнуши дремать подъ водами, не думалъ спорить высотой съ облаками, протянулся лѣнливо не высокииъ, но за то длиннииъ хребтомъ отъ запада къ востоку. Кто посмотрѣлъ бы тогда съ облаковъ (другаго мѣста для взора не было), тотъ подумалъ бы, что это плаваель въ океанѣ огромный китъ, коего усы и лапы увеличиваются и растутъ со дня на день.

Гонимыя вихрями, быстро сбѣгали съ лица земли волны потопа; въ нѣсколько дней уже во всѣ стороны отъ Алауна показалась земля и суша. Все хотѣло, выходя изъ водъ, принять какой либо видъ; но ничто не имѣло еще опредѣленнаго образа и очертанія: нынѣ вода, а завтра суша; нынѣ какъ будто суша, а завтра опять бездна.

Чреватый влагою внутри, палимый солнцемъ извнѣ, Алаунъ полилъ изъ себя во всѣ стороны рѣки и ручьи. И теперь ихъ много, а тогда было вдесятеро больше.

Важнѣе всѣхъ прочихъ дѣтей были двѣ дочери и одинъ сынъ. Старшая изъ дочерей называлась Волга, вторая за ней Двина; сыну далъ отецъ имя Дивпръ.

Посмотрѣлъ на всѣхъ дѣтей отецъ, посмотрѣлъ въ другой и третій разъ и, указывая на Волгу, Двину и Дивпръ, сказалъ: вотъ это мои дѣти! истые Алауновичи!

Что же ты намъ напророчишь, родитель? спросили они всѣ трое, какъ намъ жить, куда течь и гдѣ кончатся?

Живите, отвѣчалъ Алаунъ, какъ Богъ повелить; теките, куда волна повлечеть; не бойтесь бурь и вѣтровъ, горь и пороговъ; бойтесь одного — встрѣтиться съ моремъ: гдѣ оно, тамъ всѣмъ вамъ конецъ!

Недолго думали юныя! Волга, какъ старшая, посмотрѣла на всѣ стороны и потекла на востокъ, къ Солнцу, которое тогда было еще свѣтлѣе и красивѣе нынѣшняго.

Скоро сдружилась она съ озерами и болотами, забрала съ собою всю ихъ силу, обтекла колесомъ всю землю Русскую, пережила всѣхъ братьевъ и сестръ, и скончалась отъ старости: ни то море поглотило ее, ни то она сама разлилась широтою въ море; видно только, что Волга и Каспій — какъ начало и конецъ одного и того-же.

---

*) Эта статья — произведеніе покойнаго Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго. Подлинникъ ея писанъ рукою самого просвѣщеннаго. Мы сообщаемъ ее какъ любопытный памятникъ того поэтическаго настроенія, которымъ отличаются произведенія нашего знаменитаго вѣка.

Двина, не любившая старшей сестры, тотчас обратилась на запад; подобно ей, всюду искала жениха, и подобно ей прихотливая, не нашла его: Нѣманъ ушелъ отъ нея влѣво, Ембахъ вправо; а тутъ скоро встрѣтилось и море, и поглотило ее со всеми водами, не сказавъ: здравствуй! Не течь было къ западу: тамъ не рѣкамъ только, а и Солнцу конецъ!

Днѣпру не изъ чего было выбирать—а течь на сѣверъ или на югъ. Съ перваго несло холодомъ, и Славутичъ повесся на югъ. Тутъ не то, что у Волги и Двины: ни одного озера, ни одного болота; все горы да лѣса, лѣски да горки. Видно, что сухая сторона!

Днѣпръ прыгаетъ и играетъ, играетъ да поглатываетъ ручьи и рѣчки. Ужъ онъ молодецъ-молодцемъ; напоилъ собою Смоленскъ, омылъ Оршу, окаймилъ горы Могилевскія. Пора бы и по невѣсту! Но гдѣ взять ее? Дубровка мала, Орша слаба: Днѣпръ чуть посмотрѣлъ на нихъ, велѣлъ течь при себѣ; а самъ течеть да думаетъ объ иномъ; уже скучно молодцу одному!

Вдругъ, неожиданно нечаянно изъ песковъ и топей выходитъ справа тихая и скромная Березина, почти ровесница по лѣтамъ и водамъ. Днѣпръ не видалъ доселѣ подобной; Березина не встрѣчалась доселѣ съ равнымъ; слились и потекли вмѣстѣ. Днѣпръ, какъ мужчина, клялся въ вѣрности до гроба; Березина, какъ женщина, вѣрила Днѣпру; а опытъ готовилъ, и скоро, другое.

На бѣду Березины, откуда не возьмись съ лѣвой стороны Сожь—полная водами, сильная ростомъ, землячка Днѣпру и схожая нравомъ: Словутичъ забылъ клятву и соединился съ Сожью. Вотъ ужъ текутъ теперь втроемъ. Пора, пора Днѣпру остепениться: иначе пройдетъ худая слава по всей землѣ Русской.

Но вотъ встрѣчается Припеть—богатая водами не менѣе самаго Днѣпра. Молодецъ нашъ трогается уже не одной любовью, а рассчитываетъ и на выгоды: вся фамилія Припети, думаетъ, будетъ принадлежать мнѣ, — и беретъ ее себѣ въ жену. Теперь, думаетъ, заживу на славу: обойдусь безъ чужихъ водъ, буду носить на себѣ цѣлые корабли, особенно весною.

Анъ, вотъ предъ глазами Десна. Что тутъ дѣлать? невѣста славная и ищетъ жениха. Днѣпръ къ ней; она отъ него. Вижу я, говоритъ она, какой ты непостоянный! Но я не такая довѣрчивая: не обманешь, какъ другихъ. Прошедшаго не возвращаешь; но чтобы съ сихъ поръ не было у тебя новой жены. Я буду послѣдняя, или—не буду и потеку къ Дону. Днѣпръ далъ обѣтъ и соединился съ Десною: то было подъ горами Кіевскими.

Съ тѣхъ поръ Днѣпръ остепенился; много еще набралъ онъ рѣчекъ, но все въ прислужницы, а не въ супруги. Десна смотрѣла за мужемъ строго, да и искушеній уже не было: настало другое время и другая судьба.

Прежде куда Днѣпръ ни повернетъ, вездѣ широко и свободно: пески рассыпаются, лѣса разступаются. Теперь что-то справа начинается твердѣть и упорствовать. Днѣпръ почуялъ подъ собою гранитъ. Вотъ онъ высунулся уже и на поверхность. Днѣпръ уклонится влѣво и течеть далѣе; а гранитъ за нимъ и врѣзывается упорнѣе. Днѣпръ все налѣво и думаетъ—не догнать же ему меня.

Вдругъ видитъ врага не только справа, но и слѣва: съ обѣихъ сторонъ громады и утесы; выбирать не изъ чего. Выпрямилъ и склонилъ Днѣпръ голову и бросился на проломъ: пробилъ скалы и утесы, но весь изломался самъ. Не стало силы и крѣпости; тотъ-же да не тотъ. Берега понизились, быстрина исчезла, явились какъ у старца сѣдины—камышы и плавни.

А зной? что дальше, то сильнѣе: печеть какъ въ печи. Недолго питаться прежнимъ запасомъ; новаго сукурса нѣтъ. По мѣстамъ являются овраги и ложбины, но все сухія — сухія; воды ни капли.

Видитъ Днѣпръ, что нехорошо, но продолжаетъ течь, куда—самъ не знаетъ. Не воротится же къ Алауну. Слава Богу, что доселѣ еще нѣтъ моря!

Но что-то подозрительно: впереди что-то не даетъ идти. Днѣпръ ширится и толстѣетъ: но это недобрая толщина, какъ бываетъ у стариковъ передъ смертью.

ОБЪ ОТКРЫТИИ И ИЗДАНИИ

ТВОРЕНИЙ КЛИМЕНТА, ЕПИСКОПА СЛОВЕНСКА.

(Извлечение изъ статьи В. М. Удольскаго) (*).

...Въ ноябрѣ 1840 года обозрѣвая рукописи библиотеки Свято-Троицкой Сергіевой Лавры, нашелъ я въ пергаминахъ уставномъ сборникѣ XIII вѣка (№ 11 in 4° на 202 л.) три поученія *Климента епископа Словенска*, съ яснымъ современнымъ рукописи обозначеніемъ имени автора.

Кто этотъ Климентъ, епископъ Словенскій, и извѣстно ли какое либо его сочиненіе? Эти вопросы родились сами собою вслѣдъ за открытіемъ поученій.

Названіе: *Словенскій*, ясно указывало, что эти поученія не переводныя, а оригинальныя Словенскія.

Беру Словарь духовныхъ писателей (м. Евгенія), и изъ Русскихъ епископовъ нахожу одного Климента Смолятича, рукоположеннаго въ 1147 году юнѣя 27 въ митрополита Кіевскаго 6-ю Русскими епископами. О немъ, по словамъ м. Евгенія, говорится въ нашихъ лѣтописяхъ, «что онъ былъ велимъ ученъ, философіи и богословіи, и учитель церкви православной, какого прежде на Руси не бывало, и многія книги къ ученію народа издаде». Но писецъ рукописи, почти современникъ Смолятичу, скорѣе назвалъ бы его митрополитомъ, а не епископомъ, тѣмъ болѣе, что Климентъ

(*) Предлагаемое, въ извлеченіи, сочиненіе покойнаго В. М. Удольскаго находится въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ, куда, какъ извѣстно, вмѣстѣ съ его Библиотекой, поступили въ 1866 году и всѣ оставшіеся послѣ него бумаги и его ученые работы. Она написана еще въ 1845 г. и въ томъ же году была читана авторомъ въ одно изъ засѣданій (24 ноября) Общества исторіи и древностей Россійскихъ. Слѣдствіемъ чтенія статьи было сдѣланное отъ Общества ей автору порученіе издать особой книгой открытыя и собранныя имъ творенія Климента, но самая статья осталась не напечатанной. По плану автора она, очевидно, должна была войти въ составъ предисловія къ предположенному имъ изданію, которое и было имъ начато въ слѣдующемъ же году. Форматъ изданія былъ избранъ въ среднюю осьмушку, шрифтъ славянскій крупный, разставной, похотѣй на шрифтъ Востоковскаго изданія Остромирова Евангелія. Заставка въ началѣ и орнаменты въ концѣ словъ были взяты изъ Остромирова Евангелія и другихъ древнихъ рукописей. Но печатаніе подвигалось впередъ очень медленно: въ теченіе 1846—1848 гг. было напечатано только два коллота и два набрано, а за тѣмъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, это предпріятіе оставлено совѣкъ. Медленность

Смолятичь епископомъ никогда не бывалъ, а какъ извѣстно, рукоположенъ въ митрополита прямо изъ схимниковъ.

Не останавливаясь на этомъ, я обратился къ каталогу Болгарскихъ епископовъ, находящемуся у Ассемани (Calend. eccl. univ. t. III. c. 4. et N c. 4), помѣщенному въ прекрасномъ Обзорѣни Коричей Книги барона Розеншампфа (прим. 73 стр. 65). Въ немъ послѣ Протогена, Мееодія и Гораздія встрѣчаю: *Климента*, прежде бывшаго епископомъ въ Тибериополисѣ, которому Борисъ, Царь Болгарскій поручилъ епархіальную власть во всѣхъ странахъ съ *Фессалоника* (Солуня до Иерика и Банини, или *Сепіанскаго* края.

Все еще не смѣя довѣрять своему открытію, я тщательно пересматривалъ исторіи Греческой Литературы Каве, Удина и Фабриція, справлялся въ каталогахъ греческихъ рукописей о Климентѣ Грекѣ, быть можетъ по недоразумѣнію переписчиковъ названномъ епископомъ Словенскимъ; но ни у Маттея, ни у Бандини, ни у Ламбеція, ни у Пазини и Гардта ничего не нашелъ подобнаго сочиненіямъ Климента Словенскаго.

Отъ греческихъ источниковъ опять перешелъ я къ русскимъ, къ Соборникамъ, Златоустникамъ и Прологамъ (этимъ собраніямъ разныхъ статей, заключающимъ кромѣ переводовъ много русскаго и между прочимъ почти всѣ сочиненія Кирилла Туровскаго).

Въ Соборникѣ (№ 37) и Златоустѣ (№ 55) нашлось одно похвальное Слово Климента на воскресеніе Лазаря, приписанное І. Златоустому.

Въ Прологахъ, древнихъ пергаменныхъ и печатаемыхъ до настоящаго времени подъ 6 августа, нахожу поученіе св. Климента на Преображеніе. По содержанію, слогу и манерѣ, это поученіе должно быть тогоже Климента, который въ пергаменномъ Сборникѣ названъ Словенскимъ. Смотрю далѣе. По указателю словъ Климентовыхъ

печатанія очевидно объясняется тѣми разнообразными библиографическими и другими учеными занятіями, которыми совершенно поглощенъ былъ издатель въ это юное время, — самое многоплодное во всей его ученой дѣятельности. Кромѣ Библиографическихъ розысканій, помѣщенныхъ въ Москвитинѣ, въ теченіе 1846—1848 годовъ Ундольскимъ было напечатано 13-ть изслѣдованій в памятьниковъ въ Читеніяхъ Общества исторіи, изъ коихъ многія заключали въ себѣ болѣе чѣмъ по пяти печатныхъ листовъ. Сверхъ того, въ это же время, Ундольскимъ было составлено и начато печатаніемъ полное описаніе славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки (напеч. 7 поллистовъ въ 2 столбца); написано изслѣдованіе о Константинѣ, Епископѣ Болгарскомъ, и начато печатаніемъ его учительное Евангеліе; наконецъ напечатано до 6-ти печати листовъ «Россійской Библіотеки Епископа Дамаскіана». Но въ социальную, по разнымъ причинамъ а эти ученые труды такъ же остались не оконченными, а потому и не выпущены въ свѣтъ.

Въ связи бумагъ Ундольскаго, относящихся къ изданію твореній Климента, кромѣ предлагаемой статьи находятся: 1) приготовленные Ундольскимъ, болѣею частью собственноручно, коніи съ найденныхъ имъ твореній Климента, многія въ спискахъ съ цѣлованныхъ рукописей; 2) отдѣленный Ундольскимъ переводъ нѣкоторыхъ словъ Климента на Русскій языкъ; 3) матеріалы для вариантовъ; 4) выбранные изъ твореній Климента тексты Священнаго Псалма; 5) описанія рукописей, въ которыхъ находятся творенія Климента; 6) расположенныя въ алфавитномъ порядкѣ, оологическія и палеографическія примѣчанія къ изданію; 7) оттиски съ орнаментовъ, приготовленныхъ для изданія; 8) чистые и корректурные листы начатаго изданія; наконецъ 9) извѣстіе о твореніяхъ Климента, писанное и представленное Ундольскимъ въ Общество Исторіи въ 1843 г. Редакція.

болѣе не значится. Чтобы и тутъ не ошибиться, обращаюсь къ греческому Прологу: если, думаю, въ немъ находится слово Климента на Преображеніе, весьма сходное по содержанію съ словами Климента Словенска (по списку XIII вѣка), въ такомъ случаѣ и на сіи послѣдніе должна пасть тѣнь сомнѣнія. Для этого беру печатный греческій Прологъ, изданный въ Венеціи 1607 года, in 4°. Трудно было сначала повѣрить, что эта книга именно Прологъ, когда вмѣсто двухъ, трехъ, а иногда и четырехъ фоліантовъ увидалъ я небольшую книгу въ четвертку. Однакожъ разсматриваю, сличаю и нахожу что Греческій *Симаксарій* дѣйствительно соотвѣтствуетъ нашему *Прологу*, но только въ немъ кромѣ сокращенныхъ житій нѣтъ ни поучительныхъ словъ, ни выписокъ изъ Патериковъ, Лимонаря, Старчества и другихъ книгъ. Такимъ образомъ несомнѣнно подтвердилось, что и поученіе св. Климента на Преображеніе Господне не Греческаго происхожденія.

Обращаюсь опять къ Славянскому Прологу; пересматривая слова, между прочимъ внимаю въ извѣстное *поученіе на память св. Ап. Марка* (Апр. 25), изданное А. Х. Востоковымъ въ Собраніи Иноземныхъ Словенскихъ Памятниковъ П. И. Кешпена.

Читаю, перечитываю, и не вѣрю самъ себѣ: оно совершенно, можно сказать дословно, сходно со вторымъ словомъ Климента, помѣщеннымъ въ пергаминаномъ Сборникѣ XIII вѣка. Конецъ всѣмъ сомнѣніямъ!!.. Еще съ 1827 года извѣстно было, что одинъ изъ Фрейзингенскихъ отрывковъ весьма сходенъ съ поученіемъ, помѣщеннымъ въ Прологъ, на память св. Апостола Марка. Но почему былъ сходенъ и кто былъ сочинителемъ сего поученія, этого доселѣ никто не зналъ. А это былъ Климентъ, епископъ Словенскій, или Болгарскій. Для бѣльшаго удостовѣренія сличимъ нѣсколько строкъ третьяго Фрейзингенскаго отрывка, по переложенію Латинскихъ письменъ на Русскія А. Х. Востокова.

Фрейзингенск. III.

Аще бы дядь нашъ не съ грѣшилъ те кѣкъ
нѣмоу въ жити старости не приемлящюу. и
неолиже же пѣуали не нмыи ни слѣзѣа телесе
и мжи нѣ къ кѣкъ нѣмоу въ жити. Понисже за-
квѣстѣа бы неprimушимомъ кыгналиъ отъ слакы
кѣжѣи. Потомъ на родъ улѣкууьскѣи стра-
сти и пѣуали пондоу и нѣмоуи и безъ урадоу
сѣмерть....

(См. Собр. Иноз. Слов. Нам. стр. 33)

Климентово слово 2-е.

Аще бо кѣю (Заповѣдь Божию)
сѣхранилъ то кѣкъ нѣмоу (Адаму)
было житиѣ бес пѣуали и кесмы-
рти старости не приемлящѣи. ни
слѣзѣа дѣла нѣмоушѣи. нѣ заквѣстѣио
дыкѣолью ѡлоууисѣ ѡ слакы кѣжѣи.
Ѣтолеа нападоша на родъ улѣкуу-
скѣи пѣуали и сѣрти и сѣмерть
прѣмноующѣа житиѣ улѣкууько...

Довольно и этого, чтобы видѣть ближайшее сходство между сими двумя памятниками. Привожу замѣчанія А. Х. Востокова касательно этого сходства: «Мѣста сходныя въ поученіи на память св. ап. Марка, говоритъ онъ, съ проповѣдью южно-словенскаго Миссіонера, расположены не въ томъ же самомъ порядкѣ, и обставлены другими мѣстами несходными; сверхъ того въ первомъ изъ сихъ сочиненій рѣчь идетъ объ одномъ св. Маркѣ, а послѣднее указываетъ вообще на святыхъ. Но за

всѣмъ тѣмъ, нельзя конечно считать сходства сія случайными, ибо они простираются не на малое только число выраженій и мыслей одинаковыхъ». Доселѣ слова г. Востокова. Но въ поученіи Климента еще болѣе сходства, потому что оно писано не на память известнаго святаго, но вообще на память Апостола или Мученика.

«Трудно, продолжаетъ г. Востоковъ, доискаться отъ чего произошло сіе сходство между двумя письменными памятниками, столь отдаленными одинъ отъ другаго и временемъ, и мѣстомъ, и разностью буквъ: ежели только счастливый случай не откроетъ еще какихъ нибудь остатковъ древности, могущихъ служить къ разрѣшенію сей загадки (См. Бешпена Собр. Иноз. Слов. Пам. стр. 24).»

Теперь эта загадка разгадана. Для насъ понятно сходство этихъ древнѣйшихъ памятниковъ, отдаленныхъ другъ отъ друга только одною разностью буквъ. Климентъ, епископъ Словенскій, какъ извѣстно, скончался въ 916 году, а его поученіе, какъ мы видѣли, сохранилось въ спискѣ XIII вѣка.

Предоставляю дальнѣйшимъ розьясканіямъ и открытіямъ рѣшить то, что самая Фрейзингенская проповѣдь, сходная съ поученіемъ Климента, не его ли же произведеніе, писанное Латинскими буквами еще тогда, когда *Словене не имѣху книгъ, но чертами и рѣзами чѣтаху и затааху погани суще*, и по изобрѣтеніи письменъ, имъ же нѣсколько переименованное. Не вдаваясь въ догадки, вовсе неумѣстныя въ дѣлѣ положительномъ, я перечислю творенія Климента, несомнѣнно ему принадлежащія, выпишу заглавія, начала и конецъ каждаго, укажу гдѣ которое изъ нихъ находится и въ спискѣ какого времени.

I. „Заповѣданіи о праздницѣхъ Климента сына Словайска . егда хоташе къ стѣмъ днѣмъ аѣмъ.ли мѣнѣ.ли стѣла поученіе къ людѣмъ. ги вѣдгослови.“

Нач.: „Да есте вѣдоуще брате яко днѣ естъ праздникъ стго нмри.“

Кон.: „ Утѣми же оустынами славити непрестанно прѣую трцю оца и сѣа и стго дха ными и присно и къ вѣкы вѣк.“

Это поученіе встрѣчается въ древнихъ перг. прологахъ вѣка XIII, какъ напр. Типогр. библ. № 11 и № 14; а въ Прологъ XVI вѣка in f^o кн. М. А. Оболенскаго это поученіе читается подъ 6 Октября, на память св. Ап. Фомы, съ подписью Климента епископа Словенска. Въ Измарагдахъ оно приписывается I. Златоустому, и находится со многими переѣнами и вставками.

II. «Поученіе и память аѣла или мѣнѣ». Нач.: «Братимъ присно жадаи бисеница нашего гѣ къ нашѣ.» Кон.:... «да вѣдѣмъ сиѣмъ ежнѣ. и приуастишии црѣстеноу нго. Славаши стѣю трѣицю оца и сѣа и стго дха.“

И это поученіе въ Измарагдахъ приписывается I. Златоустому. Хотя надъ нимъ и не написано въ древнемъ спискѣ: «Климента, еп. Словенска», но по содержанію онаго, равно и потому, что помѣщено между словами Климента, оно безъ всякаго сомнѣнія должно принадлежать ему же.

III. «Поученіе сына Климента на стѣмъ вѣскрѣсеніе.» Нач.: «Длѣжнѣ есмѣ братимъ праздникъ ежнѣ устити . вѣдѣржащесе отъ есакого зла.» Кон.: . . . „поужнѣ бо естъ црѣстѣнѣ нѣномъ и поужнѣици вѣсхѣтають нѣ . о хѣ ісѣ гѣ нашѣмъ смоуже слава ными и присно и къ вѣкы вѣкомъ.“

Всѣ сіи три поученія находятся въ пергаминаномъ Сборникѣ Сергіевой Лавры

№ 11-й (л. 23 об.—28). Большую часть книги занимает (л. 64—158) Пандектъ Антиоха Черноризца.

IV. Похвальное слово Лазарю. «Въ субботу 6 поста, иже въ св. отца нашего Климента, похвала о четверодневнѣмъ Лазари». Нач.: «Се предитечетъ свѣтозарное тръжество Христова въскресенія образъ показуя...» Кон.: «..Осанна въ вышнихъ славимому въ тріехъ собствѣхъ, купно съ Отцемъ и св. Духомъ нъ мн...» Въ бомбиц. Сборникѣ XIV вѣка библ. М. П. Погодина и въ сборникѣ XVI вѣка кн. М. А. Оболенскаго. Въ семь послѣднемъ спискѣ оно озаглавлено такъ:

«Слово св. муч. Климента похвално о Лазари». Нач.: «Христова воскресенія предтеча, свѣтозарное тръжество...» Кон.: «...и се младенцы вопіяху: благословенъ грядый во имя Господне Царь Израилевъ, Христось Богъ нашъ. Богу нашему...» Въ этомъ спискѣ много разницы съ предъидущимъ. Онъ находится въ коллекціи гр. Толстова I, 256 и напеч. въ Златоустѣ (№ 55) и Соборникѣ (№ 37).

V. Поученіе на Преображеніе Господне. Мѣс. августа 6 «поученіе св. Климента на Преображеніе Господа нашего I. Ха». Нач.: «Послушайте братіе, скажу вамъ дне сего честь...» Кон.: «вниди въ радость Господа своего, ему же слава со Отцемъ...» Въ пергам. прологѣ Типогр. библ. № 11, XIII вѣка, въ листѣ, Макарьевской Минеѣ, Минеѣ Лаврск. библ. № 7 и многихъ другихъ спискахъ. Оно доселѣ печатается въ Прологахъ.

VI. «Похвала на преставленіе пр. Владычица нашея Богородица, сътворено Климентомъ епископомъ.» Нач.: «...Се нынѣ свѣтло празднество предивнаго сего чудесе насладимся...» Кон.: «...Царство небесное испросящи у Сына своего и Господа Бога нашего и Спаса I. Ха емуже подоб...» Это Слово находится въ Четыи Минеи XV вѣка, въ Лаврской Четыи № 6, XVI в., и многихъ другихъ.

VII. (Мѣс. сент. 23) «Слово похв. списано Климентомъ на память блаженнаго Захаріи о зачатіи св. I. Крестителя». Нач.: «Свѣтъ восія праведнику и правымъ сердцемъ веселіе...» Кон.: «...украшиши приношеніе вседръжителя вышняго, ему же достойтъ хвала и честь со Отцемъ и Сыномъ...» Въ Архивск. Торж. XVI вѣка № 919 и многихъ другихъ.

VIII. «Въ той же день (Окт. 26) Климента Епископа похвала святому и славному Христову мученику Димитрію Мироточьцу». Нач.: «Наста братіе свѣтло празднество Христова воина страстотерца Димитрія...» Кон.: «...Прославляемъ имя пречистыя и честныя и животворящія Троица, Отца и Сына и св. Духа нынѣ....» Въ Четыи Моск. Дух. Акад. XVI в. и въ Житейникѣ Лаврск. библ. (№ 8-й) XVII в.

IX. (Мѣс. нояб. 8) «Слово похвално бесплотнымъ Михаила и Гавріила, сътворено Климентомъ Епископомъ.» Нач.: «Наста празднолюбци пресвѣтлое торжество бесплотныхъ силъ.» Кон.: «...отъ неяже да избавить ны Богъ молитвами его, милостивый Господь нашъ, емуже слава съ безнач...» Въ библиот. Новаго Іерусалима, въ сп. XVI вѣка (по кат. И. П. Сахарова, Спб. 1842, 4°, № 140); въ Архивскомъ Торж. XVI вѣка № 919 и мног. друг.

X. «Мѣс. ноемврія въ 25 день, похвала св. Клименту патр. Римьскому, написана Климентомъ епископомъ.» Въ библ. гр. Толст. въ сп. XVI и XVII в. I, 422 и II,

489. Только одного этого похвального Слова не удалось еще мнѣ читать. Вѣроятно и оно найдется въ нашихъ библіотекахъ.

Главное открытіе (какъ уже я сказалъ) сдѣлано было въ 1840 году, о чемъ въ 1841 году сообщилъ я нѣкоторымъ изъ здѣшнихъ ученыхъ, и между прочимъ кн. М. А. Оболенскому. Въ продолженіи 1842 года по разнымъ занятіямъ и неоднократнымъ отлучкамъ изъ Москвы я не успѣлъ объявить о своемъ открытіи. Въ Маѣ 1843 года въ первый разъ увидѣлъ я бывшаго Секретаря Общества М. П. Погодина. На первый же разъ сообщилъ онъ мнѣ, что Шафарикъ писалъ къ нему объ открытіи сочиненій Климента еп. Болгарскаго. Въ это время я показалъ г. Погодину копию съ трехъ словъ *Климента еп. Словенска*, со списка XIII вѣка, сдѣланную мною въ 1840 году. Удовольствіе было общее. Съ моей стороны, что я предупредилъ открытіемъ и сошелся во мнѣніи съ такимъ ученымъ, каковъ Шафарикъ; со стороны М. П. Погодина, что моимъ положительнымъ открытіемъ подтвердилось предположительное Шафариково. Въ іюньской книгѣ Москвитянина напечатано было извлеченіе изъ писемъ Шафарика къ М. П. Погодину отъ 25 марта и 17 апрѣля 1843 года. Въ первомъ Шафарикъ пишетъ, что сочиненія Климента Болгарскаго еп. (+ 916) должны лежать гдѣ нибудь у насъ въ Россіи. *Quaere et invenias*, говоритъ онъ г. Погодину. Во второмъ извѣщаетъ его, что сіи сочиненія уже найдены, и что онъ писалъ объ этомъ къ г. Востокову. Похвалы Климента, по словамъ Шафарика, находятся въ Востокскомъ описаніи Румянцовскаго Музея, по указателю подъ именемъ еп. Климента, и въ описаніи Калайдовича и Строева, подъ именемъ Климента Папы. Изъ этого видно, что Шафарикъ открылъ слова Климента только (предположительно) по каталогу Востокова въ апрѣлѣ 1843 г.; но ни въ Румянцовскомъ Музеѣ, ни въ Толстовской коллекціи нѣтъ тѣхъ трехъ словъ Климента Словенска, которые открылъ я въ 1840 году, и ни въ одномъ изъ нихъ Климентъ Болгарскій не названъ епископомъ *Словенскимъ*. Вѣроятно Шафарикъ объ этомъ не знаетъ и доселѣ (*).

Послѣ этого я постоянно слѣдилъ за своимъ Климентомъ, отыскивалъ лучшие списки въ разныхъ библіотекахъ, сличалъ ихъ съ прежними и вообще приготовлялъ матеріалы по сему предмету. При таковыхъ розысканіяхъ удалось открыть мнѣ еще одно, едва ли не замѣчательнѣйшее всѣхъ прочихъ твореніе Климента: «Похвалу св. Кирилу философу, учителю Словенску языку». Въ заглавіи сказано, что это похвальное слово: «сотворено Климентомъ епископомъ». Нач.: «Се повѣда намъ Христолюбци свѣтозарная память блаженнаго отца нашего Кирилла. . .» Списокъ XVII вѣка, приобретенъ мною 28 апрѣля текущаго года. Похвала слѣдуетъ послѣ житія Кириллова, писаннаго тѣмъ же почеркомъ.

Не разбирая въ подробности сего слова, замѣчу, что въ семъ спискѣ, какъ и въ древнѣйшихъ, Климентъ названъ просто епископомъ, а не святымъ (№ 4, 5 и 10) и не мученикомъ (№ 4, б.). Изъ чего съ достовѣрностію должно заключить, что писецъ XVII вѣка переписывалъ оное со списка ближайшаго ко времени сочинителя.

(*) Дополнительныя свѣдѣнія о судьбѣ открытія Ундольскаго см. въ его письмѣ на имя Собр. Общ. Ист. и др. О. Ж. Бодянского, напечат. въ Чт. Общ. 1848 г. кн. 3. въ предисл. къ славяно-русс. соч. въ перг. Собрн. Царскаго, VIII—XI.

Въ іюлѣ видѣлъ у меня это слово Членъ Общества И. П. Сахаровъ, выписалъ заглавіе и нѣсколько начальныхъ строкъ. Теперь по письму проф. Горскаго отъ 1 ноября сего года видно, что онъ отыскалъ тоже слово въ августѣ мѣсяцѣ тогоже года между рукописями Прилуцкаго Вологодскаго мон. въ сп. XVI вѣка.

Въ этомъ словѣ, еще неизвѣстномъ Шафарику, кратко излагается исторія Кирилла философа, почти тѣми же словами, какими описана въ житіи его. Есть нѣкоторые слѣды, что и оно можетъ принадлежать тому же Клименту, но безъ ясныхъ доказательствъ нельзя допустить этого. Во всякомъ случаѣ весьма важно для подтвержденія житія Кириллова, въ подлинности котораго усомнился Добровскій, что составитель онаго пользовался современнымъ похвальнымъ словомъ Кириллу философу сочиненнымъ ученикомъ Меодія еп. Климентомъ ...

Не буду говорить о пользѣ обнаруженія сихъ памятниковъ глубокой древности для литературы и исторіи. Довольно уже и того, что ими объясняются знаменитые Фрейзингенскіе отрывки, которыми по справедливости дорожатъ Западные Славяне, и что съ издашемъ твореній Климента взглядъ на сіи отрывки долженъ переѣниться въ пользу Кирилловой письменности. Извѣстно и то, что Климентъ сочинилъ похвальное слово Кириллу философу. Чегожь еще болѣе?...

Твореніе Климента должно издать славянскими буквами, по современнымъ требованіямъ ученой критики. Образцы: Glagolita, Судъ Любуши, Остромирово евангеліе и Супрасльская рукопись,—изданные со всѣми знаками, сокращеніями и вышедшими изъ употребленія буквами.

Передъ текстомъ будетъ *вступленіе*: въ немъ изложится судьба словенской письменности во времена Первоучителей; за тѣмъ предложится жизнь Климента на основаніи дошедшихъ памятниковъ и преимущественно его біографіи, изданной на Греческомъ въ 1802 году.

Говоря о Климентѣ, нельзя будетъ вмѣстѣ не говорить о Кириллѣ и Меодіи; разбирая похвальное слово Кириллу философу, не ссылаться на славянскія ихъ жизнеописанія. Поэтому, для болѣе ясной, въ одномъ изъ приложений помѣстится житіе Кирилла и Меодія по списку, принадлежащему мнѣ, въ сличеніи съ Лаврскими, Синодальнымъ, Успенскаго собора, М. П. Погодина и О. М. Бодянскаго.

Передъ описаніемъ рукописей твореній Климента предложится розысканіе о томъ: давно ли и кому извѣстны были сочиненія Климента. При этомъ будетъ рѣшено, почему твореній Климентовыхъ нѣтъ въ извѣстномъ спискѣ книгъ истинныхъ и ложныхъ, тогда какъ тамъ есть Кириллъ Словенскій и Петръ Русскій. По словамъ Шафарика, эта статья давно уже заслуживала бы основательнаго комментарія. По этому желанію достопочтеннаго Словенофила эта статья будетъ издана въ приложенияхъ по нѣсколькимъ спискамъ, или лучше сказать редакціямъ, найденнымъ мною, кромѣ Балайдовичевой и Розенкамповой, и при ней въ алфавитномъ порядкѣ разобраны будутъ всѣ книги и статьи съ обозначеніемъ когда которая сочинена, или переведена и гдѣ находится. Въ особенности любопытны: «книгъ ложныхъ писанія ихже недостойтъ держати, какъ напр. Адамъ завѣтъ, Сифова молитва, разныя лже-Евангелія, начиная съ Никодимова, Богородицино хожденіе по мукамъ (въ перг. сп. XIII вѣка

сочиненій Климента). Эти статьи переводныя, напечатанныя на Греческомъ в Actis Sanctoanum у Фабриція, въ кодексахъ апокрифическихъ Ветхаго и Новаго Заветовъ, разныхъ Патерикахъ, Лавсаикахъ, Лимонаряхъ и другихъ книгахъ. Еще болѣе любопытно рассмотрѣніе мудровой тѣхъ, имже отводятъ отъ Бога и приводятъ къ бѣсомъ въ пагубу: Острологъ, Острономѣя, Чаровникъ, Громникъ, Колежникъ, Сносудецъ, Волховникъ, Путникъ, Звѣздочетецъ, Шестокрыль и другія сочиненія, частію дошедшія въ цѣлости, частію въ выпискахъ, или однихъ ссылкахъ на оныя.

За тѣмъ описаны будутъ рукописи въ хронологическомъ порядкѣ. Для соблюденія пропорціональности вступленія, подробное описаніе пергаминаго Сборника XIII вѣка Лаврской бібліотеки будетъ помѣщено въ приложеніяхъ. Опъ будетъ описанъ въ сличеніи съ Греческимъ (что уже и сдѣлано). Послѣ чего предложатся замѣчанія графическія, грамматическія и лексикологическія въ сличеніи съ данными Славянской письменности и между прочимъ рѣшится приблизительно: 1) всѣ ли буквы славянской азбуки употреблялись во времена Кирилла и Меѳодія; 2) могутъ ли служить вѣрными признаками древности буквы: ѣ, ѓ, ѣ, ж, ш и ѿ, писанный складомъ, и въ какомъ случаѣ? Употреблялось ли въ древности десятиричное і кромѣ счета, г, ѿ, з, ѣ, ѣ и г (ижица)? Предложится рассмотрѣніе о *титлахъ*, какъ о простомъ сокращеніи, объ *онзтитль*, *словотитль* и другихъ аббревіаціяхъ нынѣ неупотребительныхъ. Означало ли титло почтеніе и святину: *что покрыто то свято*; съ какого времени стали такъ думать и всегда ли держались этого правила?

О знакахъ строчныхъ. Сколько ихъ было въ древности? Знаки особенные: троеточіе .: четверточіе въ видѣ креста; мѣсто и значеніе того и другаго. *Знаки надстрочные.* Справедливо ли мнѣніе Добровскаго, что въ древнихъ рукоп. XI и XII вѣка ихъ вовсе нѣтъ и для чего они ставились? (для означенія слога, произносимаго съ большею силою и для показанія начала и конца слога—и исключенія изъ этого правила). Можно ли дойти до рѣшительнаго убѣжденія касательно того гдѣ прежде были ударенія, и вѣрно ли, что Сербы правильнѣе Русскихъ ставили оныя?.. Происхожденіе и единство удареній съ Греческими.

Въ заключеніи описанія отмѣтятся грамматическія и лексикологическія особенности рукописи.

При этихъ изслѣдованіяхъ необходимо будетъ ссылаться, а иногда входить въ разборъ прежнихъ лексикографическихъ и грамматическихъ трудовъ (до XVII вѣка), почему приложено будетъ нѣсколько неизвѣстныхъ словарей, и между прочимъ недавно открытый мною Словарь языка *Половецкаго*.

Разборомъ сочиненій Климента въ отношеніи богословскомъ и художественномъ окончится *вступленіе*; а указателемъ словъ съ разборомъ грамматическихъ заключатся *приложенія*. Алфавитный указатель именъ и предметовъ съ нѣсколькими снимками древнихъ рукописей заключать все изданіе.

ДРЕВНЕ-РУССКІЙ ЛИТЕРАТОРЪ (*).

Искать типическихъ чертъ литератора въ древней Руси — на первый взглядъ можетъ показаться страннымъ. Литераторъ — лицо необходимое и естественное въ обществѣ развитомъ, въ тоже время невозможная роскошь въ обществѣ, которое стоитъ на степени удовлетворенія самыхъ необходимыхъ потребностей жизни: онъ можетъ появиться и жить только тамъ, гдѣ въ матеріальномъ отношеніи онъ обезпеченъ насчетъ другихъ; его рука не можетъ уже работать и перомъ и сохою. Извѣстно, что на ранней степени своего развитія народонаселеніе имѣетъ мало излишковъ отъ своего труда. Сама пресловутая лѣнь Русскаго народа въ ранней его жизни, по нашему мнѣнію, объясняется — просто неумѣньемъ работать споро, съ большимъ результатомъ, потерю времени на то, что при большемъ умѣнии, навыкѣ и ловкости, которые приобрѣтаются на извѣстной степени развитія, можно бы сдѣлать скорѣе. Понятно отсюда, что много ступеней должно было пройти сѣверное русское народонаселеніе въ своемъ развитіи, чтобы выработать на своей почвѣ типъ литератора.

На первый взглядъ представляется, что въ раннее время на югѣ Россіи начинается литературная дѣятельность, появляется личность писателя. Правда, что на югѣ Россіи, по словамъ Нестора, нравы были мягче, человѣчнѣе и что здѣсь рано возникаетъ значительный центръ, въ которомъ князь и дружина богатѣютъ отъ походовъ и сбора дани съ покоренныхъ племенъ. Естественно, что этотъ небольшой кружокъ, не только обезпеченный въ необходимомъ, но имѣющій и много излишка, могъ подумать о чемъ нибудь побольше, чѣмъ одни матеріальныя, насущныя потребности. Такому небольшому запросу вполне могло отвѣчать появленіе нѣсколькихъ иностранцевъ изъ Грековъ и Болгаръ. У нихъ-то могли образоваться немногіе изъ Русскихъ и сдѣлаться замѣчательными писателями. Но такихъ писателей, усвоившихъ себѣ отъ Грековъ мастерство изложенія, картинность и символизмъ, какъ Иларіонъ, Кириллъ Туровскій и Несторъ — немного. Можно даже сказать, что они составляютъ исключительное явленіе, изъ котораго не выработалось типа Русскаго

(*) Эта статья составлена исключительно по однимъ оговоркамъ, встречающимся въ житіяхъ Русскихъ святыхъ.

литератора. Эти знаменитые писатели древней Руси были для своего времени слиткомъ высоки по своему развитію и образованію, чтобы въ ихъ преемникахъ ихъ образованіе могло удержаться на той же высотѣ. Они не могли перейти въ такую типическую личность общества, которая бы послѣ нихъ продолжала прогрессивно развиваться, такъ что историки нашей литературы, пораженные величавыми фигурами этихъ писателей, и не обративъ вниманія на ихъ количество и средства для ихъ появленія, приходили къ мысли, что послѣ нихъ русская литература упала, а между тѣмъ въ типѣ, въ количествѣ она развивалась. Произведенія ихъ могли удовлетворять дворъ князя, но не могли быть понятны для массы, не подготовленной, незнакомой еще ни съ чѣмъ общимъ, элементарнымъ. Правда, что въ Кіевѣ, при княжескомъ покровительствѣ, возникаетъ монастырь, гдѣ въ средніе вѣка обыкновенно приготавливались писатели; но монастырь этотъ на югѣ Россіи является одинокимъ. Видно, что южное народонаселеніе Руси въ раннюю пору не могло создать многихъ монастырей, хотя монастырь этотъ былъ образцовымъ, хотя изъ него вышли замѣчательные писатели. Зарождается типъ національнаго, Русскаго литератора въ средней и сѣверной Россіи. Тутъ появляется онъ въ большомъ количествѣ представителей, не въ немногихъ почти исключительныхъ личностяхъ, какъ на югѣ. Только такой значительный по количеству типъ могъ лечь въ основу дальнѣйшаго развитія его у насъ. И этотъ типъ выработался преимущественно подъ вліяніемъ народонаселенія въ монастыряхъ, покрывшихъ, какъ сѣтью, сѣверъ Россіи. Южный князь могъ вскормить двухъ, трехъ знаменитостей, но не могъ образовать массы писателей. Вліяніе иностранное, греческое, уже тутъ не было сильно. Греки въ огромномъ количествѣ не могли являться сюда, потому что народонаселеніе не могло поддерживать ихъ. Нужно было инстинктивное самоотверженіе патріотизма, чтобы дѣлать такое дѣло. Нужно было вызвать потребность монастыря у бѣднаго, неразвитаго народонаселенія, и привести его къ тому, чтобы оно поддержало монастырь. Этотъ вызовъ монастыря, а чрезъ него и писателя дорого стоилъ какъ народонаселенію, такъ и тѣмъ патріотамъ, которые принимались за такое дѣло. Бѣдное, разбросанное народонаселеніе, неспособное еще къ идеализаціи, не чувствовало потребности въ монастыряхъ и недружелюбно смотрѣло на основателей ихъ, какъ только дѣло касалось его легкихъ интересовъ. Въ житіи Данила Переяславскаго рассказывается, что поселяне вышли съ дреколями, когда монахи вздумали поселиться на ихъ землѣ ¹⁾). Когда Симонъ Устюжскій выбралъ себѣ мѣсто для поселенія на земляхъ крестьянъ, то «тіи чловѣцы ово блажаху его, ово ненавидяху ту живущіи и противная глаголаху ему и много утѣсняюще его и пакости ему дѣяху, дабы отшелъ отъ мѣста того ²⁾». Когда Адрианъ Пошехонскій искалъ себѣ мѣста для поселенія, то рыболовы, увидавъ признаки его появленія въ этомъ мѣстѣ, говорили: «нѣкій братъ нашъ поселянинъ хошетъ зяяти себѣ мѣсто въ жилище ³⁾».» Построивъ себѣ подъ дубомъ хижину, отшельники терпѣли «отъ лукавыхъ чловѣкъ себѣ поношеніе». Иные поселяне говорили:

(¹⁾) Синод. рив. Милютинской Минеи Авр. л. 307.—(²) Ibid. № 406 л. 21.—(³) Ibid. № 273 л. 14.—

«на придворѣхъ нашихъ черницы вселятся да обладаютъ нами» ¹⁾. Отшельники страдали отъ «звѣреобразныхъ разбойниковъ» ²⁾», которые являлись въ доспѣхахъ и съ мечами, иные въ саадахъ, а иные съ кольями, такъ что святой долженъ былъ убѣжать подъ задній дровяникъ ³⁾. Когда поселился Варлаамъ Хутынской, то бѣсы боялись «егда како потомъ ижденеть ихъ оттуду» и преображались въ разные виды, желая отогнать его отъ мѣста того; «овогда же человекъ бѣсы научающе еже тому досаждати, да поне досады той не стерпя отъ мѣста того отбѣгнетъ» ⁴⁾. Когда Симонъ Устюжскій поселился на малозаселенномъ мѣстѣ, то трое землевладѣльцевъ, когда онъ сѣкъ лѣсъ, взяли его за волосы, стращали смертью, требуя у него царской грамоты, данной на это мѣсто. Святой просилъ подождать, когда соберетъ монаховъ и созвалъ, но тѣ снова приходили, и когда всѣ монахи ушли на праздникъ, то Симона жгли огнемъ; отсѣкли ему голову и кинули около кельи ⁵⁾. Нѣкто Андрей, живя близъ обители Кирилла Бѣлозерскаго, ненавидитъ его, хочетъ съечь и ночью подкладываетъ огоньку къ стѣнѣ его хижины ⁶⁾. Иногда окрестные землевладѣльцы съ отшельникомъ начинали тяжбу за землю: такъ Александръ Каргопольскій для переговоровъ о землѣ высылалъ монаха, котораго противники «лаяли» ⁷⁾. Гаврила Ушакъ боится, что на его землѣ явится монастырь и онъ потеряетъ свое мѣсто ⁸⁾. Въ житіи Александра Каргопольскаго бѣсы говорили святому, чтобы онъ вышелъ отъ этого мѣста, а иначе «умреть смертью» ⁹⁾. Послѣ его смерти поселяне, присвоивая себѣ его угоды, просили монаховъ уходить ¹⁰⁾. Къ Степану Махрицкому приходятъ четыре крестьянина съ угрозами, боясь, что онъ завладѣетъ ихъ селами и нивами ¹¹⁾. То же было съ Зосимой и Савватіемъ, когда они осматривали себѣ мѣсто на Соловецкомъ островѣ. «И возненавидѣша ихъ (отшельниковъ) Веркольскіе жители—говорится въ одномъ житіи—и начаша ихъ изъ монастыря высылати и отъ церкви отказывати» ¹²⁾. То же было съ Кирилломъ Бѣлозерскимъ при его водвореніи ¹³⁾.—Словомъ, монастырь, какъ мѣсто, въ которомъ долженъ былъ выработаться первоначальный типъ нашего писателя, возникъ безъ вызова самаго народонаселенія, безъ большой поддержки со стороны его. Не скоро поэтому монастыри наши могли освободиться отъ физическаго труда, разбогатѣть и приняты за литературную дѣятельность. Монастыри Великороссіи и Сѣверной Руси должны были выработать себѣ положеніе въ средѣ народонаселенія, чтобы оно поддержало его. Трудно было этой массѣ монастырей дорости до матеріальнаго комфорта. Въ эти же бѣдные монастыри могли идти большею частію поселяне, а потому неграмотные. Но какъ ни медленно выработывался писатель въ массѣ этихъ монастырей, тѣмъ не менѣе онъ ложился прочной основой для всего будущаго литературнаго развитія Руси. Пусть это будетъ не высокій по своему развитію, но за то прочный зародышъ для будущаго, зародышъ, который масса народонаселенія вынесла на своихъ плечахъ, вскормила своими крохами и приношеніями.

¹⁾ Синод. ркн. № 273. л. 17.—²⁾ Ibid. 18 л.—³⁾ Ibid. 19 л.—⁴⁾ И. П. Библ. кннг. Погод. № 01 л. 36.—⁵⁾ Ibid. 20 л.—⁶⁾ Синод. ркн. Мил. Мин. Июнь л. 417.—⁷⁾ Ibid. № 413, л. 106.—⁸⁾ С. Библ. Мил. Мин. Июнь л. 691.—⁹⁾ Ibid. № 413 л. 63.—¹⁰⁾ Ibid. л. 73.—¹¹⁾ С. Библ. Мил. Мин. Май. л. 1282.—¹²⁾ И. П. Б. кн. Погод. № 693 л. 56.—¹³⁾ Ibid. № 292 лл. 459—4651.

Не быстро могъ появиться и развиваться писатель въ средѣ бѣднаго великорусскаго или сѣвернаго монастыря. Есть разсказъ о томъ, что монахи, при всемъ своемъ желаніи, не могли написать житія Варлаама Хутынскаго: «скорбѣющимъ убо нѣкогда инокомъ обители сея многолѣтняго ради прешествія и забвенія ради трудовъ Святаго»; «понеже *простоты ради* инокомъ тѣмъ безъ писанія обрѣташеса житіе преподобнаго» ¹⁾. Такой періодъ выжили наши монастыри, сохраняя въ устной передачѣ жизнь своего основателя. Такъ ученики Макарія Калязинскаго разсказывали между собой о Макаріи, что знали ²⁾. Сходясь вмѣстѣ, монахи жалѣли, что предаются забвенію чуда Никиты Переяславскаго ³⁾.

Самая первая работа нашего великорусскаго писателя состояла въ самой простой, безыскусственной запискѣ или того, что онъ самъ зналъ и помнилъ изъ жизни святаго, или что узнавалъ изъ разсказовъ. Но видно, что этотъ писатель не владѣлъ еще мастерствомъ изложенія, что онъ записывалъ факты отрывочно, безъ порядка и послѣдовательности «*ово здѣ ово индѣ*», не сочиняя, т. е. не подчиняя фактовъ взаимной связи, не разрѣшая критически тѣхъ противорѣчій, которыя встрѣчались въ разсказахъ, писалъ, выражаясь языкомъ древней Руси, «*въ легкости* ⁴⁾), *по тонку и смутно*» ⁵⁾. Изъ подобныхъ оговорокъ ясно видно, что, зарождавшійся, такимъ образомъ, литераторъ нисколько еще не владѣлъ литературными приѣмами, не имѣлъ еще никакого литературнаго образованія и навыка къ литераторской дѣятельности. Эти первыя записки писались *вкратцѣ* ⁶⁾. Не сознавая въ себѣ литературныхъ силъ, этотъ ранній писатель жилъ тою мыслию, что онъ только сохраняетъ матеріалъ «*памяти ради* ⁷⁾), *записа ради* ⁸⁾», на тотъ конецъ, чтобы современемъ, когда поразовѣются литературные приѣмы, когда понакопится авторскаго умѣнья, изъ этихъ матеріаловъ могло составиться болѣе стройное цѣлое. Такимъ образомъ являлись эти новыя литературныя произведенія или *памяти*. Таковы были въ древне-христіанскую эпоху акты мученичества, взятые изъ судебныхъ дѣлъ и послужившіе матеріаломъ для составленія жизнеописаній мучениковъ; таковы были *памяти*, которыя писались по порученію папы Климента въ разныхъ странахъ и которыми обзаводилась каждая страна ⁹⁾, имѣвшая наскоро составленныя записки, какъ и мѣстные церковные календари, въ которые вносились краткія записки о жизни мучениковъ и святыхъ. Но какъ бы то ни было, нашъ первичный писатель жилъ вѣрою въ прогрессивное движеніе и развитіе литературной дѣятельности, приготавливая съ сознаниемъ въ запасъ матеріалы. Такъ начиналось скромное дѣло, но, по нашему мнѣнію, ложившееся въ основу всего дальнѣйшаго нашего литературнаго движенія.

Какъ медленно развивалась въ общемъ типъ литературная дѣятельность, видно изъ того, что жизнеописатель того или другаго святаго не самъ принимается за дѣло,

¹⁾ Рун. Слн. № 619 л. 40.—²⁾ Изв. Н. Ал. Н. т. VI в. III стр. 240.—³⁾ Рун. Слн. Мил. Мил. Октябрь л. 1297.—⁴⁾ Рун. Слн. № 406. л. 5.—⁵⁾ Рун. Слн. № 634. л. 28.—⁶⁾ Изв. Анад. П. т. VI в. III, л. 240.—⁷⁾ Рун. Слн. Мил. Мил. Іюль л. 722.—⁸⁾ Ibid. Сентябрь л. 386.—⁹⁾ Dictionnaire des antiquités chrétiennes par Martigny, p. 394.

а почти всегда вызывается усиленною просьбою монаховъ, учениковъ святаго. Тагъ постоянно оговаривается онъ, что его понуждали игумень и старцы монастыря, ученики святаго, наприм. въ житіи Діонисія Устюжскаго ¹⁾, Симона Устюжскаго ²⁾, Діонисія Глушицкаго ³⁾, Александра Ошевенскаго ⁴⁾ и во множествѣ другихъ.

Вынужденный такимъ образомъ и мало сознававшій въ себѣ силъ, писатель былъ робокъ, постоянно извинялся, говоря: *«простите, что спроста написалъ»* ⁵⁾, просилъ дать ему *простыню* ⁶⁾: *азъ бо есмь, говоритъ онъ, невѣлакъ и поселянинъ* ⁷⁾, что онъ *невѣжда и поселянинъ словомъ*, что написалъ *простою своею неученою рѣчью* ⁸⁾, что онъ, *что мало разумѣлъ, то и написалъ* ⁹⁾, что онъ не отъ наученія *дерзнулъ* ¹⁰⁾, но что въ свою очередь *всячески переписати полекохся елико мойи* ¹¹⁾. Его опасеніе, его неувѣренность въ собственныхъ силахъ производила то, что нерѣдко онъ восклицалъ: *«трепетна ми десница, недостойна книто чертанію* ¹²⁾, или *дерзати не смью, глаголати стужуся* ¹³⁾. Такія оговорки, такое сознание въ недостаточности своего литературнаго образованія были вполнѣ естественны въ этомъ монастырскомъ литераторѣ, который нерѣдко выходилъ изъ сословія крестьянъ, пополнявшаго большею частію наши небогатые монастыри.

Но и при убѣдительныхъ просьбахъ писатель отказывался и даже постоянно заносилъ оговорку объ этомъ въ составляемое имъ литературное произведеніе: *«Молю ваше преподобство, говорилъ онъ, отцы блаженные во истину и треблаженные, да не нудитъ меня ваше преподобство, выше бо моя сила дѣло се, зине ницетою разума одержимъ»* ¹⁴⁾, или яко *нудите мя недостойнаго кнѣзю* ¹⁵⁾.

Что же заставляло этого несамовѣрнаго писателя браться за перо? Списатель житія Стефана Пермскаго говоритъ, что его *нѣкая сила заставила писать* ¹⁶⁾. Иногда, какъ напр. составитель житія Діонисія Глушицкаго, онъ говорилъ, что *боляся смерти отъ преслушанія* ¹⁷⁾. Авторъ житія Кирилла Бѣлозерскаго рассказываетъ, что къ нему явился умершій уже Святой съ *прутомъ* и говорилъ: *«зачѣмъ брался, если не по силамъ»*, велѣлъ ему лечь и ударилъ его три раза, но *«болѣнъ»*, замѣчаетъ писатель, *«не было»*, такъ что если бы и больше матеріала нашелъ послѣ, то не облѣнился бы ¹⁸⁾. Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, были какія то реальныя побужденія, чтобы не сознававшій въ себѣ много силъ литераторъ, то по страху смерти, то по сильному принужденію, принимался за дѣло. Житія Русскихъ Святыхъ наполнены рассказами о томъ, какъ болѣзнь вызывала списокъ ка-

¹⁾ Рун. Снн. № 406 л. 5.—²⁾ Ibid. № 404 л. 5.—³⁾ Импер Пуб. биб. вѣнг. Погод. № 713 л. 20.—⁴⁾ Рун. биб. Ундольскаго № 276 л. 11.—⁵⁾ Рун. Снн. Мин. Мин. Сентябрь л. 443.—⁶⁾ Ibid. Апрель л. 1210.—⁷⁾ Ibid. Октябрь л. 1198.—⁸⁾ Ib. Сентябрь л. 443.—⁹⁾ Рун. Снн. № 929.—¹⁰⁾ Рун. И. П. Вибл. изъ вѣн. Погод. № 704 л. 11.—¹¹⁾ Рун. Снн. № 406 л. 3.—¹²⁾ Рун. Снн. № 633 л. 25.—¹³⁾ Рун. Ундол. № 276 л. 11.—¹⁴⁾ Рун. Снн. № 874 л. 23.—¹⁵⁾ И. П. Вибл. изъ Погод. Кн. № 713 л. 20.—¹⁶⁾ Рун. Снн. Мин. Мин. Апрель л. 1309.—¹⁷⁾ Рун. Снн. № 610 л. 22.—¹⁸⁾ Рун. Снн. № 298 л. 126—130.—

кого нибудь литературнаго произведенія. Мы имѣемъ массу рассказовъ о томъ, какъ больные обѣщаются приобрести себѣ, или написать жизнь или канонъ святому. Но въ тоже время писатель глубоко сознавалъ нужду въ подобнаго рода произведеніяхъ: «умилихся слышахъ (рассказывается о жизни Святаго) и не могахъ такого мужа забвенію предати» ¹⁾.

Слѣдя за этими основными, хотя и мало замѣтными нервами появлявшагося у насъ литератора, мы смѣло можемъ сказать, что этотъ процессъ зарожденія представляеть очень много любопытныхъ и рѣдкихъ данныхъ, какія не легко такъ осязательно видѣть въ литераторѣ западномъ, который, утвердившись на основѣ старой, могъ овладѣть умѣньемъ изложенія, не представивъ такимъ образомъ для насъ первичныхъ элементовъ своего зарожденія.

Но что же заставляетъ нашего автора не довѣрять себѣ? Какой идеалъ онъ зналъ? Почему онъ былъ такъ робокъ? Идеаломъ его было риторическое изложеніе, умѣнье *со-чинити*, складно изложить, владѣть перомъ, сложить изъ готоваго матеріала цѣлое, расположить въ порядкѣ, не затрудняться въ образахъ. Спикаторъ житія Стефана Пермскаго говоритъ: «въ Аѳинахъ не былъ, не учился у философвъ, — ни *реторики* витійныхъ глаголь, ни Платоновыхъ, ни Аристотелевыхъ бесѣдъ не стяхахъ» ²⁾. Нашъ литераторъ имѣлъ такой идеалъ, что только «въ философской премудрости возросшіи можетъ писать» ³⁾. «Извитія словесъ не вѣжъ, говоритъ одинъ писатель, ни рѣшенія притчамъ не навыхохъ, ни отъ философъ учился грамотѣ; реторики никогда не прочитахъ *ниже тщеславія ради*» ⁴⁾.» Слѣдовательно идеаломъ нашего автора была греческая витіеватость изложенія. Случается, что авторъ упоминаеть объ эллинскихъ баснотворцахъ, какъ въ житіи Дмитрія Вологодскаго ⁵⁾. «Вы же братіе, обращается одинъ писатель, тщитесь на наше писаніе, прелагайте на новыя скрижали. Кто начнетъ писати и онъ бы ся тцалъ на прямиы точки и запятыя, да не погрѣшилъ бы ся разумъ писанію якоже *мы полагаемъ душу за истинныя словеса и за точки*» ⁶⁾. Слѣдовательно, главная задача автора состояла въ изложеніи, въ складности и даже уже въ точкахъ, что дошло до высшей своей апогеи въ расколѣ. Понятно, что, если явится на этой степени развитія самоувѣренность, то изъ этого автора выйдетъ раскольникъ. Но нашъ авторъ приступалъ къ этому дѣлу съ сознаниемъ того, что трудно дойти до этого идеала. Вотъ что заставляло его не довѣрять себѣ, но за то представляло возможность движенія. И дѣйствительно, этотъ писатель сознавалъ, что главная задача его литературной дѣятельности состоитъ въ умѣнн воспользоваться готовымъ матеріаломъ, связать и изложить его, помиривъ иногда явное противорѣчіе: «во едину пленицу собравъ» ⁷⁾, во едино совокупихъ» ⁸⁾. Такой взглядъ на задачу своей литературной дѣятельности у нашего писателя ясенъ и изъ того недовольства ранними памятниками, въ которыхъ

¹⁾ Руя. Сян. Мил. Мин. Октябрь л. 1185. — ²⁾ Руя. Сян. Мил. Мин. Августъ л. 1014. — ³⁾ Руя. Сян. № 619 л. 28. — ⁴⁾ Руя. Сян. Мил. Мин. Сентябрь л. 385. — ⁵⁾ Руя. Сян. Мил. Мин. Февраль л. 290; Сент. л. 385; № 634 л. 29; № 406 л. 3. — ⁶⁾ Руя. Сян. №. 929. — ⁷⁾ Ibid. № 634 л. 28. — ⁸⁾ Ibid. л. 104; № 406, л. 5.

онъ находилъ, что они были съ противорѣчiями, что записки эти были кратки, что онѣ писаны были легко. Ясно потому отсюда, что новый писатель при всей своей несамоувѣренности значительно выросъ противъ прежняго, такъ что былъ недоволенъ старыми записками, находилъ въ нихъ недостатки, критически относился къ нимъ. Но при всемъ томъ онъ рѣдко говоритъ о своемъ имени, а иногда скрываетъ его подъ цыфрами, какъ напр. авторъ житiя Макария Калязинскаго, Константина Манукскаго ¹⁾, Александра Невскаго.

Какъ бы то ни было, но монастырскiй писатель развивался очень медленно, туго. Онъ является личностью безкорытною, онъ работаетъ не изъ за денегъ, но за то изъ него еще не выходилъ специалистъ. Раньше всего специалистъ писатель появляется въ Новгородѣ. Но этотъ первый специалистъ былъ иностранецъ—Сербъ. Онъ оговаривается поэтому: *«речетъ же кто яко иноя земли суца и невѣдѣща яже о святѣмъ извѣстно и въ правду, не бо своимъ очима видѣхъ что таковыхъ, но пришедъ отъ святѣмъ горы въ преславный великiй Новгородъ и слышавъ елика отъ мноихъ повѣдаема бяху чудеса и сего ради повелѣнъ бывъ архіепископомъ тою же преименитою града владыки Евфимiя приити во обитель святаго, тамо своимъ ушима слышати бывающая чудеса... тамо ми бывшу начахъ вопрошати иже тамо старецъ многа лета имуща въ монастырь томъ велико по Бозь живуще житiе и вѣдающе о святѣмъ извѣстно. Они же начаша ми повѣдати отъ житiя святаго ови сiя, инии подобная тѣмъ и на многи части глаголана бяху чудодѣствiя Святаго и сего ради елико возможна яко во едину пленицу собравъ елико ми бысть мощи написати»* ²⁾. Такимъ образомъ постоянно оговаривается этотъ иностранецъ, выражаясь: *«да не вознебщуетъ ми кто яко иноя земли суца»* ³⁾. Но для успокоенiя того общества, которому онъ назначаетъ свое произведенiе, онъ говоритъ: *«еще ми сущу далече, слышавъ о святѣмъ, колико чудеса сотвори»* ⁴⁾. Какъ специалистъ, онъ беретъ заказы написать то и другое. Онъ путешествуетъ въ монастыри, самъ спрашиваетъ, отыскиваетъ старыя записки; если такiя имѣлись, постоянно расхваливаетъ игумена и старцевъ тѣхъ монастырей, въ которыхъ былъ. «Видѣхъ тамо игумена Кассiана достойнаго и трудолюбиваго» ⁵⁾, говоритъ онъ о Кириллобѣлозерскомъ монастырѣ. Онъ уже не отказывается отъ платы за свой литературный трудъ. Ему платили серебромъ, золотомъ, гунами и соболями ⁶⁾. Мало того, онъ даже не прочь продать по дороже свой трудъ и изъ Новгорода перейти въ Москву. Но какъ бы то ни было, Пахомiй Сербъ владѣлъ мастерствомъ изложенiя, умѣнемъ красно, витѣвато писать, такъ что его обыкновенно называли *«книжнымъ славанiемъ искусный»* ⁷⁾, хотя и ставятъ ему въ вину то, что у него слишкомъ много риторическихъ фразъ. Но эти

¹⁾ Рун. Слн. Мил. Мин. Мартъ л. 887; Окт. л. 1198. — ²⁾ И. П. Библ. книг. Погод. № 701 л. 31—32. — ³⁾ И. П. Библ. Отд. I Толст. № 292 л. 351. — ⁴⁾ Ibid. 541. — ⁵⁾ Рун. Слн. № 298 л. 31. — ⁶⁾ Рун. Слн. № 792 л. 202—205. — ⁷⁾ Ib. № 799. л. 204.

самыя риторическія фразы были рѣдкостью, онѣ являлись какъ признакъ развитія, признакъ новаго прогрессивнаго движенія. А Пахомій Сербъ положилъ примѣръ обладанія такимъ искусствомъ, приложивъ его къ самымъ національнымъ произведеніямъ нашей древней литературы. Но кромѣ одной внѣшней стороны или изложенія, перо Пахомія вносило еще новый элементъ въ литературное дѣло древней Руси. Онъ, какъ самъ выражался, старался писать «*ожасно*», съ осторожностью. Эту мысль свою онъ выясняетъ очень нерѣдко, говоря, что одною изъ главныхъ заботъ его была *критика*, стараніе помярить тѣ противорѣчія, которыя встрѣчались въ устныхъ разсказахъ или въ старыхъ запискахъ о жизни Святыхъ. Такъ онъ говоритъ, прочитавъ однѣ записки: «глаголется же яко во еже пѣти канонъ той святому явися святой той ноци пѣкоему священно-иноку тоя же обители благодареніе о сихъ воздающе и обители той не оскудѣти: сія же азъ прочеть и разсудихъ неподобно быти святаго чудесамъ на многія части глаголатися и яко цвѣтцы обраше отъ многихъ воедино» ¹⁾. Съ такой уже серьезной критикой литературнаго сочиненія является Пахомій, который, понятно, уже не имѣлъ нужды скрывать и не подписывать свое имя. Но какъ бы то ни было, а литературное изложеніе нашихъ житій вело насъ къ принятію того вліянія, которое переходило къ намъ черезъ Польшу и которое извѣстно подъ именемъ схоластики. ²⁾

Переходя къ самому содержанію житій Русскихъ святыхъ, мы должны сказать, что въ этомъ отношеніи всѣ они имѣютъ очень много сходства между собой. Таково напримѣръ очень часто разсказываемое въ нихъ предзнаменованіе, которое имѣетъ мать Святаго прежде его рожденія, въ чемъ впрочемъ наши житія имѣютъ сходство и со всеми другими, что хорошо было извѣстно и Пахомію Сербу, который приводитъ много подобныхъ сравнительныхъ разсказовъ въ житіи Сергія Радонежскаго. ³⁾ Подобный же, распространенный въ нашихъ житіяхъ, разсказъ состоитъ въ томъ, что Святой во время своего дѣтства всегда удаляется отъ дѣтскихъ забавъ, а убѣжавъ въ монастырь не хочетъ выйти къ своей матери, чтобы повидать ее, что также встрѣчается не въ однихъ нашихъ житіяхъ ⁴⁾. Но съ другой стороны наши житія никогда не представляютъ младенчество Святаго такимъ неразумнымъ, чтобы онъ малюткой стоялъ въ церкви предъ иконой и ѣлъ яблоко, какъ это встрѣчается на западѣ ⁵⁾.

Держась нѣкотораго рода общей мѣрки, нашъ писатель въ то же самое время имѣлъ слишкомъ широкой, слишкомъ необъятный идеалъ, который въ его представленіи не слагался въ какой-нибудь осязательный опредѣленный образъ. Идеалъ его былъ какъ нѣчто неопредѣленное, не выяснившееся ему самому, какъ что-то относящееся къ области тайнъ. «Ни бо аще можетъ кто всю глубину исчерпати» ⁶⁾, обыкновенно го-

¹⁾ И. П. Биба. Тол. 1 отд. № 292 л. 351.—²⁾ Въ нашихъ житіяхъ нѣтъ объясненія значенія собственныхъ именъ отъ ихъ корней, что встрѣчается постоянно въ *Legenda aurea*. Исключеніе составляетъ производство слова *Муромъ* отъ стѣнъ *мраморныхъ* а Владимира отъ *сладколюбціи міромъ*; послѣднее впрочемъ по спаску XVII вѣка.—³⁾ Автограф. житіе 1853 г. стр. 30—35.—⁴⁾ Vie de saint Vincent Ferrier de l'ordre des freres prêcheurs par l'abbé Bayle, 1855, стр. 8 и 19.—⁵⁾ Vita B. Iosephi presbyt. et canonici Steinveldensis Antverpie, 1828 года, стр. 13.—⁶⁾ Рун. И. П. Биба. изв. I отд. Тол. № 292 л. 785.

ворилъ онъ. Но иногда этотъ вздохъ свой онъ облакалъ въ болѣе поэтическую фразу, говоря, напримѣръ, что какъ звѣздъ нельзя исчислить, такъ и житія святыхъ ¹⁾, или «неизмѣрима есть небесная высота, неисчерпаема есть моря глубина, также и божіихъ угодниковъ чудодѣйствія» ²⁾. Этотъ лирическій аккордъ, напоминающій известное начало нашихъ былинъ — *высота, высота поднебесна*, является въ XVII в. изложеннымъ въ стихахъ:

Небеси убо высота неиспытаема,
Земли же широта и долгота неосяжаема,
Моря же глубина неизмѣрима,
Святыхъ же чудеса неизсечетна и недоумѣваема.

При такомъ слишкомъ широкомъ и неосязаемомъ идеалѣ нашъ литераторъ не подкрашивалъ дѣйствительности живыми образами фантазіи, чѣмъ отличаются житія Святыхъ, составленныя на югѣ и западѣ Европы, постоянно описывающія то видѣнія загробной жизни съ разнообразною демонологіею, то кипучія страсти, какъ убійство изъ ревности ³⁾, какъ рассказъ о томъ, какъ одна женщина, влюбившаяся въ Св. Винцента, притворилась больной, чтобы зазвать къ себѣ Святаго ⁴⁾. Повторяемъ снова, что нашъ писатель не измѣнялъ, не выдумывалъ, не воссоздавалъ фактовъ.

Но за то нашъ литераторъ держался строго *истинны жизни*, которая выше и дороже самыхъ богатыхъ образовъ фантазіи. Несложная, простая, безхитростная жизнь древней Руси такъ прямо и переносилась въ литературное произведеніе. Правда, что окончивая или составляя подобное произведеніе, онъ былъ въ неудовлетворительномъ состояніи отъ разлада между его идеаломъ и дѣйствительностью. Но за то онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы быть правдивымъ и доказать читателямъ, что все что онъ пишетъ—живая дѣйствительность. Онъ постоянно оговаривается, взялъ ли онъ свой рассказъ изъ старыхъ монастырскихъ записокъ ⁵⁾, или писалъ по рассказамъ и кто ему рассказывалъ, монахи ли или близкіе родственники Святаго ⁶⁾, въ какомъ порядкѣ рассказывали ⁷⁾ и какихъ рассказовъ онъ искалъ и не нашелъ ⁸⁾ и какъ знали тѣ, которые рассказывали ему, видѣли-ли сами, слышали-ли и отъ кого слышали. И постоянно повторяетъ нашъ писатель, что слышалъ онъ отъ *добрыхъ вѣдущихъ, достовѣрныхъ* ⁹⁾ *свидѣтелей, неложныхъ сказателей*, точно также какъ золотая легенда, повѣствуя о святомъ Григоріи, между прочимъ приводитъ рассказъ Іоанна діакона, который писалъ жизнь Григорія и которому во снѣ явился Святой и началъ смѣяться надъ авторомъ, сказавъ ему: *«ты пишешь объ умершихъ, которыхъ никогда не видалъ въ живыхъ»* ¹⁰⁾. Но иностранныя житія, рано получившія переработку и наполненныя фантастическими образами,

¹⁾ Рук. Сми. Б. изъ отд. I Толстаго № 619 л. 28.—²⁾ И. П. Вибл. изъ отд. Погод. № 679 л. 56.—³⁾ *Legenda aurea* 143 л.—⁴⁾ *Vie de saint Vincent* стр. 36.—⁵⁾ Рук. Сми. Мил. Мин. Сентябрь л. 386.—⁶⁾ Ів. Іюль л. 767.—⁷⁾ Рук. Сми. № 298 л. 31.—⁸⁾ Рук. Сми. № 409 л. 3.—⁹⁾ И. П. Б. отд. I Тол. № 292 л. 351 и 451.—¹⁰⁾ *Legenda aurea* стр. 202.

не представляли такой чистой реальности какъ наши. Вообще огромныя массы оговорокъ въ подобномъ родѣ ясно свидѣтельствуютъ, что писатель главнымъ образомъ заботился о достовѣрности фактовъ. Такимъ образомъ тѣ частныя факты изъ дѣйствительной жизни древней Руси, которые попадали у лѣтописца, уцѣлѣли у нашего литератора, какъ въ самомъ разсказѣ жизни Святаго, такъ еще больше въ чудесахъ. Слѣдовательно нашъ древній писатель былъ въ полномъ смыслѣ реалистъ. Произведеніями своими онъ положилъ у насъ начало натуральной школѣ въ поэтическихъ произведеніяхъ нашей литературы. Такое направленіе—такъ какъ чисто національными поэтическими произведеніями нашей древней литературы были только житія—не могло пропасть безслѣдно, не могло исчезнуть изъ монастырскихъ бурсъ. Не эта ли почва подготовила ту натуральную школу нашей литературы, которая провозглашена была въ послѣднее время нашими писателями, получившими свое первое образованіе на той же монастырской скамьѣ бурсы?

Какимъ же образомъ относился нашъ древне-русскій писатель къ самому матеріалу, съ полнымъ ли спокойствіемъ или съ нѣкотораго рода критикой? Правда, что критическаго взгляда, критическаго отношенія къ жизни, словомъ всякаго отрицательнаго элемента у людей древней Руси было немного; что это отрицаніе во имя идеальныхъ началъ бывало рѣдко; но безъ нѣкоторыхъ сѣмянъ критицизма и сомнѣнія наше древнее общество стояло бы на одномъ мѣстѣ, не развивалось бы, не двигалось бы впередъ. Въ чудесахъ Варлаама Хутынскаго разсказывается, какъ возвращавшіеся богомольцы, послѣ того какъ опрокинулась съ ними лодка, мысленно обращаясь къ святому, начали говорить досадительно: «толи возмездіе далъ ты намъ, человекъ божій, то ли мы приобрѣли, пришедши къ ракъ мощей твоихъ; мы надѣялись, что не только отъ временной смерти (спасешь), но и многолѣтнюю жизнь дашь, а ты вмѣсто такихъ даровъ недобрую смерть навелъ, лучше бы намъ не приходило и не молилась, нежели помолившись лишиться жизни ¹⁾». Но въ древней Руси были люди не только во имя своихъ нуждъ и интересовъ творившіе пореченіе на святого, какъ подъячій дьяка Щекина, бывшій у Святаго и при возвращеніи попавшійся къ разбойникамъ ²⁾, но и скептики, какъ нѣкто говорившій о чудѣ митрополита Іоны: «была болѣзнь и сама собой прошла ³⁾», или какъ другой съ насмѣлкой говорившій о чудесахъ Артемія Веркольскаго ⁴⁾, или какъ Иларіонъ вѣдерникъ, обращавшійся къ тѣмъ, которые приходили къ Никитѣ Переяславскому, съ словами: «что всуе тружаетесь ⁵⁾», или какъ больной говорившій: «зачѣмъ ведете меня къ тунеядцу», когда вели его къ Павлу Обнорскому ⁶⁾. Въ житіи Варлаама Пенезскаго разсказывается, что о немъ «сумняхуса мнози, мняху бо святаго, яко простолюдина, а не едина отъ святыхъ ⁷⁾». Но сколько видно изъ описанія чудесъ, скептицизмъ въ древней Руси по преимуществу являлся въ образованномъ классѣ древней Руси. Встрѣчается напр. разсказъ о бояринѣ Симеонѣ, по про-

¹⁾ И. П. Бабл. кннг. Пор. № 701 л. 67.—²⁾ Рун. Син. Мил. Мил. Августъ л. 509.—³⁾ Ib. Мартъ, 1169 л.—⁴⁾ Ib. Июль л. 1350.—⁵⁾ Ib. Май л. 1301.—⁶⁾ Рун. Син. Мил. Мил. Генварь л. 293.—⁷⁾ Рун. Син. № 619 л. 41.—

исхожденію Литвинѣ, который не вѣрилъ Павлу Обнорскому ¹⁾, также объ одномъ изъ Шуйскихъ, который вздумалъ было покошунствовать на могилѣ князя Данила Московскаго. Значительная часть разсказовъ о проявленіи въ древней Руси сомнѣнія принадлежитъ духовенству. Такъ разсказывается объ инокѣ Михаилѣ, что онъ былъ одержимъ невѣріемъ къ Александру Каргопольскому ²⁾, а монахъ Иларіонъ имѣлъ такое невѣріе къ Александру Кумскому, что, получивъ приказаніе отъ митрополита Макарія, не только не хотѣлъ идти къ святому, но даже разсвирѣпѣлъ ³⁾. Но скептицизмъ выражался иногда еще сильнѣе: такъ инокъ Василій разъ ночью вздумалъ посмотрѣть мощи Василія и Константина Ярославскихъ, поднялъ доску и со свѣчею въ рукахъ, обнаживъ ихъ, осмѣлился коснуться ихъ ризъ ⁴⁾; такъ инокъ Θεодосій приходилъ «явственно чудесъ ожидать» отъ святаго ⁵⁾. Хотя всѣ они за свое невѣріе получили должное возмездіе; но изъ этихъ немногихъ фактовъ, приведенныхъ нами, ясно, что и въ древней Руси въ нѣдрахъ самаго православія были сѣмена критицизма, которыя поэтому могли нѣсколько вліять на самыя убѣжденія нашего древнерусскаго литератора. Дѣйствительно, писателями житій разсѣяно нѣсколько оговорокъ, удостовѣряющихъ насъ въ томъ, что и они были не чужды сомнѣній: такъ авторъ житія игумена Діонисія говоритъ: «миѣ же ону повѣсть написавшу о томъ сумняшуся ⁶⁾». Литераторъ, какъ лучший представитель своего времени, скорѣе чѣмъ кто другой, могъ по временамъ задумываться надъ нѣкоторыми изъ тѣхъ фактовъ, которые приходилось ему описывать. А потому ничего не представляетъ удивительнаго, если мы встрѣчаемъ иногда въ житіяхъ оговорку писателя о томъ, что онъ «былъ одержимъ маловѣріемъ ⁷⁾». Какъ много онъ сомнѣвался, на чемъ особенно онъ останавливался въ своемъ раздумьи—для рѣшенія этихъ вопросовъ мы имѣемъ слишкомъ мало данныхъ. За то въ XVII вѣкѣ нашъ писатель начинаетъ выходить изъ чисто аскетическаго взгляда на жизнь, изъ чисто аскетическихъ убѣжденій. Такъ составитель житія Давида Святославича замѣчаетъ: «многіе невѣгласы говорятъ, что не имѣя жены и внѣ міра пребывающій заповѣди господни исправити можетъ, а съ женою и съ дѣтьми не можетъ; но вотъ чего сподобился князь Давидъ Святославичъ ⁸⁾». Извѣстно, что въ томъ же духѣ оговаривается и писатель житія Юліаніи Лазаревской. Дѣлая большую уступку семейной жизни, нашъ писатель въ лицѣ одного представителя сдѣлалъ еще большую уступку своему вѣку, написавъ: «не дивитися, возлюбленніи, аще чудесъ не сотвори по смерти, мнози бо святіи не сотвориша по смерти чудесъ, но святіи суть». Такъ говорится въ житіи князя Владиміра по одному списку XVII вѣка! Понятно, что у древне-русскаго писателя не могло быть ироніи, хотя самая жизнь, самое общество давали ему матеріалъ, который самъ въ себѣ заключалъ иронію. Таковъ одинъ эпизодъ, встрѣчающійся въ житіи Адріана Пошехонскаго, въ которомъ разсказывается о томъ какъ крестьяне мстили за отнятую у нихъ землю, на которой поселился Адріанъ со многими монахами. Крестьяне прижигали Адріана огнемъ

¹⁾ Рук. Сян. Мил. Мин. Январь л. 246 —²⁾ Ib. Май, 1248 л. —³⁾ Ib. Июнь л. 721. —⁴⁾ Рук. Сян. Мил. Мин. Июнь л. 371. —⁵⁾ Ib. л. 735 —⁶⁾ Рук. Сян. № 416 л. 85 —⁷⁾ Рук. Сян. № 413 л. 292 и Мил. Мин. Сент. л. 187. —⁸⁾ Рук. Сян. Мил. Мин. Октябрь л. 775.

и, накинувъ ему петлю на шею, волочили за собой. Они наконецъ заставили Адриана достать тотъ корчажець, въ которомъ у него было 40 рублей. Когда Адрианъ говорилъ имъ, что онъ копилъ эти деньги для построения церкви, то крестьяне ему отвѣчали: *«мы тебѣ созиждемъ церковь сію»*. На это Адрианъ сказалъ: *«орька ми есть ваша церковь и тощю созиданіе ваше»*. Когда же Адрианъ изъявилъ крестьянамъ желаніе на то, что онъ готовъ уступить имъ назадъ всю землю ихъ, уйти съ этого мѣста, никогда не возвращаться и поселиться въ другомъ монастырѣ, чтобы тамъ спастись, тогда крестьяне отвѣчали ему: *«мы тебѣ воздадимъ шлемъ спасенія и пошлемъ тебя къ царю небесному»*, послѣ чего они его убили ¹⁾).

И такъ собравъ тѣ оговорки и обмолвки, которыя какъ бы случайно обронены въ житіяхъ Русскихъ святыхъ, мы приходимъ къ заключенію, что если древне-русскій писатель еще не смѣялся надъ своимъ обществомъ, то уже обо многомъ задумывался и во многомъ сомнѣвался...

Иванъ Некрасовъ.

---

¹⁾ Рун. Рун. Муз. изъ библ. Унд. № 273 л. 18 и 19.

ОТДѢЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Vertical line on the left side of the page.

О П Ы Т Ы

КРИТИЧЕСКИХЪ ОЦѢНОКЪ.

I.

ПУШКИНЪ ВЪ ЕГО СОЧИНЕНІЯХЪ (*).

Кто бывалъ въ Римѣ, тотъ помнитъ длинную ватиканскую галерею съ двумя рядами обломковъ мраморныхъ изваяній. На право и на лѣво чинно разставлены заботливой рукой археологовъ остатки разбитыхъ статуй, — тутъ туловище безъ головы, тамъ голова безъ туловища. Вы видите между ними подъ тонкими складками прозрачной хламиды бѣгущія женскія ноги, и вы останавливаетесь съ восторгомъ. Передъ вами движеніе, жизнь, истина, изящество, красота. Душа ваша радуется, объемлемая полнотою чувства передъ произведеніемъ неполнымъ, отрывочнымъ, обезображеннымъ. Вы идете далѣе и новый восторгъ ожидаетъ васъ, и воображеніе ваше дополняетъ то, что никогда уже на самомъ дѣлѣ не дополнится, и вы невольно задумываетесь. Что бы это было, если бы всѣ эти разрозненныя части вдругъ соединились съ недостающими имъ частями въ стройныя законченныя формы?

Точно такое же чувство овладѣваетъ нами при чтеніи отрывковъ, найденныхъ въ бумагахъ Пушкина: въ нихъ видѣнъ весь художникъ, — твердость его руки при набрасываніи перваго эскиза, трезвость его взгляда на требованія искусства, рельефность его описаній, яркость его красокъ, точность его выраженій и неутолимая его строгость къ самому себѣ, когда онъ сдерживаетъ порывъ своей фантазіи въ предѣлахъ естественности, простоты, лаконизма. Нельзя не благодарить издателей его сочиненій за сохраненіе такихъ драгоценныхъ матеріаловъ. Какъ студіи великихъ

(*) Статья эта читана въ Московскомъ Университетѣ 15 апрѣля 1865 г., въ пользу бѣдныхъ студентовъ.

художниковъ, они сдѣлаются предметомъ изученія для будущихъ нашихъ писателей, когда наша развѣчанная словесность освободится отъ общественныхъ заботъ, и будетъ снова цѣлю, а не средствомъ. Въ отрывочныхъ начаткахъ Пушкина мы можемъ уловить ту первую минуту, когда мысль начинаетъ воплощаться въ слово, когда чувство еще такъ сказать ощупью ищетъ своего образа. Тутъ особенно видна личность автора, тутъ онъ прямо, безъ свидѣтелей, передаетъ себя бумагѣ.

Но за этой первой, домашней работойъ начинается отчетливая отдѣлка художника, — и тогда онъ строго самъ наблюдаетъ за собою. Онъ мало думаетъ о критикѣ журнальной, стрѣляющей большею частью на авось, по поводу мелкихъ личныхъ предубѣждений; но онъ постоянно имѣетъ въ виду геніальныхъ толкователей природы, и въ ихъ твореніяхъ отыскиваетъ себѣ законы. Онъ спрашиваетъ себя въ чемъ Рафаэль и Моцартъ нашли свою прелесть, въ чемъ Микель-Анджело и Шекспиръ были исполнителями; онъ жаждетъ образцевъ, изошряющихъ понятія, вкусъ. Онъ соединяетъ въ одно цѣлое всѣ отрасли искусства, — и примѣняетъ ихъ къ себѣ. Онъ чувствуетъ, что онъ долженъ быть строителемъ, и соразмѣрять въ общей гармоніи всѣ части своего зданія. У музыки онъ спрашиваетъ свѣжести мотивовъ, музыкальности слога то пѣвучаго и нѣжнаго, то сжатаго, торопливаго и сильнаго, то торжественно спокойнаго, смотря по изображаемымъ предметамъ. У живописи онъ заимствуетъ правильность рисунка, и тоже, смотря по надобности, то силу красокъ, то неопредѣлительность полутоновъ. И все это должно возникнуть изъ творчества неподдѣльнаго, все это должно быть согрѣто истиннымъ вдохновеніемъ, все это должно соединять въ себѣ достоинства образцевъ прославленныхъ, и между тѣмъ обнаружить прелесть новизны несомнѣнной. Вотъ чего требуетъ художникъ отъ самого себя; вотъ къ чему онъ стремится, когда, обдумавъ свою тему, начинаетъ онъ по первымъ наброскамъ отдѣлывать свое произведеніе. Тогда отъ минутнаго восторга созданія переходитъ онъ постепенно къ унынію безсилія; тогда онъ чувствуетъ какъ всякая черта, уже опредѣленная, ничтожна передъ идеаломъ, манящимъ его къ себѣ; тогда онъ изнемогаетъ и съ досадой бросаетъ въ сторону трудъ, начатый съ любовью. Этими горемъ горевали всѣ художники; отъ него Брюловъ почти не могъ оканчивать своихъ картинъ; отъ него и Пушкинъ оставилъ намъ столько отрывковъ, которыми мы восхищаемся, и которыми онъ былъ недоволенъ. Но если у всѣхъ настоящихъ художниковъ вообще сознаніе недостижимости ихъ цѣли образуетъ самую горькую отраву жизни, у художниковъ русскихъ къ этой артистической болѣзни присоединяются еще нѣкоторыя такъ сказать мѣстныя особенности, зависящія отъ нашихъ національныхъ свойствъ. Вся Россія повинуется закону спокойнаго однообразія, который соотвѣтствуетъ характеру огромной равнины, образующей наше отечество. Однообразіе это чуждо мѣстностямъ гористымъ, гдѣ воображеніе всегда въ разгарѣ, требуетъ дѣйствія, а сопротивленіе находитъ себѣ пріютъ. При этой гладкой необозримости объясняются татарское иго, крѣпостное право, общинное устройство, семейное смиреніе, однимъ словомъ всѣ виды послушанія, всѣ источники созерцательности; но постоянной драмы въ жизни нѣтъ. Народная поэзія или любитъ природу, даже въ снѣжныхъ степяхъ прекра-

сной, или тоскуеть подь гнетомъ неволи семейной. Языкъ становится описательнымъ; онъ богаче звуками многихъ другихъ языковъ, и распадается, по ходу событій, на рѣчи церковную, простонародную и свѣтскую, подобныя тремъ сестрамъ, изъ которыхъ одна живетъ въ монастырѣ, другая въ деревнѣ, третья въ столицѣ, но всѣ онѣ дочери одной матери, всѣ онѣ одной крови, однихъ свойствъ, хотя судьбы ихъ и разнятся. Вотъ почему въ нашей свѣтской литературѣ мы можемъ прослѣдить особенности нашей сельской поэзии, отражающей въ свою очередь географическія условія края. Быть можетъ, отъ самой бѣдности всего окружающаго насъ идеальность формъ пластическихъ, примиреніе съ природой и монотонными ея красотоми обращаются для насъ въ духовную потребность. Такъ возникаетъ жажда описательности, подражанія, дидактизма. Ее всегда сопровождаетъ чувство, чувство земное, скорбящее объ отлученіи отъ Неба желаній и требованій. Отъ задумчивости оно переходитъ къ отчаянію, отъ шутки къ торжественности. Оно проходитъ по всей гаммѣ сердечныхъ впечатлѣній, оно ударяетъ во всѣ струны лирическихъ восторговъ. Но оно не ждетъ, не творитъ, не вдыхаетъ жизни, не порождаетъ движенія, — оно передаетъ, а не создаетъ дѣйствительность, оно, однимъ словомъ, не строитъ драмы, этого высшаго вѣнца творческаго вдохновенія. Пушкинъ, какъ Русскій, былъ вполнѣ пластическій дидактикъ, онъ вполнѣ былъ одушевленный лирикъ, и если не былъ великимъ драматическимъ гениемъ, то это отъ того, что онъ не могъ пересилить своей русской природы.

Именно въ его отрывкахъ видно, какъ онъ старался, какъ онъ хотѣлъ сбросить тяготившія его оковы, какъ онъ стремился къ созданію чисто драматическому, если не по наружной формѣ, то по настоящей сущности. Его неоконченныя Египетскія ночи были, какъ мнѣ кажется, однимъ изъ крайнихъ усилій его генія. Четыре раза онъ принимался за нихъ, то задумывалъ описать свою Клеопатру въ бесѣдахъ Петронія, то связывалъ ее съ пошлостію великосвѣтскаго вечера, то соединялъ ее съ тѣмъ живымъ импровизаторомъ, въ изображеніи коего выразилась истинная гениальная и сознательная художественность. Пушкинъ былъ ваятель, перо его похоже на рѣзецъ. Какъ Прометей, его предокъ, онъ дошелъ уже до совершенства въ отдѣлкѣ статуй, но онъ все еще искалъ божественной искры жизни и движенія. Онъ былъ уже къ ней близокъ, но тутъ видно, и именно въ Египетскихъ ночахъ, что знаніе древняго міра было въ немъ только инстинктивно, а не обработано научнымъ образомъ; видно, что онъ былъ отвлеченъ, взволнованъ, что уже онъ не могъ посвятить всѣ свои душевныя силы на одолѣніе трудной задачи; онъ оставилъ попытки и одинъ отрывокъ. Но по этому отрывку уже можно судить, чего онъ отъ себя хотѣлъ и что могъ бы онъ еще сдѣлать. Пушкинъ былъ къ тому же неумолимо строгъ къ своимъ произведеніямъ, — любилъ онъ болѣе всѣхъ Бориса Годунова, и это одно уже доказываетъ вѣрность его критическаго взгляда. Въ Борисѣ Годуновѣ Пушкинъ видѣлъ художественную законченность, невычурность и полноту, которыхъ не находилъ въ своихъ поэмахъ.

Внушаемый ими восторгъ ему не льстилъ. Онъ понималъ свои неровности, свои недостатки, и дѣйствительно можно сказать, что поэмы его были какъ то отрывочны,

но что нѣкоторые отрывки его имѣли достоинство поэмъ. Сцены изъ Фауста, Скупой рыцарь, Моцартъ и Сальери, Каменный гость, Пиръ во время чумы, Русалка, Мѣд- ный всадникъ, Арапъ Петра Великаго изобличаютъ необыкновенную яркость и вѣр- ность колорита и порывъ поэта къ драматическому оживленію своей фантазій. Есть произведеніе Пушкина мало оцѣненное, мало замѣченное, а въ которомъ однако онъ выразилъ все свое знаніе, всѣ свои художественныя убѣжденія. Это исторія Пу- гачевского бунта. Въ рукахъ Пушкина съ одной стороны были сухіе документы, тема готовая. Съ другой стороны его воображенію не могли не улыбаться картины уда- лой разбойничей жизни, русскаго прежняго быта, волжскаго раздолья, степной при- роды. Тутъ поэту дидактическому и лирическому былъ неисчерпаемый источникъ для описаній, для порывовъ. Но Пушкинъ превозмогъ самого себя. Онъ не дозволилъ себѣ отступить отъ связи историческихъ событій, не проронилъ лишняго слова, — спокойно распредѣлил въ должной соразмѣрности всѣ части своего разсказа, утвер- дилъ свой слогъ достоинствомъ, спокойствіемъ и лаконизмомъ исторіи, и передалъ просто, но гармоническимъ языкомъ историческій эпизодъ. Въ этомъ произведеніи нельзя не видѣть, какъ художникъ могъ управлять своимъ талантомъ, но нельзя же было и поэту удержать избытокъ своихъ личныхъ ощущеній, и они вылились въ Капитанской дочкѣ, они придали ей цвѣтъ, вѣрность, прелесть, законченность, до которой Пушкинъ никогда еще не возвышался въ цѣльности своихъ произведеній. Капитанская дочка была такъ сказать наградой за Пугачевскій бунтъ. Она служитъ доказательствомъ, что въ дѣлахъ искусства всякое усиліе таланта, всякое крити- ческое самообуздываніе приносятъ свое плодотворное послѣдствіе и даетъ даль- нѣйшимъ попыткамъ новыя силы, новую твердость. О поэмкахъ Пушкина я говорить не стану. Каждый прочувствовалъ ихъ по своему. Въ нихъ конечно проявляются и личность и дарованія Пушкина. Но гдѣ эта личность выдается самымъ нагляднымъ образомъ, — это въ его мелкихъ стихотвореніяхъ, какъ въ автобіографическихъ послѣдовательныхъ отрывкахъ изъ его духовной жизни. По нимъ можно прослѣ- дить какъ многосторонній талантъ его совершенствовался; можно тоже уяснить себѣ въ поэтѣ челоуѣка, съ его достоинствами и недостатками, съ исполинской его при- родой и съ мелочными подчасъ заботами. Нельзя спрашивать у писателя, зачѣмъ онъ родился такимъ, а не другимъ, зачѣмъ природа дала ему болѣе воображенія, чѣмъ умозрительнаго спокойствія, болѣе пылкости, чѣмъ глубины. Но судъ общественный можетъ спросить у писателя, чтò сдѣлалъ онъ съ своимъ дарованіемъ и до чего довелъ онъ его трудомъ, сравненіемъ и строгостію къ себѣ. Пушкинъ могъ слѣдо- вательно развить лишь то, что въ немъ было; но что въ немъ было, доведено имъ до совершенства. Вотъ въ чемъ заключается его главное достоинство; вотъ отъ чего онъ долженъ остаться, и останется для будущихъ поколѣній неизмѣннымъ поучитель- нымъ образцомъ. Не смотря на всѣ искушенія невыгодной обстановки, какъ бы на- рочно окружавшей его отъ рожденія до могилы, онъ выработалъ свой талантъ, и спасъ и вынесъ его въ возрастающей славѣ изъ шалостей дѣтства, изъ оргій моло- дости, изъ борьбы съ большимъ свѣтомъ, которому онъ отдалъ жизнь свою, но не отдалъ ни своего имени, ни своего настоящаго призванія. Въ первыхъ стихотворе-

пійхъ Пушкина 1814 года есть одно подъ заглавіемъ: «Городокъ», заслуживающее особаго вниманія, потому что въ немъ находится перечень библіотеки ребенка-поэта. Въ этой библіотекѣ занимаетъ почетное мѣсто Вольтеръ, отецъ Кандида, за нимъ Ванюша Лафонтенъ, Мольеръ Исполннъ. Руссо, Расинъ, Вержъе, Грекуръ, Парни и страшный 16-томный Лагарпъ. Съ ними были перемѣшаны русскіе писатели и Гораций, вѣроятно для важности, такъ какъ Пушкинъ былъ лѣнивъ и никогда съ латинскимъ языкомъ совершенно не оспоялся. Но изъ самаго выбора книгъ уже видно какъ грустно плохо было первоначальное воспитаніе гениальнаго 15-ти лѣтняго мальчика. Чтеніе Кандида и Парни долго отзывалось въ воспримчивой его памяти, и слѣдовательно въ его произведеніяхъ. Къ тому же формы французской классической литературы, заимствованныя Державинымъ, Озеровымъ, Княжиннымъ, налагали долго на него обязанность, по его убѣжденіямъ, не уклоняться отъ данныхъ образцовъ.

Тутъ выказывается у него одна рѣзкая и нынѣ рѣдкая черта — уваженіе къ авторитетамъ, безъ котораго можно быть гениемъ, но нельзя сдѣлаться художникомъ. Пушкинъ благоговѣлъ передъ своими учителями: Державинымъ, Карамзинымъ, Жуковскимъ и Вяземскимъ; съ двумя послѣдними онъ всю жизнь свою находилъ въ почтительной дружбѣ, и оба стояли у его изголовья когда онъ умиралъ. Съ чувствомъ дѣтскаго добродушнаго смиренія передъ людьми, имъ уважаемыми, Пушкинъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ умѣлъ энергически презирать и клеймить людей ему ненавистныхъ; эти два свойства выразились уже въ 1817 году въ посланіи къ Жуковскому. Въ этомъ посланіи онъ вспоминаетъ о Карамзинѣ, о Дмитріевѣ, о Державинѣ, обившемъ его, о Жуковскомъ, полавшемъ ему руку:

Сокрытаго въ вѣкахъ священный судія (*),
 Стражъ вѣрный прошлыхъ лѣтъ, наперсникъ музъ любимый,
 И блѣдной зависти предметъ непоколебимый,
 Привѣтливыйъ меня вниманьемъ ободрилъ,
 И Дмитревъ слабый даръ съ улыбкой похвалилъ,
 И славный старецъ нашъ, Царей пѣвецъ избранный (**),
 Крылатымъ гениемъ и граціей вѣнчанный,
 Въ слезахъ обнялъ меня дрожащею рукой
 И счастье мнѣ предрекъ, незнаемое мной.
 И ты, природою на пѣсни обреченный,
 Не ты ль мнѣ руку далъ въ завѣтъ любви священной.
 Могу ль забыть я часъ, когда передъ тобой
 Безмолвный и стоялъ, и молнійной струей
 Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла
 И, тайно съединясь, въ восторгахъ пламенѣла.
 Нѣтъ, нѣтъ, рѣшился я безъ страха въ трудной путь,
 Отважной вѣрою исполнилася грудь.

(*) Карамзинъ.

(**) Державинъ.

Творцы бессмертные, питомцы вдохновенья,
 Вы пѣль мнѣ кажете въ туманахъ отдаленья,
 Лечу къ безвѣстному отважною мечтой,
 И, мнитса, геній вашъ промчался надо мной.

Казалось бы, что за тѣмъ долженъ быть конецъ и стихотворенію; но похваливъ, сказавъ спасибо, выразивъ все, что онъ чувствовалъ къ своимъ идоламъ, онъ по неугомонности почувствовалъ потребность побораниться, и вдругъ обращается къ пещерѣ, гдѣ

Зоны записные,
 Сидятъ бессмыслицы дружны боевыя.

Тутъ среди Варяговъ достается Третьяковскому, скрипящему желѣзнымъ перомъ: тутъ не ушелъ отъ укоризны и

Слабое дитя чужихъ уроковъ,
 Завистливый гордецъ, холодный Сумароковъ.

Наконецъ задѣвается какой то приютъ, гдѣ прозу и стихи отважно всѣ куютъ и слогомъ Никона печатаютъ поэмы. Задѣваются мертвые и живые, и въ особенности члены «Бесѣды». Къ возстанію на нихъ приглашаются пѣвцы, воспитанные въ счастливой ереси и вкуса и ученія, и зывая къ мести, пылкій юноша заключаетъ:

Гоненія терпѣть ужель и мой удѣлъ?
 Что нужды. Сиблю въ даль дорогою прямою:
 Ученью руку давъ, поддержанный тобою,
 Ихъ злобы не страшусь. Мнѣ твердый Карамзинъ,
 Мнѣ ты примѣръ... что крикъ безумныхъ сихъ дружинъ?
 Пускай *бесѣдуютъ*, отверженные Феба,
 Имъ прозы и стиховъ не посланъ даръ отъ Неба,
 Ихъ слава имъ же стыдъ, творенья смѣхъ уму
 И въ тѣмъ возникшіе, низвергнутся во тьму.

Такъ начиналъ Пушкинъ свое поприще, такъ онъ его и кончилъ, вѣрный слуга своихъ убѣжденій, добродушный, пѣжный другъ своихъ друзей, непримиримый врагъ своихъ враговъ. Впрочемъ надо замѣтить, что собственно открытыхъ враговъ у Пушкина никогда не было, и самъ враждовалъ онъ не за себя, а заступаясь за пріятеля, или за литературную свою святыню. Такъ за Карамзина кинулся онъ на Полеваго, и тогда видно было, что въ немъ дѣйствительно смѣшалась съ кровью русской кровь арабская.

Въ жизни его дружба играла большую роль, чѣмъ любовь. Въ дружбѣ онъ былъ постояненъ, въ любви страстенъ, но измѣнчивъ. Читая его стихотворенія, кто не былъ тронутъ его добрыми, благородными, открытыми отношеніями къ товарищамъ по Лицею, къ товарищамъ по русской письменности.

Изъ посланій его къ князю Горчакову, къ Пушкину, къ Дельвигу, къ Баратынскому, къ Илличевскому и Кюхельбекеру и ко многимъ другимъ видно какая была въ немъ жажда привязанности. Языкова онъ почти не зналъ, а между тѣмъ все старался съ нимъ сблизиться. Ему то онъ и высказалъ какъ понималъ онъ взаимныя отношенія поэтовъ:

Издревле сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуетъ:
Они жрецы единыхъ музъ,
Единый пламень ихъ волнуетъ;
Другъ другу чужды по судьбѣ,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидіевой тѣню,
Языковъ! близокъ я тебѣ.

Никто болѣе Пушкина стихотворнымъ успѣхамъ своихъ собратій не радовался. Что можетъ быть трогательнѣе его отвѣта слѣпому поэту Козлову на присылку Чернеца:

Пѣвецъ! когда передъ тобой
Во мглѣ сокрылся міръ земной,
Мгновенно твой проснулся геній,
На все минувшее воззрѣлъ,
И въ хорѣ свѣтлыхъ привидѣній
Онъ пѣсни дивныя запѣлъ.
О милый братъ, какіе звуки!
Въ слезахъ восторга внемлю имъ:
Чудеснымъ пѣніемъ своимъ
Онъ усыпилъ земныя муки.
Тебѣ онъ создалъ новый міръ,
Ты въ немъ и видишь, и летаешь,
И вновь живешь, и обнимаешь
Разбитый юности кумиръ.

А я, коль стихъ *единый* мой,
Тебѣ *миловенне* далъ отрады,
Я не хочу другой награды;
Не даромъ темною стезей
Я проходилъ пустыню міра;
О нѣтъ, не даромъ жизнь и лира
Мнѣ были *всѣречь* судьбой.

Въ этихъ стихахъ нѣтъ мадригалности, нѣтъ лицемѣрія свѣтскаго, въ нихъ видна одна глубокая человѣчность,—за такую способность любить нельзя не любить

самого Пушкина. Еще проще, еще сердечнѣе, когда талантъ его былъ въ полной обработанной зрѣлости, выразился онъ о Мицкевичѣ:

Съ нимъ

Дѣлился мы и чистыми мечтами
И пѣснями. Онъ вдохновенъ былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь. Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Онъ
Ушелъ на Западъ, и благословеніемъ
Его мы проводили.... Но теперь
Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ, и нынѣ
Въ своихъ стихахъ, угодникъ черни буйной,
Поетъ онъ ненависть: издалика
Знакомый голосъ злобнаго поэта
Доходить къ намъ! -- о Боже, возврати
Твой миръ въ его озлобленную душу.

Это стихотвореніе 1834 г. вылилось изъ души. Въ немъ простота, задушевность, точность, изящество выраженій поразительны. Въ немъ видно, что Пушкинъ самъ усталъ отъ жизни, и съ упованіемъ взываетъ къ чувству религиозному, послѣдному убѣжищу страстныхъ волненій и жизненныхъ ошибокъ.

Приведу еще примѣръ, какъ онъ хранилъ память о своихъ товарищахъ. Не долго передъ кончиной, въ мартѣ 1836 г., онъ написалъ стихотвореніе

Художнику.

Грустенъ и веселъ вхожу, ваятель, въ твою мастерскую;
Гипсу ты мысли даешь; мраморъ послушенъ тебѣ:
Сколько боговъ, и богинь, и героевъ. Вотъ Зевсъ громовержецъ;
Вотъ изъ подлобыя глядитъ, дуя въ цѣвницу, Сатиръ;
Здѣсь зачинатель Барклай, а здѣсь совершитель Кутузовъ;
Тутъ Аполлонъ-идеаль, — тамъ Ниобея печаль.
Весело мнѣ; но межъ тѣмъ, въ толпѣ молчаливыхъ кумировъ,
Грустенъ гуляю... со мною *доброю* Дельвига нѣтъ:
Въ темной *могилѣ* почилъ художниковъ *другъ* и совѣтникъ.
Какъ бы онъ *обнялъ* тебя; какъ бы *гордился* тобою.

Однимъ изъ послѣднихъ стихотвореній Пушкина было привѣтствіе на годовщину Лицея 19 Октября 1836 г. Черезъ двѣ недѣли за тѣмъ начались его предсмертныя нравственныя муки. Съ Лицеємъ онъ вступилъ на поприще, съ Лицеємъ и отошелъ.

Но кромѣ способности понимать и уважать дружбу, въ Пушкинѣ была природная вѣжливость, которая, быть можетъ, въ слѣдствіе вліянія Вольтера на его молодость, изобличала въ немъ тонкую игривость и граціозность ума. Это преимущественно французское умѣнье заострить окончаніе куплета, эти полутоны свѣтской поэзіи, которыми особенно отличается у насъ князь Вяземскій, мало цѣнятся въ нашей современной словесности, любящей крупныя черты и крупную соль. Не менѣе того въ нихъ есть достоинство несомнѣнное, и это достоинство щегольства чувствъ и образованности привычекъ было вполне усвоено съ дѣтства Пушкинымъ. Еще въ 1816 году онъ писалъ къ своему дядѣ Василю Львовичу, назвавшему его братомъ:

Отъ рифмъ бавхическихъ шатаюсь на Пегасѣ,
Я знаю самъ себя,—хоть радъ, хотя не радъ.
Нѣтъ, нѣтъ... Вы мнѣ совсѣмъ не братъ,
Вы дядя мнѣ и на Парнасѣ.

Позже онъ написалъ:

Отечество почти я ненавиждѣлъ,
Но я вчера Голицыну увидѣлъ
И примирень съ отечествомъ моимъ.

Актрисѣ Сосницкой:

Кто любить васъ, тотъ очень глупъ, конечно,
Но кто не любить васъ, тотъ во сто разъ глупѣй.

Такимъ шалостямъ гибкаго ума у Пушкина нѣтъ счета. Онъ бросаютъ свѣтъ на его личность болѣе чѣмъ на серьезныя стороны его таланта, но онѣ однакожь объясняютъ дополнительную чертою всю коренную природную объективность этого таланта. Его первой и всегда главной стихіей былъ міръ наружный въ его пластической красотѣ. Благодаря хронологическому порядку, соблюденному издателями Пушкинскихъ стихотвореній, мы можемъ прослѣдить какъ эта стихія вкрадывалась постепенно въ его душу подъ вліяніемъ никогда незабываемыхъ имъ образцовъ. Мы видимъ ясно какъ въ первыхъ попыткахъ начинающаго поэта наружный восторгъ полудѣтскихъ пирушекъ смѣшивается съ образами греческой мифологіи и съ эротическими картинами, возбужденными опаснымъ чтеніемъ Парни. Передъ нами мелькаютъ на каждой страницѣ бокаль, фіаль, чаша, гусарь, Киприда, Хариты, миртовый вѣнецъ, Парнасъ, Геликонъ, муза, Фебъ, и вся древняя устарѣлая мифологія. Въ связи съ самой молодой дѣйствительностью, анакреонтическое настроеніе, дѣтскій эпикуреизмъ, чутье греческаго искусства сливаются въ какое то раннее похмѣлье, отрезвляемое кое гдѣ то сатирическою колкостью, то задумчивымъ стихомъ.

Смертный! вѣкъ твой привидѣнь,
Счастье рѣзвое лоян,
Наслаждайся, наслаждайся,
Чаще кубокъ наливай,
Страстью пылкой утомляйся
И за чашей отдыхай.

Но въ разгулѣ молодости Пушкинъ самъ не увлеклся —

Угодникъ Бахуса, я трезвый межъ друзьями,
Бывало пѣлъ вино водяными стихами.

Ему нравилась не столько разгульная жизнь, сколько обстановка разгульной жизни, какъ предлогъ къ поэзіи, къ яркимъ картинамъ и душевному поэтическому настроенію. Такъ точно и въ любви Пушкинъ оставался художникомъ впечатлительнымъ, увлекался всякою приманкой, всякою красотой, всякимъ наслажденіемъ. Въ поэзіи видѣлъ онъ конечно и женщину, но не въ женщинѣ одной видѣлъ онъ всю свою поэзію. Онъ почувствовалъ несчетные порывы иѣжности, страсти и ревности. онъ много шалилъ сердечными впечатлѣніями, но любви глубокой, продолжительной, всеобъемлющей, онъ никогда не зналъ, что видно изъ его стиховъ, всегда обращающихся къ разнымъ предметамъ. Двумъ господамъ такія природы не служатъ. Пушкинъ служилъ одной поэзіи; одной женщинѣ служить онъ не могъ. Но онъ понималъ, что безъ женщины и поэзіи не бываетъ. Можно сказать, что онъ любилъ любовь, и любилъ ее тоже какъ предлогъ къ возбужденію къ поэзіи.

Въ первыхъ Пушкинскихъ стихотвореніяхъ о любви, ее даже нѣтъ вовсе. У любви другой языкъ, она не говоритъ: я мучаюсь, я страдаю; она дѣйствительно мучится, и страдаетъ, и выкрикиваетъ свою боль. Скажите читателю:

Дышать уныньемъ мой удѣлъ,

или

Оставь меня сердечному мученью,
Оставь меня пустынямъ и слезамъ,—

Читатель останется холоденъ, онъ истины не увидитъ. Но если читатель прочтаетъ:

Когда пробилъ послѣдній счастью часъ,
Когда въ слезахъ надъ бездной я проснулся,
И, трепетный, уже въ послѣдній разъ
Къ рукъ твоей устами прикоснулся,

Онъ пойметъ присутствіе настоящаго огорченія, и невольно почуветъ сочувствіе къ слѣдующему душевному воплю. Но это крикъ минутный, а не сокрушительное томленіе сердца, истерзаннаго долгимъ страданіемъ.

Мой другъ, забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ
И младости моей мятежное теченье:
Не спрашивай меня о томъ, чего ужъ нѣтъ,
Что было мнѣ дано въ печаль и наслажденье.

Не спрашивай меня, говорить далѣе поэтъ, о моемъ прошедшемъ —

Ты слезы будешь лить, ты сердцемъ содрогнешься,
 Довѣрчивой души безпечность улетитъ,
 И ты моей любви, быть можетъ, ужаснешься,
 Быть можетъ навсегда.— Нѣтъ, милая моя,
 Лишиться я боюсь послѣднихъ *наслажденій*,
 Не требуй отъ меня опасныхъ откровеній,
 Сегодня я люблю... сегодня счастливъ я!

Но ни счастья, ни любви въ этихъ стихахъ собственно не чувствуется. Чувствуется гармонія звука, изящная простота выражений, непринужденная увлекательность слога, какъ во всемъ, что писалъ Пушкинъ. Тутъ любовь кажется не дѣлю, а принадлежностью стихотворной красоты. Любовь не проникаетъ во все существо человѣка, а обращается въ числѣ другихъ въ рельефную тему художественнаго произведенія. Горящій въ крови огонь желанія то гаснетъ, то воспламеняется, и возбуждаетъ только мгновенныя вспышки впечатлительной страсти. Онъ не можетъ понять ни смиренія, ни самоотверженія, ни безнадежности, ни безвыходной истомы, составляющихъ сущность глубокаго чувства, горестныхъ условій настоящей любви. Другое дѣло восторгъ передъ женской красотой, другое дѣло ядъ мучительной ревности и пылъ молодости. Въ нихъ не глубокость духовной преданности, самоотверженной, самозабывчивой, а снова пластическая сторона земнаго идеала. Тогда поэтъ воскликнетъ:

Повѣрь, не любишь ты, неопытный мечтатель!
 О если бы тебя, унылыхъ чувствъ искатель,
 Постигло страшное безуміе любви;
 Когда бъ весь ядъ ея кипѣлъ въ твоей крови,
 Когда бы въ долгіе часы безсонной ночи,
 На ложъ медленно терзаемый тоской,
 Ты звалъ обманчивый покой,
 Вотще смыкая скорбны очи,
 Покровы жаркіе рыдая обнималъ
 И сохнулъ въ бѣшенствѣ бесплоднаго желанья.

И тутъ видна только страсть безумная, и минутная, и тутъ любви настоящей нѣтъ,—и тутъ объясняется почему десять лѣтъ спустя, поэтъ могъ сказать:

Каковъ я прежде былъ, таковъ и нынѣ я,
 Безпечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
 Могу ль на красоту взирать безъ умиленія
 Безъ робкой нѣжности и тайнаго волненья.
 Ужъ мало ли любовь играла въ жизни мной;
 Ужъ мало ль бился я, какъ ястребъ молодой,
 Въ обманчивыхъ сѣтяхъ, раскинутыхъ Кипридой,
 И немсравненный стократною обидой,
 Я новымъ идоламъ несу мои мольбы.

Изъ этихъ непрерывныхъ начинаній, попытокъ, стремленій, изъ этой сердечной неуспѣваемости и долгой невозможности видѣть въ жизни что нибудь кромѣ вѣшной поэзіи должна была являться неминуемая усталость, въ особенности при разочарованіяхъ, житейскихъ неудачахъ и грусти, врожденной каждому поэту. Самое задушевное, если не ошибаюсь, стихотвореніе Пушкина выражаетъ именно эту усталость.

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣнемъ взволновалъ?

Цѣли нѣтъ передо мною,
Сердце пусто,—прізрень умъ,
И томить меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

Это стихотвореніе замѣчательно не только своимъ изяществомъ, искренностью грусти и отсутствіемъ картинъ, весьма рѣдкимъ у Пушкина, — но еще потому, что оно какъ будто служить исходной точкой Лермонтовской поэзіи. Читая эти стихи, такъ и кажется, что ихъ написалъ Лермонтовъ, и становится понятно, какое благодѣтельное вліяніе имѣлъ поэтъ учитель на гениальнаго своего ученика. Упомянувъ о страстности Пушкина, нельзя не напомнить объ его способности ненавидѣть, хотя кромѣ случая, причинившаго ему смерть, онъ ни съ кѣмъ не враждовалъ. Но тутъ любопытно, что онъ самыя извѣстныя, убійственно безпощадныя свои нападки прикрывалъ псевдонимомъ. Пушкинъ прежде, выше всего уважалъ въ себѣ поэта, видѣлъ въ себѣ представителя достоинства поэзіи, и какъ только онъ замѣчалъ, что произведеніе его не соответствуетъ величавости его призванія, онъ скрывалъ свое имя. Такъ подъ первыми своими повѣстями, написанными слогомъ историческимъ подъ вліяніемъ Карамзина, и слѣдовательно Мармонтеля, онъ подписалъ: Бѣлкинъ; подъ печатными пощечинами, которыми онъ подчивалъ своихъ журнальныхъ критиковъ, онъ подписывался Косичкинъ. Имя Пушкина, какъ имя Кесаря, должно было оставаться неприкосновеннымъ отъ всякаго нареканія въ посредственности, или неумѣстности. Въ послѣдствіи онъ своему имени пожертвовалъ собой. Свѣтскимъ человекомъ онъ притворялся въ кругу людей, не понимавшихъ той художественной святости, которой онъ былъ жрецомъ. Загнанный судьбою въ большой свѣтъ, онъ, первый по дарованію, не хотѣлъ быть послѣднимъ по значенію; онъ требовалъ хоть равенства и отъ того писалъ свою родословную, подлаживаясь подъ аристократизмъ Байрона, нерѣдко служившаго

му образцомъ. и на другомъ поприщѣ поэтизировалъ значеніе большаго свѣта, а ежду тѣмъ все становился угрюмѣе и мрачнѣе, чему послѣднія его стихотворенія дужать печальнымъ доказательствомъ. Быть можетъ, насъ спросятъ, какія же были его религіозныя и политическія убѣжденія? Отвѣчать легко... Поэзія, какъ и все въ его жизни. Безъ вѣрованій поэтъ жить не можетъ, такъ какъ поэзія ничто иное, какъ тблескъ неземнаго въ земной красотѣ. Воспоминанія дѣтства, сельское кладбище, единенная церковь, молитва, покаяніе, надежда на примиреніе и возмездіе невольнo цевелятъ поэтическое воображеніе, мало озабоченное сухими догматами и церковнымъ послушаніемъ. Когда Пушкинъ пересталъ быть подражателемъ Парни и Байрона, когда онъ сталъ отыскивать свою самостоятельность, онъ въ тоже время сдѣтался религіознѣе, и углубляясь въ себя отъ міра внѣшняго, по свойствамъ своей природы, обратился къ поэтическимъ сторонамъ міра внутренняго. Всѣмъ извѣстно, что онъ умеръ какъ христіанинъ. Въ политическомъ мірѣ Пушкинъ требовалъ свободы и слова, свободы поэтической, какъ требуетъ ее человѣчество съ первыхъ дней созданія. Но онъ не искалъ путей къ этой недостижимой свободѣ, онъ даже сперва служить хотѣлъ, какъ всѣ простые смертные, онъ хотѣлъ быть гусаромъ, потому что въ гусарѣ въ то время было что то особенное поэтическое, благодаря вѣроятно поэту Давыдову. Пушкинъ, увлеченный поэзіей войны, хотѣлъ непременно жечь порохъ на войнѣ съ гусаромъ, и всегда стремился къ походной жизни, но это ему удалось только въ 29 году на короткое время въ Азіятской Турціи. Дядя его В. Л. Пушкинъ и Орловъ отсовѣтовали ему надѣть гусарскій мундиръ. Онъ покорился, и оставилъ за собою исключительно тяжелое въ Россіи званіе поэта, но еще въ 1834 году писалъ своему отцу и командиру на Парнасѣ Давыдову:

Не удалось мнѣ за тобою
При громѣ пушечноиъ, въ огнѣ
Скакать на бѣшеноиъ конѣ.

Среди житейскихъ битвъ, онъ жалѣлъ о битвахъ поэтическихъ, и менѣе для него опасныхъ. Политическая его исповѣдь выразилась въ одномъ стихѣ:

Свободною душой законъ благотворить.

Этой исповѣдью въ настоящее время никто, слава Богу, смущаться не станетъ. Но Пушкинъ, аристократъ, баричъ, который нынѣ находился бы въ послѣднихъ рядахъ отсталыхъ консерваторовъ, долго слылъ человѣкомъ политически опаснымъ и скитался въ изгнаніи за нѣсколько плохихъ шутокъ и нѣсколько превосходныхъ стиховъ. Поэзія изгнанія отразилась благотѣтельно на его талантѣ, вездѣ жаждущемъ поэзіи, и слегка тѣшила его самолюбіе. Въ то время онъ пользовался необыкновенною популярностью въ молодомъ поколѣннн, всегда готовомъ протестовать, хотя бы и безъ логической послѣдовательности, противъ дѣйствій власти. Когда покойный Императоръ разрѣшилъ Пушкину жить въ столицахъ, Пушкинъ не хотѣлъ быть неблагодарнымъ, не хотѣлъ быть и льстецомъ, что не согласовалось бы съ достоин-

ствомъ поэта. Онъ зналъ, что много, много утратить онъ своей популярности, но не остановился и честно высказалъ свое чувство:

Нѣтъ я не льстецъ, когда Царю
Хвалу свободную слагаю;
Я смѣло чувства выражаю,
Языкомъ сердца говорю.

А далѣе:

Во мнѣ почтилъ онъ вдохновенье,
Освободилъ онъ мысль мою,
И яль, въ сердечномъ умиленья,
Его хвалою не воспую?

—
Я льстецъ! нѣтъ, братья, льстецъ лукавъ:
Онъ горе на Царя накличетъ,
Онъ изъ его державныхъ правъ
Одну лишь милость ограничитъ.

—
Онъ скажетъ: презирай народъ,
Гнетя природы голосъ иъжный;
Онъ скажетъ: просвѣщенья плодъ
Страстей и воли духъ мятежный.

А въ концѣ заключилъ:

Бѣда странъ, гдѣ рабъ и льстецъ
Одни приближены къ престолу,
А небомъ избранный пѣвецъ
Молчить, потуша очи долу.

Тутъ и долгъ признательности былъ исполненъ, и было спасено достоинство пѣвца.

Съ возвращеніемъ Пушкина въ Петербургъ начинается вторая эпоха его поэтической дѣятельности, когда онъ все болѣе и болѣе сознательно приближался къ удовлетворенію всѣмъ требованіямъ искусства, и отъ умственной рѣзвости, отъ дидактической описательности устремлялся овладѣть условіями драмы.

Къ этой эпохѣ относятся всѣ отрывки, о которыхъ упомянуто въ началѣ настоящей статьи. Талантъ Пушкина росъ независимо отъ дразговъ столичнаго шума, быть можетъ отъ того, что онъ менѣе увлекался красотой наружной, и болѣе испытывалъ силы своего внутренняго творчества. И тутъ, какъ и всегда, препятствія возбудили противодѣйствіе. Нельзя не пожалѣть, что Пушкинъ никогда не былъ въ краяхъ истинно просвѣщенныхъ. Знакомство съ именитыми писателями, которыхъ онъ жадно бы слушалъ, какъ слушалъ Мицкевича, успокоительная среда умственной озабоченности, правильный ходъ образованія, споры художественные, пренія политическія, задачи научныя, все это въ живомъ движеніи слова, печати, личностей, дѣй-

ствительности, конечно много еще могло бы придать ему новых свѣдѣній, округлило бы нѣкоторыя угловатости его характера и успокоило бы нѣсколько его жизненную неуугомонность.

Но такъ, какъ онъ былъ, онъ все сдѣлалъ, что могъ на пути, куда влекло его призваніе. Мы видимъ, какъ по природѣ лѣнивый и чувственный, воспитанный на удачу, безъ пристрастія, окруженный постоянными искушеніями то хмѣльнаго разврата, то свѣтской безцвѣтности, онъ однако бережетъ свой божественный даръ, не преклоняетъ его ни передъ честолюбіемъ, ни передъ царской властью, ни передъ популярностью, ни передъ привязанностью, ни даже передъ опасеніемъ напрасно обезславить свою семейную жизнь. Въ поэзіи его религія и гражданственность. Въ достоинствѣ его поэтическаго имени вся жизнь его. Во имя поэзіи онъ сохраняетъ свято дружбу съ своими товарищами, съ своими собратьями; во имя поэзіи онъ ратуетъ и оскорбляетъ отступниковъ, и какъ робкій ученикъ благоговѣетъ, до самой своей кончины, передъ своими руководителями и наставниками.

Между многими свойствами его дарованія едва ли не преобладающее заключалось въ картинности его изображеній. Кому не памятно: «Торжество Ваха», яркое какъ твореніе Рубенса, «Фавнъ и Пастушка», «Нереида», «Діонея», «Прозерпина». Слѣпая критика вопіетъ о матеріализмѣ, не зная, что въ красотѣ матеріализма быть не можетъ, такъ какъ внушеніе понятія о красотѣ уже сближаетъ съ эстетическимъ духовнымъ міромъ. Всегда изящный въ выборѣ своихъ картинъ, Пушкинъ долженъ былъ естественно озаботиться изяществомъ своихъ красокъ, звучностью своей рѣчи. Такъ выработалъ онъ русскій языкъ, довершивъ дѣло Ломоносова и Карамзина.

Сорокъ лѣтъ уже прошло съ того времени, а языкъ Пушкина все остается его живымъ памятникомъ и лучшимъ образцомъ для современной письменности при всѣхъ ея попыткахъ усвоить научную иностранную терминологию. Фавны, Нереиды, Биприды и Аполлоны возвратились къ своимъ мраморамъ. Но языкъ русскій дышетъ и живетъ, могучій, полный, гордый, нѣжный и краснорѣчивый, и живетъ благодаря Пушкину, его утвердившему. Этого одного уже достаточно для безсмертія поэта. Но главный государственный подвигъ Пушкина состоялъ въ томъ, что онъ двинулъ въ Россіи просвѣщеніе, что онъ образовалъ читающую публику, что онъ ввелъ въ жизнь понятіе объ искусствѣ и содѣйствовалъ грамотности. Съ каждымъ днемъ становится понятнѣе, отъ чего онъ дорожилъ своимъ именемъ и своимъ дѣломъ. Онъ можетъ быть одинъ въ свое время сознавалъ что, какъ всѣ рѣдкіе избранники PROVIDĒNІА, онъ несетъ великую обязанность и не имѣетъ права подчинить ее своей личности. Быть можетъ, когда, въ горькой насмѣшкѣ, онъ гнушался своего сочинительскаго прозвища, въ душѣ его свѣтлая гордость уже предугадывала сужденіе потомства. Эти минуты были только вспышками; Пушкинъ влачилъ жизнь измученную и печальную. Онъ былъ несчастливъ, какъ всѣ люди, рожденные для другихъ, а не для себя. Онъ былъ несчастливъ отъ житейскихъ обидъ, отъ тупоумной зависти, отъ покушеній нечестивцевъ, хотѣвшихъ поругать его завѣтную святыню. Но еще несчастливѣе былъ онъ отъ того, что родился для горя, какъ всѣ великіе художники, страдалъ неумолимой жаждой творчества, и ломалъ мраморныя изваянія, имъ же

мастерски начатыя, и все чувствовалъ себя неудовлетвореннымъ и ничтожнымъ, не передъ другими, а передъ самимъ собою. Мифологія уже давно объяснила намъ мученія художника. Чего хотѣлъ Прометей, стараясь похитить искру огня небеснаго? Онъ хотѣлъ похитить тайну жизни, тайну творчества, усвоивъ уже себѣ тайну подражанія. И съ того времени, гласитъ мудрая аллегорія, онъ прикованъ цѣпью къ скалѣ, и орелъ ненасытимый грызетъ его обнаженное, кровью облитое сердце. Прошли тысячелѣтія. Весь строй общественный измѣнился. Не измѣнились лишь страданія художника. И до конца вѣковъ не изведутся Прометей, стремищіеся за огнемъ небеснымъ. И будетъ всегда ихъ мучить стремленіе къ недостижимому; будутъ они вѣчно прикованы цѣпями къ скалѣ бесплодной, и будетъ орелъ обманутыхъ надеждъ терзать безъ устали ихъ обнаженное, кровью облитое сердце.

Д. Ч. графъ В. Соллогубъ.

II.

О ЗНАЧЕНИИ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО ВЪ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ (*).

Г. Предсѣдатель и Милостивые Государя!

26-го февраля 1816 года Общество Любителей Россійской Словесности избрало въ свои Дѣйствительные Члены князя П. А. Вяземскаго, Ѳ. Н. Глинку, Н. И. Гнѣдича, К. И. Батюшкова, И. А. Брылова и многихъ другихъ. Невольно при этихъ именахъ возникаютъ странныя чувства и самъ собой рождается вопросъ: отъ чего же наша Словесность прежде такъ ярко процвѣтала, отъ чего же теперь она отличается какими-то застоємъ и недоумѣніемъ? Какъ-то разъ уже я позволилъ себѣ намекнуть простосердечно объ этомъ и возбудилъ цѣлую чернильную бурю журнальнаго негодованія. Отъ бури однакожъ истина не измѣнилась, только отъ времени она сдѣлалась еще яснѣе и нынѣ бѣдность нашей Словесности болѣе не тайна. О ней говорить даже можно теперь безопасно, во всеуслышаніе, безпрекословно: самые горячіе поборники новыхъ книжныхъ стремленій заявляютъ, что Словесность наша какъ бы приостановилась. Мало того: мы прочитали въ одной критической статьѣ, что наша беллетристика переживаетъ тяжелое переходное время, что она видимо приближается къ перелому на новую дѣятельность, болѣе сообразную съ современными потребностями жизни, но что молодыя силы не подаютъ еще своего голоса. И такъ намъ остается дожидаться терпѣливо, чтобъ молодыя силы рѣшились наконецъ подать свой голосъ и указали на новую, намъ еще неизвѣстную дѣятельность въ сильномъ протестѣ, какъ выражается статья, противъ устарѣвшихъ понятій и гнетущихъ формъ жизни общественной. Я привожу эти слова, Мм. Гг., не для того, чтобы возбудить вашу улыбку, а чтобъ ими указать на причину болѣзненности нашей Словесности. Человѣчество ужъ такъ старо, что оно имѣло время утвердиться въ нѣкоторыхъ общихъ понятіяхъ, не ожидая новыхъ голосовъ. Никакой переломъ на новую

(*) Читано 27 февраля 1866 г. въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности по поводу юбилейнаго пятидесятилѣтія отъ избранія князя П. А. Вяземскаго въ Дѣйств. Члены Общества.

дѣтельность не стѣдуетъ, чтобъ природа, изъ угожденія къ ней, измѣняла свою красоту и законы; чтобъ вдохновеніе открылось такъ называемыми тенденціями; чтобъ эстетическій вкусъ усовершенствовался отъ изображенія его законовъ съ требованіями реальной практичности, чтобъ мечтали художника, чтобъ любовь юности, чтобъ человѣческія радости и печали, восторги и слезы, чтобъ вся идеальная сторона жизни, чувства, думы стремились бы лишь къ тому, чтобы доказывать что-то въ смыслѣ политическомъ, общественномъ и даже вещественномъ. Они именно тѣмъ хороши, что знаменуютъ порывъ челоѣка отъ вѣчнаго рабства къ вѣчной свободѣ, — порывъ священный, согрѣтый Божественной искрой творчества. Они именно тѣмъ и полезны, что ничего не доказываютъ, ничего не опредѣляютъ, а въ жизни, изволнованной расчетами и страстями, возмездіями и напрасливами, образуютъ особую стихію, въ самой себѣ замкнутую и хотя на время успокоительную. Это понятіе не новое и не старое. Оно вѣчное. Оно вѣчное какъ природа и какъ истина, ея отголосокъ. Можно сказать, что природа устарѣла, что истина устарѣла; но что останется отъ такого мнѣнія, кромѣ непониманія истины и природы?

Во время полувѣка, отдѣляющаго нынѣшнее собраніе отъ заведенія, гдѣ кн. Вяземскій былъ избранъ въ члены нашего Общества, наша отечественная Словесность видѣла три рѣзкія эпохи, изъ которыхъ каждая имѣла свое отличительное свойство и оставила свое полезное поученіе — эпоху Пушкинскую, эпоху Гоголевскую, эпоху современную, которую можно назвать Тургеневскою. Пушкинъ долго оставался подъ влияніемъ бездарной Сумароковской школы, гдѣ безъ Греческой Мнѣологии и аллегорическихъ иносказаній не говорилось почти ни одного слова и не писалось ни одного стиха. Идеаломъ этой школы была пластичность французскаго классицизма, основанная на образцахъ древности, которая въ свою очередь боготворила видимые законы природы, и все приносила въ жертву краскѣ и линіи. Благодаря звучности и картинности русскаго языка, Пушкинъ скоро довелъ свой стихъ до высшей художественности. Но изъ послѣдовательности его произведеній видно, какъ, оставаясь вѣренъ пластичности, онъ все стремился къ большей простотѣ, къ большей задуманности въ содержаніи, — и наконецъ къ драматизму. Онъ понималъ, что мысль и чувство не должны подавляться образцовой формой, а только облекаться въ нее. Этимъ и закрѣпилъ за собой Пушкинъ первенствующее мѣсто въ Русской Словесности. Тѣмъ не менѣе его эпоху можно въ общихъ чертахъ назвать наружно или объективно идеальною. Послѣ Пушкина, Гоголь, самъ того не думая и не гадая, основалъ новую школу. Любопытно то, что самъ погибая отъ ненасытимой жажды идеала, онъ сдѣлался знаменемъ школы безъидеальной или натуральной, какъ называлась она нѣкогда.

Въ нашей Словесности Гоголь былъ великимъ, даже колоссальнымъ явленіемъ, но какъ личность, отнюдь не какъ сила вліятельная. Его достоинства остались при немъ, его недостатки усвоились его подражателями. У самого Гоголя не трудно прослѣдить сильное поэтическое стремленіе, выражаемое самобытно и рѣзко отдѣляющееся отъ нѣкоторыхъ карикатурныхъ шалостей и нѣкоторыхъ погрѣшностей противъ эстетическаго вкуса, независимыхъ отъ его гениальнаго юмора.

Гоголь, какъ всё гениі, былъ художникъ Божіей милостью, но онъ не былъ критикомъ, и не имѣлъ дара творческой архитектуроники. Онъ оставилъ намъ цѣлый рядъ бессмертныхъ Мольеровскихъ типовъ. Но эти типы стоятъ отдѣльно одинъ отъ другаго. Они не смѣшиваются въ дѣйствительную совокупную жизнь, не воплощаются въ драматическое развитіе, — въ послѣдовательное движеніе, въ заключительную развязку. Когда Гоголь сталъ взискателемъ къ себѣ, когда онъ пересталъ увлекаться своимъ дарованіемъ, а захотѣлъ имъ руководствовать, когда онъ рѣшился быть собственнымъ своимъ критикомъ и тщательнымъ строителемъ художественнаго зданія, — когда онъ вздумалъ сознательно соединить въ своихъ твореніяхъ бездонную глубь философской мысли съ тончайшимъ изяществомъ формы, онъ потребовалъ отъ себя невозможнаго, онъ пришелъ въ отчаяніе и умеръ рановременно. Онъ, повторяю я, погибъ жертвой жажды идеала, а между тѣмъ возбудилъ школу безъидеальную, поставившую себѣ задачей описывать какъ попало, что попало, — только чтобъ выходило вѣрно и особенно по возможности смѣшно. Такъ развилась теорія искусства безъ искусства, уже по названію невысказанная. Если прежде съ Словесностью обходились слишкомъ чинно, слишкомъ галантерейно, какъ выразился бы самъ Гоголь, то въ послѣдствіи безцеремонность дошла до послѣдней крайности. Литературная мода бросилась въ общихъ явленіяхъ на комизмъ, на веселость, иногда натянутую, иногда довольно пошлую и во всякомъ случаѣ бесполезную. Все это будто бы смѣшное надобно наконецъ и читателямъ и писателямъ. Недостатокъ идеала былъ слишкомъ ощутителенъ. Къ тому же на горизонтѣ русской жизни загорѣлась новая заря. Возникли вопросы о самобытности, объ общественномъ исправленіи, — о новыхъ потребностяхъ. Наша письменность заявила, что природа хотя и образецъ прекраснаго, но что не въ томъ дѣло. Она пусть будетъ предметомъ изученія естественныхъ наукъ, но идеалъ жизни, идеалъ искусства заключается не въ художественномъ воссозданіи истины, а въ разрѣшеніи практическихъ житейскихъ вопросовъ. Отъ этого и распространилось убѣжденіе, что Россійская Словесность должна стремиться къ дѣятельности болѣе сообразной съ современными потребностями жизни и ожидать новыхъ голосовъ, къ низверженію устарѣвшихъ понятій. Нельзя сказать, чтобъ такой взглядъ былъ вполне невѣренъ. Если природа образецъ видимаго совершенства, то общество образуетъ ковчегъ обязательнаго совершенствованія. Но цѣль человеческого совершенствованія давно извѣстна и пути къ ней весьма знакомы. Старыя понятія долго блуждали безъ направленія, пока не окрѣпли въ Божественной заповѣди. По сущности они ни въ чемъ не могутъ отличаться отъ здравыхъ юныхъ понятій. Они сливаются не во времени, а въ сочетаніяхъ общественныхъ условій, которыя никогда не дойдутъ до совершенства природы, потому что они сохраняютъ въ корнѣ ничѣмъ неистребимую человѣческую немощь. Но они совокупно гнушаются всякаго насилія, отъ какихъ бы страстей оно ни происходило. Они условливаютъ свободу, никого не притѣвляющую, законъ, никому не потворствующій и охраняютъ начала собственности и семьи, какъ залогъ общественной безопасности, и тогда только встаютъ противъ нихъ, когда они обращаются въ злоупотребленіе. Если я не ошибаюсь, то современная школа оказала услугу тѣмъ, что, утомясь отъ безъидеальности, она заявила потреб-

ность общественного идеала, но заслуга эта остается видимо бесплодною, потому что идеаль признанъ невѣрно, потому что въ области искусства не то хорошо, что полезно, — а то полезно, что хорошо. Сикстинская мадонна, симфонія Бетговена по видимому не имѣютъ ничего общаго съ гласнымъ судопроизводствомъ, а между тѣмъ тотъ, кто понимаетъ вполне Рафаэля, тотъ, кто сознательно восторгается Бетговеиомъ, тотъ уже на столько смягчилъ свой нравъ, — на столько твердо критическимъ умомъ и разумной волей, — что едва ли гласное судопроизводство найдетъ поводъ призвать его къ отвѣтственности. Слѣдовательно и нравственное вліяніе и общественная польза тутъ соблюдены, хотя ни Бетговеиъ, ни Рафаэль конечно не имѣли въ виду юридической реформы.

Современная письменность повторила съ нашимъ даровитымъ сочленомъ И. С. Тургеневымъ то, что прежняя школа сдѣлала съ Гоголемъ. Она усвоила одну сторону его практическихъ приѣмовъ и довела его до крайности. Тургеневъ коснулся въ своихъ произведеніяхъ нѣкоторыхъ общественныхъ вопросовъ. Вслѣдъ за тѣмъ общественные вопросы провозглашены настоящей обязательной стихіей Словесности. При этомъ было забыто, что въ дѣлѣ искусства важень способъ изображенія, а вовсе не выборъ предмета. Поль Поттеръ превосходно писалъ коровъ, но никто не утверждалъ еще, что живопись должна изображать однихъ коровъ. Тургеневскій Бѣжинъ лугъ одно изъ прелестнѣйшихъ и полнѣйшихъ его произведеній, а между тѣмъ отъ него вѣетъ пахучей свѣжестью весенней ночи, а вовсе не утилитарными задачами. Что идеаль общественный долженъ существовать, въ томъ нѣтъ сомнѣнія; но этотъ идеаль относительно искусства—красота, а не польза. Красота всегда прилична и никому не придется въ голову спросить, зачѣмъ на статуяхъ Кановы нѣтъ платья. Красота всегда полезна, потому что она отучаетъ отъ грубости и пошлости. Красота общественная заключается въ просвѣщеніи. Можно быть весьма начитаннымъ человекомъ и вовсе не просвѣщеннымъ. Можно имѣть много свѣдѣній и не умѣть примѣнить ихъ къ жизни. Можно быть въ одно время и книжнымъ ученымъ и жизненнымъ неучемъ. Одно просвѣщеніе опредѣляетъ тончайшія условія общезитія, жизненнаго знанія, однимъ словомъ поэзію общественности. Стремясь къ идеалу, она гнушается жесткости, самонадѣянности, злобы, желчи, высокомерія, всего, что разъединяетъ людей, всего, что низводитъ человека до степени дикаря или даже животнаго. Просвѣщеніе развиваетъ понятіе внутренняго изящества, такъ какъ природа развиваетъ понятіе изящества наружнаго. Вращаясь въ мірѣ дѣйствительномъ, а не условномъ, оно въ своихъ истолкователяхъ требуетъ еще самобытной даровитости, безъ которой всякое художественное произведеніе становится или пошлымъ подражаніемъ или смѣшной карикатурой.

И такъ, Мн. Гг., если не ошибаюсь, прошедшее пятидесятилѣтіе не осталось для насъ безъ назидательнаго урока. Оно наглядно доказало намъ, что Словесность, удаляясь отъ своихъ вѣчныхъ началъ, должна придти въ упадокъ; что безъ идеала или съ ошибочно понятымъ идеаломъ, взятымъ изъ среды вещественной, успѣха предвидѣть нечего, какъ бы мы ни ожидали, чтобъ юныя силы подали свой голосъ. Природа и человечество—вотъ два идеала, двѣ цѣли для художника. При-

рода опредѣляетъ свои законы, человѣчество свои. Въ природѣ мы видимъ гармонію и округленность формъ, гармонію красокъ, тѣнь, свѣтъ и оттѣнки, послѣдовательность развитія, изумительное разнообразіе при изумительномъ единствѣ симетріи, пропорціональность, стройность, простоту. Видъ природы мы ничего вообразить не можемъ. Она прототипъ всѣхъ искусствъ, которыя сливаются въ одно общее искусство и имѣя одинъ источникъ, подчиняются однимъ и тѣмъ же законамъ вѣрности подлиннику. Въ природѣ ничего нѣтъ безобразнаго, но человѣкъ долженъ былъ придумать безобразіе, даже безобразіе физическое, чтобъ олицетворить безобразіе нравственное и оттѣнить его отъ нравственной красоты. Настоящій художникъ не можетъ служить безобразію, даже если бы и захотѣлъ. Онъ нехотя увлекается къ прекрасному, и стараясь передать безобразіе, находитъ красоту въ способѣ изображенія и тѣмъ уже приноситъ пользу. Но ббольшую заслугу приноситъ тотъ, кто обучаетъ обществу изяществу, кто не разшевеливаетъ опасныхъ страстей. Все, что поощряетъ выскательный вкусъ, все, что облагораживаетъ, умиротворяетъ и смиряетъ, все, что отчуждаетъ умъ отъ матеріальныхъ дрязговъ, образуетъ особый высшій міръ, гдѣ первостепенными дѣятелями являются немногіе, но гдѣ всѣ люди просвѣщенные сознательно или несознательно принимаютъ участіе.

Я прошу Собраніе извинить меня, что, желая говорить о кн. Вяземскомъ, — началъ вступленіемъ, которое для многихъ покажется элементарнымъ. Я это сдѣлалъ потому, что мнѣ кажется, что при критической оцѣнкѣ поэта нужно сперва опредѣлить мѣрило, по которому можно судить о его дѣятельности. Я это сдѣлалъ потому, что въ нашей современной полемикѣ возбуждаются вопросы давнымъ давно по моему убѣжденію рѣшенные, но постоянно возобновляемые на томъ основаніи, что искусство будто бы можетъ отказаться отъ своего прямого назначенія, или, не въ примѣръ другимъ, служить двумъ господамъ. Наконецъ я это сдѣлалъ и потому, что еще недавно самыя заслуги князя Вяземскаго въ нашей Словесности оспаривались съ запальчивостью и ожесточеніемъ, свойственнымъ болѣе страстнымъ порывамъ незрѣлости, чѣмъ основательнымъ критическимъ сужденіямъ. Впрочемъ эти печальные нападки на старца, избличающіе чувство, далеко не изящное даже и въ нравственномъ смыслѣ, эти выходки, возбужденныя именемъ представителя нашего литературнаго утонченнаго изящества — могутъ объясняться тѣмъ, что дѣятельность князя Вяземскаго мало кому вполнѣ извѣстна. Я не успѣлъ кончить, — сказалъ онъ намъ однажды, — тѣмъ, чѣмъ другіе такъ торопятся начинать, т. е. полнымъ изданіемъ моихъ сочиненій. Нападки на князя Вяземскаго объясняются можетъ быть и тѣмъ, что онъ рассыпалъ свой талантъ на безчисленное множество стихотвореній, составляющихъ его автобіографію, — такъ какъ онъ собственно не пишетъ стиховъ, а такъ сказать живетъ въ стихахъ, — но не создалъ ни одного художественнаго труда въ большомъ объемѣ. Многіе судятъ у насъ по объему, забывая, что небольшое произведеніе съ большими достоинствами несравненно выше большаго произведенія съ малыми достоинствами. Художественное произведеніе можетъ быть округлено, закончено, образцово въ двухъ стихахъ, — въ игрушкѣ Бенвенуто, въ миниатюрѣ Петито, въ четырехъ тактахъ Моцарта. Оно можетъ быть неполно, криво, уродливо, не пропорціонально въ

пятидесяти томахъ, въ громадныхъ зданіяхъ, въ сажённыхъ картинахъ, въ безжонечно-усыпительныхъ операхъ. Наконецъ, надо сказать и то, что талантъ князя Вяземскаго совершенно нераздѣленъ съ его личностью. Это средство весьма рѣдкое, оно не можетъ ставиться ни въ заслугу, ни въ порицаніе, но оно, какъ мнѣ кажется, весьма вѣрно изображаетъ отличительную черту таланта кн. Вяземскаго, объясняетъ то же, отъ чего онъ не можетъ быть любимцемъ массы, но такъ высоко цѣнится отборной средой, принадлежащей уже къ высшему образованію въ истинномъ смыслѣ. Читающая масса требуетъ широкихъ очертаній, рѣзкихъ объективныхъ возбужденій, она проситъ драмы или разжиганія страстей. Ее надо заставить, въ особенности у насъ еще полу-просвѣщенныхъ, или смѣяться до упада, если не до злобы, — или пропитаться желчью, или разшевелиться фанатизмомъ, или увлечься расказомъ, или наконецъ отуманиться обаяніемъ собственнаго значенія. Масса любитъ борьбу и сопротивление. Она любитъ, чтобъ ей льстили. Но она мало сочувствуетъ поэзіи покорности и смиренія безкорыстному служенію красотѣ. Въ особенности она мало сочувствуетъ изяществу художественныхъ подробностей, потому что она ихъ мало понимаетъ. Но изъ того, что она ихъ мало понимаетъ, слѣдуетъ ли заключить, что въ нихъ нѣтъ достоинства? Вообще міръ искусства доступенъ немногимъ; но Словесность играетъ въ немъ исключительную роль. Вы каждый день услышите: я не музыкантъ, а очень люблю музыку; я не живописецъ, а очень люблю живопись. Никогда вы не услышите: я не литераторъ, а очень люблю Словесность. Между тѣмъ Словесность подчиняется совершенно тѣмъ же кореннымъ правиламъ, какъ музыка и живопись. Только о Словесности каждый судитъ сплошь да рядомъ вкривь и вкосъ, начиная еще съ школьной скамьи. Во имя Словесности высказываются теоріи, ничего не имѣющія общаго съ Словесностью, — изводятся горы бумаги, рачтуются бранные слова, размѣняются оскорбленія и чѣмъ сильнѣе, тѣмъ лучше, по русскому обычаю не знающему удержу, когда ужъ разошлась и разгулялась наша своенравная удаля.

Возвращаясь къ князю Вяземскому, я позволяю себѣ выразить, что онъ если не достигъ полнаго совершенства въ своемъ искусствѣ, то соединяетъ въ себѣ главныя условія художника. Въ произведеніяхъ его можно рѣзко прослѣдить присутствіе идеала наружнаго и идеала внутренняго, — мѣткую вѣрность изображенія и свойства самобытности.

Какъ всѣ русскіе писатели, кн. Вяземскій болѣе колористъ, чѣмъ рисовальщикъ. Въ этомъ его достоинство и въ этомъ его недостатокъ: онъ не создаетъ, а высказывается. Онъ не слуга, а наперсникъ, товарищъ своего дарованія, онъ пишетъ не для того, чтобъ написать что нибудь, а потому, что ему пишется, потому, что гдѣ бы онъ ни былъ, въ дорогѣ или дома, онъ передаетъ свои впечатлѣнія, ведетъ свои стихотворныя записки, а рѣшмы уже сами собой бойкими парами сбѣгаются подъ его перо. Извѣстно, что онъ пишетъ почти безъ поमारокъ, тогда какъ черновыя тетради Пушкина всѣ изпещрены поправками. Между тѣмъ стихъ Пушкина льется какъ будто самъ собой, тогда какъ стихъ кн. Вяземскаго изобличаетъ иногда повидимому присутствіе головоломнаго труда. Но труда тутъ не было. Стихъ высказанъ какъ

могъ, и иногда шероховатый присосѣдился къ другому прелестному стиху. Впечатлѣніе высказалось какъ могло и замѣнилось другимъ впечатлѣніемъ. Тутъ замѣтенъ признакъ несомнѣннаго диллетантизма, но такого диллетантизма, который возвышается часто до степени высшаго искусства. Часто нельзя было бы отличить стихъ кн. Вяземскаго отъ Пушкинскаго стиха, если бы иногда въ смѣлости, — даже можно сказать въ отвагѣ неожиданнаго мѣткаго выраженія, — не выказывалась особая рѣзкая самобытность, всегда ловкая, всегда остроумная, всегда удачная и непринужденная и свойственная одному кн. Вяземскому.

Онъ скажетъ напримѣръ:

Такъ! отъѣзжать люблю порою,
Чтобъ въ самого себя войти
И говорю другимъ: прости,
Чтобъ поздороваться съ собою.

При видѣ моря восклицаетъ:

Богъ съ тобою земля!
Я въ соленой водѣ,
Какъ въ родимомъ гнѣздѣ —
Будто братъ корабля

Въ другой разъ онъ лобуется моремъ такъ:

Что ты въ радости-ль, во гнѣвѣ ль,
Море шумное, бурлишь,
И, какъ тигръ, на старый Ревель
Волны скалишь и рычишь?

Глядя на ночь, онъ находитъ прелестныя выраженія:

Купаясь въ спневѣ зейра,
Какъ островъ плаваетъ луна,
И въ лонѣ влажнаго сафира
Свѣжо рисуется она.

Влажный сафиръ, рисуется свѣжо—эпитеты самые рисованные, а между тѣмъ что лучше можетъ изобразить лунную ночь?

Въ Брайтонѣ онъ снова задумывается у морскаго берега въ минуту печальную и даже въ печали высказываетъ свое своебытное впечатлѣніе:

Краснорѣчивы и могучи
Земли и неба голоса,
Когда въ огняхъ грохочутъ тучи

И съ бурей, полные созвучій,
 Переключаются лѣса.
 Но все, о море, все ничтожно
 Предъ жалобой твоей ночной,
 Когда смутиться вдругъ тревожно
 И зарыдаешь такъ, что можно
 Всю душу выплакать съ тобой!

Еще удачнѣе. еще сильнѣе и ярче выразилось вдохновеніе поэта при видѣ Босфора. Ночь на Босфорѣ—одинъ изъ лучшихъ перловъ въ вѣнци поэта. Она такъ музыкально-живописна, такъ сливается поэзію внутреннюю съ поэзіей наружной, что собраніе конечно на меня не посягнетъ, если я прочитаю стихотвореніе вполнѣ.

На луну не разъ любовался я,
 На жемчужный дождь свѣтлыхъ струй ея,
 Но другой луны, но другихъ небесъ
 Чудный блескъ раскрылъ—новый міръ чудесъ;
 Не луну я зналъ—разъ тѣнь луны,
 Красотамъ ночей я не зналъ цѣны.

Я ихъ здѣсь узналъ; здѣсь сказалося мнѣ
 Все, что снится намъ въ баснословномъ снѣ;
 Смотришь—ночь не ночь, смотришь—день не день;
 Голубой зарей блещетъ ночи тѣнь.
 Разглядѣть нельзя въ голубой дали:
 Гдѣ конецъ небесъ, гдѣ рубежъ земли?

Вспыхнулъ сводъ небесъ подъ огнемъ лампадъ;
 Всѣхъ красавицъ звѣздъ не обхватить взглядъ
 И одна другой веселѣй горитъ,
 И на насъ милѣй и нѣжнѣй глядитъ.
 Вотъ одна звѣзда изъ среды подругъ
 Покатилась къ намъ и погасла вдругъ.

Чешуей огня засверкалъ Босфоръ,
 Пробѣжалъ по немъ золотой узоръ.
 Средь блестящихъ скалъ великавъ утесъ
 Выше всѣхъ чело и свѣтлѣй вознесъ;
 Кипарисъ въ тѣни серебромъ разцвѣлъ
 И блестять верхи минаретныхъ стрѣлъ.

Скорлупой рѣзной чуть струю задѣвъ,
 Промелькнулъ каккъ. Перлъ восточныхъ дѣвъ
 Невидимкой въ немъ по волнамъ скользитъ;

Съ головы до ногъ тканью стань обвить;
И дремотой чувствъ усладяя лѣнь,
Пронеслась она, какъ нѣмая тѣнь.

Золотые сны, голубые сны
Сходятъ къ намъ съ небесъ на лучахъ луны.
Нѣгой дышетъ ночь! что за роскошь въ ней!
Нѣтъ, нигдѣ такихъ не видать ночей!
И молчать она, и поеть она,
И душѣ одной ночи пѣснь слышна.

При этой мягкости чувства и звука, при этой исполненной нѣги картинности, кн. Вяземскій находить яркія краски, когда картина имѣ изображаемая требуетъ силы: что можетъ быть проще и энергичнѣе его описанія лѣснаго пожара:

Въ Юль въ самый зной, въ полуденную пору,
Расшаркался огонь по высохшему бору.
Сперва змѣей тайкомъ онъ прячется во мху
И тихомолкомъ встѣ съ деревьямъ шелуху.
Тамъ красный гребень свой и огненное жало
Чудовище смѣлѣй выказывать ужъ стало.
Клубами черный дымъ восходитъ до небесъ
И вихремъ огненнымъ завылъ глубокой лѣсѣ
И разомъ обхвативъ верхи смолистыхъ сосенъ,
Все ярче, все страшнѣй пожаръ молниеносенъ.

Вообще явленія природы сильно начали дѣйствовать на поэта съ того времени какъ онъ болѣе углубился въ самого себя. Иначе и быть не могло. Онъ самъ о томъ заявляетъ:

Не для меня ручьи шумѣли,
Благоухалъ зеленый лѣсѣ
И дальнихъ горъ верхи сныѣли,
Теряясь въ брызгахъ небесъ.
Не для моихъ очей и утро облачалось
Въ златой и праздничный уборъ
И небо звѣздное купалось
Въ струистомъ зеркалѣ озеръ,
Въ груди моей не отзывались
Созвучья неба и земли
И чувства хладно пресмыкались
Во тмѣ, въ молчаньи и въ пыли.
Но здѣсь упала съ глазъ туманная завѣса,
Я красоту долниъ прозрѣлъ —
И шумъ краснорѣчивый лѣса
И ропотъ водъ уразумѣлъ.
Я твой, природа! твой отнимъ!
Отступника усминови!

Это стихотвореніе написано на Волгѣ и замѣчательно то, что въ немъ чувствъ родины смѣшалось съ чувствомъ природы. Противъ кн. Вяземскаго говорилъ, что онъ стихотворецъ свѣтскій, салонный, не Русскій; но это могли говорить только тѣ, которые не вникли въ его произведенія. О народности въ искусствѣ много толковали, особенно въ Германіи и въ Москвѣ, въ Германіи, гдѣ почти нѣтъ народности и въ Москвѣ, гдѣ, извините меня, искусство не вошло еще въ неотложную потребность всеобщей жизни. Многие думаютъ, что душевный строй, складъ ума зависятъ отъ вседневныхъ привычекъ и что русская народность отыскивается преимущественно въ простонародной рѣчи, — въ сельскихъ картинахъ, въ курной избѣ или въ штейномъ домѣ. Я позволю себѣ возразить противъ этого. Русское чувство, какъ его ни наряжай и не искажай, — куда его ни сажай и не прячь, все останется русскимъ чувствомъ. Оно составляетъ народную физиономію ничѣмъ не изгладимую, — и въ этомъ отношеніи смѣло можно сказать, что талантъ кн. Вяземскаго чисто и исключительно русскій, хотя дѣятельность его относится не къ мѣстному, а скорѣе къ общему просвѣщенію. Какъ всѣ наши народныя пѣсни, какъ произведенія всѣхъ нашихъ первоклассныхъ писателей, — вдохновеніе князя Вяземскаго отличается дидактизмомъ и лиризмомъ. И онъ чуждъ драматической стихіи, и не строитъ зданій, а передаетъ свои впечатлѣнія то грустныя, то шутивыя, то добродушно насмѣшливыя, но всегда задумевныя.

Но изъ области просвѣщенія онъ ввелъ въ нихъ новую стихію ему принадлежащую, — стихію особой шеголеватости, которой условія опредѣлить трудно, но которая избочиваетъ человѣка свѣтскаго не въ пустомъ смыслѣ слова, а въ значеніи тонкаго пониманія изящества формы, изящества чувствъ, однимъ словомъ всего милаго, привлекательнаго, граціознаго.

Позвольте мнѣ привести въ примѣръ одно стихотвореніе.

Кто тебя, моя тропинка,
Проложилъ здѣсь въ первый разъ?
Въ чашу лѣса, мвидчика,
Ты бѣжишь тайкомъ отъ глазъ.

И муравчатой колежкой,
Какъ ручей среди тѣсинъ,
Вьешься ты зеленой змѣйкой
Между сосенъ и осинъ.

Пѣшеходъ ли слѣдъ случайный
Здѣсь разсѣянно пробилъ?
Можетъ быть, сердечной тайны
Молча слѣдъ онъ сохранилъ.

Можетъ быть, любви дорожка,
Въ часъ вечерней тьмы,
По тебѣ скользила ножка
Торопливой красоты.

Подавивъ свое дыханье
 И взволнованную грудь,
 Въ часъ условный на свиданье
 Шла дѣвица въ темный путь.

Съ каждымъ вечеромъ все тоже
 И все были вновь и вновь
 Ей знакомѣй и дороже
 Ночь, тропинка и любовь.

Жалко мнѣ бѣдняжку стало,
 Хоть не зналъ, кого мнѣ жалъ;
 Но гдѣ счастье разсвѣтало,
 Тучкой тамъ пройдетъ печаль.

Былъ любви—все та же сказка!
 Тутъ не нужно колдува,
 Чтобъ узнать, что за развязка
 Ей заранѣ суждена.

Мѣсяцъ, два, вдоль той тропинки,
 Здѣсь сливались съ двухъ сторонъ
 Два созвучья, двѣ росинки,
 Двѣ души: она и онъ.

Тамъ ходить онъ началъ рѣже,
 Тамъ и вовсе пересталъ:
 А она? въ ней чувства тѣ же,
 Но ихъ свѣтлый май увиалъ.

И въ слезахъ проходить ночи,—
 Не проглянетъ счастья лучъ!
 И одинъ ей грустно въ очи
 Смотрить мѣсяцъ изъ-за тучъ.

А быть можетъ, все изъ бредней
 Я романъ свой сочинилъ
 И старушкою соседней
 Этотъ слѣдъ протоптанъ былъ.

Вся въ морщинахъ и съ лукошкомъ,
 И сама какъ мухоморъ,
 За грибами той дорожкой
 Старушонка ходить въ боръ.

Что кн. Вяземскій не любитъ нашихъ проселковъ, ухабовъ, мостовыхъ, гдѣ бревна пляшутъ въ запуски подъ проѣзжающими, что онъ называетъ наши обозы зимнимъ судоходствомъ, — изъ этого не слѣдуетъ заключать, чтобъ онъ не чувствовалъ и не понималъ по-русски русской жизни.

Выслушайте, какъ онъ описываетъ русскаго ямщика.

А проѣхать ли случится
По селеню въ красный день?
Нашъ ямщикъ приободрится,
Шляпу вздернетъ на бекрень.

Какъ онъ гаркнетъ, какъ присвистнетъ
Горячо по всемъ по тремъ, —
Воронныхъ онъ словно вспышетъ
Вдохновительнымъ кнутомъ.

Тутъ знакомая свѣтлица
Съ росписнымъ своимъ окномъ:
Тутъ его два а двѣца
Съ подареннымъ перстенькомъ.

Поравнявшись, онъ немножко
Возжи въ руки приберетъ,
И растворится окошко, —
Словно солнышко взойдетъ.

И покажется касатка,
Бѣлоликая краса;
Что за очи! за повадка!
Что за русая коса!

И поклонами учтиво
Размѣнялися они,
И сердца въ нихъ молчаливо
Отзывалися сродни.

А теперь—гдѣ эти тройки?
Гдѣ ихъ ухорскій побѣгъ?
Гдѣ ты, колокольчикъ бойкій,
Ты, позвія телгъ?

Гдѣ ямщикъ нашъ, на попойку
Вставшій съ темнаго утра,
И загать готовый тройку
Изъ полтины серебра?

Неужели въ этой картинѣ не видать любви къ русской жизни? Но восторгаться всѣмъ безусловно просвѣщенный человѣкъ не можетъ, какъ не можетъ безусловно все порицать. Въ порицаніи часто бываетъ болѣе любви, чѣмъ въ похвалѣ. И сколько любви напримѣръ въ слѣдующихъ стихахъ, при описаніи степи:

Пусто все, однообразно,
 Словно замеръ жизни духъ;
 Мысль и чувство дремать праздно,
 Голодають взоръ и слухъ.
 Грустно! Но ты грусти этой
 Не порочь и не злословь:
 Отъ нея въ душѣ согрѣтой
 Свято теплится любовь.
 Степи голыя, нѣмыя,
 Все же вамъ и пѣснь и честь!
 Все вы — матушка Россія,
 Какова она ни есть!

Вообще въ стихахъ кн. Вяземскаго обнаруживается много нѣжности и грусти, — вѣроятно отъ того, что, по его словамъ, онъ «къ старости дошелъ путемъ могилъ.» Но не смотря на то, онъ обладаетъ свойствомъ весьма рѣдкимъ въ русской жизни — веселостью. Русский смѣхъ обыкновенно сворачиваетъ на насмѣшку или на разгулъ. Внутренне беззаботное, безцѣльное веселье у насъ явленіе не частое. Въ стихахъ кн. Вяземскаго, особенно за прежнее время, оно проблескиваетъ часто добродушно, и постоянно остроумно. Поэтъ пріѣзжаетъ напримѣръ въ Полтаву, — переносится мамью къ великой битвѣ и вдругъ восклицаетъ:

Братья! не грѣшно ли вчужѣ
 Видѣть, Господи спаси!
 Какъ барахтается въ лужѣ
 Городъ, славный на Руси!
 Поспѣшимъ же безъ оглядки,
 Ради ближнихъ и добра,
 Отъ Тавриды до Камчатки,
 Отъ Онеги до Днястра,
 Отовсюду гдѣ богато
 Слово Русское гремить,
 Гдѣ о горѣ братьевъ свято
 Сердце Русское болитъ, —
 Всѣ и каждый, общей силой,
 На поминки о Петрѣ,
 Всѣ поможемъ нашей милой
 Утопящей сестрѣ.

Что же? Нѣтъ бѣды въ поняткѣ!
 Стихъ мой брошу на авось:
 Съ міра просимъ — не по вѣткѣ,
 А по камешку чамъ брось.
 Пусть откроется подписка —
 И Полтава спасена;
 Ей не нужно обелиска,
 Мостовая ей нужна!

Эпиграммы кн. Вяземскаго всѣмъ извѣстны. Не смотря на ихъ колюность, онѣ не сѣютъ отпечатокъ незлобія. Какъ Русскій, онѣ не прочь пошутить надъ Нѣмцемъ, но такъ, чтобъ его не обидѣть.

Онѣ скажутъ:

Нѣмецъ такъ глубокомысленъ,
 Что провалишься въ него.

Или:

Чтò для Русскаго здорово,
 То для Нѣмца карачунъ.

Но это веселая шутка, за которую конечно никто не разсердится. Странно даже что при такой ѣдкости слова и такой силѣ стиха, князь Вяземскій такъ мало писалъ сатиръ. Выведенный изъ терпѣнія до крайности неумѣстными нападками, — онѣ прихлопнулъ своихъ зонловъ мѣткимъ отзывомъ, но тотчасъ же послѣ написалъ слово примиренія.

Объ одномъ дѣйствительно устарѣвшемъ понятіи, Мм. Гг. нельзя не помянуть, а именно о существовавшей нѣкогда между литераторами дружбѣ. Пушкинъ, Жуковскій, Вяземскій, Давыдовъ, Дельвигъ, Баратынскій, Языковъ, Гоголь, Давыдовъ и многіе другіе были болѣе чѣмъ друзьями, — они были братьями, служителями одного алтаря, для нихъ священнаго. Отъ этого соревнованія безъ злобы, отъ этого воззрѣнія на искусство какъ на цѣль, а не какъ на средство, отъ этого братства во имя русскаго слова, самое русское слово совершенствовалось, облагораживалось, становилось правильнѣе и звучнѣе. Какъ знатокъ русскаго языка кн. Вяземскій стоитъ конечно на ряду съ его братомъ Карамзиннымъ, съ его другомъ Пушкиннымъ и смѣшно даже слышать увергъ, что онѣ писатель не русскій. Напротивъ того, онѣ русскому языку оказалъ огромную услугу тѣмъ, что придалъ ему гибкость и непринужденность и неутомимо служилъ совершенствованію русской рѣчи, любовался ею въ своихъ товарищахъ, поощрялъ ее въ молодыхъ людяхъ.

Я имѣлъ честь познакомиться будучи студентомъ съ кн. Петромъ Андреевичемъ въ Дерптѣ, гдѣ онѣ почтилъ меня посланіемъ: «Что дѣлаетъ, мой графъ, красавица Эмилья», и въ то же время вспомнилъ Дерптскаго Баяна:

Я у тебя въ гостяхъ, Языковъ!
 Я въ Княжествѣ твоихъ стиховъ.

Тогда кн. Вяземскій былъ въ полномъ веселомъ бл сѣ игриваго ума и семейнаго счастья. При немъ находились тогда три существа поэтическія, три дочери—его радость и гордость, и по неумолимому велѣнію судьбы, онъ имѣлъ несчастье лишиться поочередно всѣхъ трехъ. Путемъ едва выносимаго горя пришелъ онъ къ сознанию, хорошо извѣстному только людямъ много страдавшимъ,—что высшая мудрость ничто иное какъ смиреніе. Въ самомъ его талантѣ отразились такимъ образомъ свойства умѣренности, безпристрастія, покорности и вѣры.

Поклонникъ истины, вѣрный дружбѣ и друзьямъ, слуга и защитникъ просвѣщенія, онъ идетъ средней дорогой, онъ врагъ и ретроградной мнительности и запальчивой самонадѣянности,—онъ благоговѣетъ передъ свободой, въ которой любовь и миръ, но врагъ деспотизма лжесвободныхъ мыслей и гнушается той свободы, которая ничто иное какъ «ненависть къ тому, что выше насъ». Онъ не смѣшиваетъ гласность съ шумомъ, достоинства съ завистью и желательнаго совершенствованія съ противоестественнымъ мнимымъ прогрессомъ. И въ поэзіи онъ не перестаетъ быть строгимъ критикомъ. Умъ его закалился отъ жизни, отъ сравненій; но сердце его, по благословенію, дарованному художникамъ въ возмездіе за ихъ страданіе, молодо какъ у юноши и горячо сочувствуетъ всему благородному, всему прекрасному, всему свѣтлому.

Многимъ конечно извѣстны глубоко трогательные стихи на церковное строеніе, которые да будетъ мнѣ позволено привести здѣсь хоть неполнѣ:

Одною встрѣчей я всегда въ прогулкѣ счастливъ:

Будь лѣтомъ жарокъ день, или осенью ненастный,
 Подъ проливнымъ дождемъ, въ морозъ, въ палящій зной,
 На перекресткѣ онъ, съ открытой головой
 И съ книгою въ рукѣ, протянутой къ прохожимъ.
 Глядитъ онъ странникомъ и человекомъ Божьимъ,
 Смиренья съ простотой лежитъ на немъ печать;
 Свой странническій крестъ пріявъ, какъ благодать,
 Изъ дальняго села пришелъ онъ въ городъ чуждый,
 Но праведи его не собственные нужды.
 Нѣтъ! къ дому Господа усердемъ возгора
 И возлюбивъ и блескъ, и святость алтаря,
 Отъ благолѣпью ихъ усиленный трудъ приносятъ
 И вмемъ Христа на церковь братій просить.

Если бы я не боялся утомить собраніе, я бы могъ привести еще много образцовыхъ отрывковъ, доказывающихъ какъ чистъ и свѣтелъ душевный идеалъ поэта, какъ строенъ и благолѣпенъ его идеалъ наружный, — какъ близокъ онъ всегда къ прямой дѣйствительности и какъ своеобытенъ онъ въ ея изображеніи. Князь Вяземскій, — повторяю—не зодчій, не ваятель, не строитель, не рисовальщикъ, но какъ колористъ онъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ нашей словесности. Его колоритъ, ему свойственный, ему принадлежащій, сливается въ нѣжные оттѣнки выс-

наго художественнаго и общественнаго пониманія. Хотя краски его всегда ярко русскія, хотя самыя художественныя приемы его задушевно русскіе,—но можно сказать, что въ тонкомъ пониманіи художественнаго изящества, въ дѣлѣ критики и вкуса онъ далеко опередилъ многихъ своихъ сподвижниковъ и ужъ конечно всѣхъ своихъ порицателей. Онъ служитъ намъ живымъ доказательствомъ, что въ прекрасномъ не можетъ быть ни устарѣвшихъ, ни новыхъ понятій. Солнце каждый день оживляетъ природу и до сего времени не нуждается въ новыхъ силахъ. Пушкинъ говаривалъ часто, что главная заслуга нашего гениальнаго Гоголя заключалась въ томъ, что никто не умѣлъ подмѣчать лучше его и передавать осмѣянію русскую пошлость. Заслуга князя Вяземскаго заключается тоже въ томъ, что онъ врагъ всякой пошлости, но, не упоминая о ней, онъ ее поражаетъ, создавая образцы благороднаго остроумія, отборнаго выраженія и глубоко нѣжнаго чувства.

И теперь, чѣмъ могу я кончить какъ не заявленіемъ общаго нашего желанія, чтобъ самъ маститый слуга истины и просвѣщенія, чтобъ этотъ послѣдній свѣточъ яркой Плеяды, озарявшей нѣкогда нашу словесность, еще долго насъ дарилъ и радовалъ на старыи ладъ вѣчно-юными отглаголами своего звучнаго, поэтическаго и любимаго голоса, — и указывалъ юному поколѣнію, въ чемъ заключаются вѣчныя силы всего полезнаго и прекраснаго.

Д. Ч. гр. В. Соллогубъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ФЕДОРА НИКОЛАЕВИЧА ГЛИНКИ (*).

Ф. Н. Глинка вступилъ на литературное поприще въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, въ эпоху упорной борьбы Россіи съ могуществомъ Наполеона I-го, начатой въ земляхъ нашихъ союзниковъ, продолжавшейся въ нѣдрахъ отечества, въ виду пылающей Москвы, и конченной подъ стѣнами Парижа. Онъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ этихъ великихъ событій, находился въ рядахъ русской арміи, и одинъ изъ первыхъ разсказалъ намъ доблестные подвиги нашихъ воиновъ и ближе познакомилъ съ знаменитыми и любимыми ихъ вождями. Имя его въ нашей литературѣ сдѣлалось извѣстно и сопряжено съ этими событіями. Оно стоитъ рядомъ съ столь народнымъ въ 1812 году именемъ старшаго брата его, извѣстнаго своими патриотическими чувствами писателя — Сергѣя Николаевича Глинки.

(*) Эта статья была читана въ публичномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности 27 февраля 1866 г. по поводу совершившагося пятидесятилѣтія со дня избранія князя П. А. Вяземскаго и Ф. Н. Глинки въ члены Общества. На приглашеніе почтить своимъ присутствіемъ этотъ правленьскій Федоръ Николаевичъ отвѣчалъ предсѣдателю Общества: «Сейчасъ имѣлъ я честь получить почтенное отношеніе Общества Любителей Росс. Словесности съ заключающимся въ немъ обязательнѣйшимъ приглашеніемъ. Было время, когда съ пламеннымъ увлеченіемъ я весь преданъ былъ Отечественной Словесности и самъ много лѣтъ носилъ званіе предсѣдателя въ одно изъ С.-Петербургскихъ Обществъ Словесности, въ которомъ, между многими современными извѣстностями, членами были и часто засѣдали: Пушкинъ, Дельвигъ, Николай и Александръ Бестужевы, Ковалевскій (министръ) и три брата Княжевичей. Тогда я и писалъ и печаталъ много. Впослѣдствіи, и какъ то нечаянно, измѣнилась вся прежняя обстановка и я поставленъ былъ далеко отъ круга литераторовъ и въ отношеніи, недружившіи литературѣ. Между тѣмъ поэты и писатели, отжившіе заслуженную славу, одни за другими, сходили съ поля словесности. Заняли соловьи въ нашихъ парнасскихъ рощахъ и я, едва ли не одинъ, оставался запоздавшимъ колосомъ на нивѣ, зеленѣвшей уже новою жатвою. Разставаясь съ современниками, я не разъ неволью повторялъ про себя:

Diese Menschen sind nicht mehr,
Diese Zeiten sind vorbey!..

Но радуюсь и сочувствую процвѣтанію *новыхъ* дарованій, я не покидалъ еще труда и пера:

И бывало ночи цѣлыя,
Я просиживалъ втиши;
Гасли свѣчи нагорѣвая,
Но не гасъ огонь души ..

Бури жизни не сломали бы и позднѣе упорныя стремленія къ *прекрасному*, но оно ослабѣвало и

Воспитаніе свое Феодоръ Николаевичъ (*) получилъ въ первомъ Кадетскомъ корпусѣ, который попеченіями графа Ангальта былъ поставленъ на степень одного изъ лучшихъ заведеній нашихъ, и откуда вышли многіе замѣчательные люди наши. Тамъ свѣжо было преданіе громкаго, блестящаго вѣка Екатерины. Тамъ юный питомецъ могъ проникнуться величіемъ и достоинствомъ Россіи, горячимъ патріотизмомъ, любовью къ родному слову, къ изящному и къ наукѣ. Вскорѣ по вступленіи въ военную службу, Феодоръ Николаевичъ находился уже въ походахъ 1805—6 г. противъ Французовъ и описалъ происшествія этой войны въ «письмахъ русскаго офицера о Польшѣ, Австрійскихъ владѣніяхъ и Венгріи». Это было первымъ, если не ошибаюсь, сочиненіемъ Ф. Н. Глинки, появившимся въ свѣтъ и обратившемъ на автора вниманіе читающей публики; оно издано въ 1808 г. И такъ Феодоръ Николаевичъ имѣетъ полное право быть названъ ветераномъ и Русской Словесности и Русской арміи. Въ промежутокъ времени отъ первой французской войны до 1812 г. онъ жилъ въ деревнѣ своей Смоленской губерніи, гдѣ занимался науками и литературой, и тогда же объѣхалъ нѣкоторыя мѣста губерній Смоленской и Тверской и посѣтилъ Біевъ. Замѣчанія, мысли и разсужденія по поводу этой поѣздки были изданы имъ впоследствии подъ заглавіемъ «Писемъ къ другу»; въ связи съ этою поѣздкою находится также повѣствованіе его «Зинобей Богданъ Хмѣльницкій или освобожденная Малороссія» и стихотвореніе «Мечтанія на берегахъ Волги». Война 1812 года потревожила Феодора Николаевича въ его уединеніи; по приближеніи непріятеля къ его деревнѣ онъ отправился въ армію, куда стремились всѣ бодрые сыны Россіи и гдѣ онъ раздѣлилъ судьбу и тревоги боевой жизни съ цѣлою плеядой литературныхъ знаменитостей нашихъ, съ Жуковскимъ, княземъ Вяземскимъ, Батюшковымъ, Денисомъ Давыдовымъ, Лажечниковымъ и др. Описаніе отечественной и заграничной войны съ 1812 до 1815 г. вмѣстѣ съ прежнимъ описаніемъ похода 1805 и 1806 г. и съ письмами къ другу составили полное собраніе писемъ Русскаго офицера въ 8 частяхъ, выходявшихъ съ 1815 по 1816 г. Письма эти, по появленіи своемъ, имѣли блистательный успѣхъ; они съ жадностію читались во всѣхъ слояхъ общества, во всѣхъ концахъ Россіи. Краснорѣчивое повѣствованіе о свѣжихъ еще, столь сильно волновавшихъ событіяхъ, живыя, яркія картины, смѣло набросанныя въ минуту впечатлѣній, восторженная любовь ко всему родному, отечественному и къ военной славѣ, все въ нихъ плѣняло

улеглось глубоко на дно души, когда едва ли по развѣчаннава поэзія уступила мѣсто, конечно почтенной, но вмѣстѣ и угрюмой, прозой: сухой расчетъ разочарованной жизни замѣнилъ безотчетнаго стремленія сердца и вывелъ изъ обаятельнаго міра надеждъ и мечтаній. Теперь, причисленный къ заштатнымъ городамъ литературы, я въ тошнѣ и уединеніи, глазу издали на развитіе кипучей жизни и радуюсь за новыхъ дѣлателей въ литературѣ и обществѣ.

Ясной звѣздой, въ сумеркахъ моего настоящаго быта, просіяло теперь дружественное, благосклонное, обязательное приглашеніе всегда любимаго мною Общества. Цѣнлю вполне это почетное приглашеніе достойныхъ особъ; но къ душевному самоотреченію не имѣю возможности исполнить желаніе Общества. Справясь только недавно съ простуднымъ гриппомъ, я еще не поправился здоровьемъ. Притомъ съѣздъ всего Тверскаго дворянства и спѣшныя занятія, въ которыхъ и я не безучастникъ въ вѣщавъ *ласнаго*, препятствуютъ мнѣ оставить Тверь...

(*) Онъ родился въ 1788 г.

современниковъ. Я помню съ какимъ восторгомъ наше, тогда молодое, поколѣніе повторяло начальныя строки письма отъ 26 августа 1812 г.: «застонала земля, и пробудила спавшихъ на ней воиновъ. Дрогнули поля, но сердца покойны были. Такъ началось безпримѣрное сраженіе Бородинское» и пр. Многія мѣста изъ писемъ Русскаго офицера не утратили и теперь достоинства своего и въ своемъ родѣ останутся образцовыми въ нашей литературѣ. Спустя много лѣтъ, въ 1839 г., по случаю открытія памятника на поляхъ Бородина, воспоминанія Федора Николаевича оживились и онъ издалъ отдѣльно «Очерки Бородинскаго сраженія», въ которыхъ послѣдовательно изобразилъ все главные моменты этой исполинской битвы и подробно описалъ ее во всехъ отношеніяхъ. По возвращеніи нашихъ войскъ изъ-за границы, Ф. Н. Глинка продолжалъ службу при гвардейскомъ штабѣ, а потомъ при С.-Петербургскомъ военномъ генераль-губернаторѣ графѣ Милорадовичѣ. Въ званіи адъютанта его Федоръ Николаевичъ совершилъ все свои походы и обзорѣнію военной жизни и подвиговъ этого храбраго, благороднаго рыцаря, названнаго нашими непріятелями Боярдомъ Русской арміи, посвятилъ особое сочиненіе. Потребность просвѣщенія и жажда къ умственнымъ занятіямъ и къ наукамъ проявились въ это время особенно между молодыми военными людьми. При штабѣ основана была библіотека и собиравшіеся въ ней офицеры составили общество военныхъ людей. Ф. Н. Глинка написалъ программу предпринятаго ими военного журнала, помѣстилъ въ немъ многія прозаическія статьи свои и въ торжественномъ собраніи общества произнесъ рѣчь «о необходимости дѣятельной жизни, ученыхъ упражненій и чтенія книгъ». Другое общество, учрежденное въ то же время подъ названіемъ Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности въ С.-Петербургѣ, выбрало Ф. Н. Глинку въ свои вице-предсѣдатели, а потомъ и въ предсѣдатели. Онъ принималъ также дѣятельное участіе и въ журналѣ этого общества «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія», доходы отъ котораго назначались на пособія нуждающимся литераторамъ, ученымъ и художникамъ. Сверхъ того печаталось въ это время много стихотвореній его въ другихъ журналахъ, особенно въ Сынѣ Отечества и въ разныхъ литературныхъ Альманахахъ. Не входя въ подробное исчисленіе столь многочисленныхъ, разнообразныхъ произведеній Федора Николаевича, приведу здѣсь одно изъ стихотвореній его двадцатыхъ годовъ, наиболѣе нравившееся и которое возбуждало особенное сочувствіе публики: *«Плачь плынныхъ Іудеевъ»* (псаломъ 136):

Когда, влекомы въ плѣнъ, мы стали
Отъ стѣнъ Сіонскихъ далеки,
Мы слезъ ручьи не разъ мѣшали
Съ волнами чуждыя рѣки.

Въ печали, молча, мы грустили
Все по тебѣ, святой Сіонъ!
Надежды рѣдко намъ свѣтили
И тѣ надежды были сомя!...

Замолкли вѣщіе органы,
 Затихъ веселый нашъ тимпанъ:
 Напрасно намъ гласятъ тараны: —
 „Воспойте пѣснь Сіонскихъ странъ“.

Сіона пѣсни — гласъ свободы....
 Тѣ пѣсни слава намъ дала:
 Въ нихъ тайны мы поемъ природы
 И Бога дивнаго дѣла.

Нѣмѣй, органъ нашъ голосистый,
 Какъ занѣмѣлъ нашъ въ рабствѣ духъ!
 Не опозоримъ пѣсни чистой:
 Не ей ласкать злодѣевъ слухъ!....

Увы! неволи дни суровы
 Органамъ жизни не даютъ:
 Рабы, влачащіе оковы,
 Высокихъ пѣсенъ не поютъ.

Описательная поэма «Карелія или заточеніе Марѣы Іоанновны Романовой», изобилующая поэтически-вѣрными картинами природы дикой и суровой, но своеобразной и величественной, была плодомъ пребыванія Ѳ. Н. Глинка въ Олонецкой губерніи съ 1826 г. въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Къ другой мѣстности, а именно къ Тверской губерніи, куда онъ потомъ переселился, относится сочиненіе его «о древностяхъ Тверской Кареліи». Членъ нашъ А. А. Котляревскій прочтетъ намъ нѣсколько словъ о значеніи этого труда въ русской наукѣ. Рѣдкій изъ русскихъ поэтовъ не привѣтствовалъ вдохновенными стихами Москвы, этого живота нашей славы и народности. Ѳ. Н. Глинка написалъ также прекрасное стихотвореніе, посвященное тебѣ:

„Городъ храмовъ и палатъ,
 Градъ срединный, градъ сердечный,
 Коренной Россіи градъ“, и пр.

Изъ стихотвореній Ѳедора Николаевича одно пользуется особенною извѣстностію по содержанію своему и переложенію на музыку. Это не наслаждался звуками столь сочувственной Русскому слуху пѣсни:

Вотъ ичится тройка удалая
 Вдоль по дорогѣ столбовой,
 И колокольчикъ, даръ Вадака,
 Гудитъ уныло надъ дугой, и пр.

Но главнымъ источникомъ поэзіи этого автора было религіозное чувство. Большая часть его стихотвореній проникнута этимъ чувствомъ и содержаніе ихъ заимство-

вано изъ священнаго писанія. Они исполнены красотами, свойственными этому роду поэзій — простотой и строгостію библейскихъ картинъ, и теплотой Евангельскаго духа. Уже въ 1826 г. Ѳ. Н. Глинка издалъ особю книжкою «опыты свои священной поэзій»; въ послѣднее же время онъ почти исключительно писалъ въ этомъ направленіи, которому слѣдовала и супруга его, Евдокія Павловна Глинка, рожденная Голенищева-Кутузова, весьма извѣстная писательница въ отдѣлѣ духовной литературы: Общество наше имѣло честь счѣтать ее въ числѣ своихъ почетныхъ членовъ. Переложеніе Іова въ стихи или, какъ самъ авторъ говоритъ, свободное подражаніе этой книги, появилось въ 1859 г. Вслѣдъ за тѣмъ Ѳ. Н. Глинка напечаталъ въ 1861 г., въ Берлинѣ, обширную въ 2-хъ частяхъ поэму подъ заглавіемъ «Таинственная капля», въ которой онъ развилъ трогательное, умилительное преданіе, сохранившееся въ хроникахъ среднихъ вѣковъ и въ памяти христіанскихъ народовъ. Къ главному легендарному разсказу присоединены другія преданія — народныя или взятая изъ книгъ Читыхъ-Миней, а все связано рядомъ событій изъ Евангельской жизни Іисуса Христа. Многіе, лучшіе отрывки изъ этой поэмы, подъ особыми названіями, какъ-то: Царство Божіе, Входъ Господень въ Іерусалимъ, Земная грусть, Тайна вѣры, и др. были напечатаны отдѣльно въ «Странникѣ» и въ нѣкоторыхъ другихъ повременныхъ изданіяхъ. Поэма эта требовала бы внимательнаго, подробнаго и продолжительнаго разбора. Ограничиваюсь здѣсь однимъ легкимъ указаніемъ на замѣчательнѣйшія изъ произведеній болѣе нежели полувѣковой литературной дѣятельности почтеннаго сочлена нашего, коего мы празднуемъ сегодня пятидесятилѣтнее избраніе въ Общество Любителей Россійской Словесности, — дѣятельности, которую онъ продолжаетъ въ преклонной старости и которую — надѣмся — будетъ еще долго продолжать съ неугасающимъ талантомъ и непрерывнымъ успѣхомъ. Предоставляю будущимъ его біографамъ собрать, исчислить и распредѣлить многочисленныя и разнообразныя труды его; судьямъ же болѣе меня законнымъ — опредѣлить достоинство, значеніе и мѣсто ихъ въ нашей литературѣ, и прослѣдить отношенія ихъ къ личности автора и къ обстоятельствамъ его жизни. Не могу однако умолчать одного случая, который, свидѣтельствуя о благородныхъ качествахъ души Ѳ. Н. Глинки, принадлежитъ вмѣстѣ съ тѣмъ исторіи нашей литературы и занесенъ уже въ ея лѣтописи. Молодой, гениальный Пушкинъ подвергся гнѣву императора Александра Павловича не только за нѣкоторыя собственные неосторожныя стихи, но и за другіе, ходившіе подъ его именемъ. Пушкинъ, призванный къ графу Милорадовичу, объяснился съ нимъ откровенно по совѣту Ѳ. Н. Глинки. Показанія Милорадовича, подтвержденныя заступничествомъ Карамзина, начальника Пушкина гр. Каподистрія и бывшаго директора Лицея Энгельгардта, утишили грозу. Пушкинъ былъ посланъ на службу въ южную Россію. Вскорѣ послѣ отъѣзда его изъ Петербурга появилось въ 38-й книжкѣ Сына Отечества 1820 г. посланіе къ нему Ѳ. Н. Глинки, оканчивающееся стихами:

Судьбы и времени сѣдаго
 Не бойся, молодой пѣвецъ!
 Слѣды исчезнуть поколѣній,
 Но живъ талантъ, безсмертенъ геній.

Этотъ привѣтъ глубоко тронулъ впечатлительную, теплую и признательную душу Пушкина; онъ отвѣчалъ на него стихотвореніемъ, которое всѣмъ извѣстно, но которое—какъ всѣ стихотворенія Пушкина—повторяется съ новымъ наслажденіемъ. Да позволено мнѣ будетъ заключить имъ мою рѣчь; вотъ оно:

Когда средь оргій жизни шумной,
 Меня постигнулъ острацизмъ,
 Увидѣлъ я толпы безумной
 Презрѣнный, робкій эгоизмъ;
 Безъ слезъ оставилъ я, съ досадою
 Вѣнки пировъ и блескъ Аеинъ;
 Но голосъ твой былъ мнѣ отрадой
 Великодушный гражданинъ!
 Пускай судьба опредѣлила
 Гоненье грозное мнѣ вновь,
 Пускай мнѣ дружба измѣнила,
 Какъ измѣнила мнѣ любовь, —
 Въ моемъ изгнаньи позабуду
 Несправедливость ихъ обидъ:
 Онѣ ничтожны, если буду
 Тобой оправданъ, Аристидъ!

Что можно еще прибавить къ этой похвалѣ?

Д. Ч. Н. Пугача.

ЗАМѢТКА О ТРУДАХЪ О. Н. ГЛИНКИ ПО НАУКЪ РУССКОЙ ДРЕВНОСТИ. (*)

Мм. Гг.

Не современникамъ извѣстнаго дѣятеля политической и общественной жизни принадлежитъ право окончательной, правдивой оцѣнки его подвига жизни: слишкомъ не проченъ и скоръ бываетъ этотъ судъ, слишкомъ много входитъ въ него живаго начала личной страсти, симпатій и антипатій, чтобъ быть ему вполне справедливымъ и безпристрастнымъ; потому лишь *немногие* дѣятели при жизни своей находятъ правдивую, на вѣки нерушимую оцѣнку, — для огромнаго большинства лицъ послѣдующія поколѣнія всегда измѣняютъ — и иногда въ конецъ измѣняютъ, этотъ судъ: много прежнихъ героевъ, умѣвшихъ на долгое время обмануть и подкупить историческій судъ, нисходятъ въ послѣдніе ряды обыкновенныхъ слабыхъ смертныхъ; много прежде неизвѣстныхъ и темныхъ именъ выходитъ съ теченіемъ времени на свѣтъ, окруженные признательностью и славой, въ которыхъ отказало имъ легкомысліе современниковъ или ближайшаго потомства; но если правдивый историческій приговоръ принадлежитъ грядущему, то за современниками остается право признательности къ лицамъ, заслуги которыхъ по крайней мѣрѣ въ данное время не могутъ подлежать вопросу. Такъ позволяю я себѣ понимать значеніе сегодняшняго праздника нашего Общества: никто изъ насъ, мм. гг., не возьметъ на себя непринадлежащаго намъ суда надъ литературною дѣятельностью старѣйшихъ *дѣйствительныхъ* нашихъ сочленовъ; но кто же изъ насъ не помянетъ этой дѣятельности должною признательностью?... Съ нашей стороны — это не мимолетное выраженіе официальнаго почета на случай, а столько же необходимая потребность чувства правды и уваженія къ полувѣковой

(*) Статья эта была также прочтена въ публичномъ собраніи Общества Л. Р. С., посвященномъ празднованію пятидесятилѣтія со времени избранія въ дѣйствительные члены Общества князя П. А. Вяземскаго и О. Н. Глинки.

благородной дѣятельности, сколько и стремленіе привести въ ясность отношенія между нашимъ прошедшимъ и настоящимъ. Публичное выраженіе общей признательности къ литературному и ученому труду умѣстно вездѣ, но всего болѣе умѣстно у насъ, гдѣ занятія литературой и наукой въ сознаніи чуть ли не большинства — не достигли полнаго признанія и все еще стоятъ за чертою, внѣ круга граждански-полезнаго дѣла, какъ занятія обходимыя, излишнія и даже суетныя: привѣтствуя признательностью литературную дѣятельность вн. П. А. Вяземскаго и Ф. Н. Глинки, мы въ лицѣ ихъ привѣтствуемъ благородное званіе литератора, мы требуемъ большихъ общественныхъ правъ для науки и литературы, большаго общественнаго признанія и уваженія къ нимъ!

Оцѣнка литературной дѣятельности Ф. Н. Глинки будетъ не полна, если не обратитъ вниманія на ту сторону ея, которая, быть можетъ, всего менѣе видна для образованной публики: молодыя поколѣнія съ именемъ Глинки знакомятся съ первыхъ шаговъ своего обученія, со школьной скамьи: вмѣстѣ съ другими немногими писателями, съ Карамзинымъ, Жуковскимъ, Крыловымъ — Федоръ Николаевичъ раздѣляетъ имя русскаго педагогическаго классика, — его стихотворенія и письма русскаго офицера принадлежать къ числу необходимыхъ статей первоначальнаго чтенія воспитывающихся поколѣній — и вотъ одна изъ причинъ, почему его имя пользуется такою широкою популярностью; но изъ тѣхъ, кому извѣстно оно — многіе ли знаютъ Федора Николаевича какъ челоуѣка родной науки, оказавшаго ей немаловажныя и, во всякомъ случаѣ, достойныя добраго слова, услуги. При настоящемъ праздникѣ непростительно, какъ-то совѣстно будетъ позабыть о нихъ. Я позволю себѣ остановитъ на нихъ ваше вниманіе, мм. гг., и постараюсь въ немногихъ словахъ показать значеніе того, что сдѣлано Ф. Н. Глинкой для отечественной науки.

Въ 30-хъ годахъ усиленные служебные труды разстроили, и безъ того некрѣпкое, здоровье Федора Николаевича. Повинуясь предписаніямъ врачей, онъ отпразднелъ въ тверское имѣніе своей тещи, Е. И. Голенищевой-Кутузовой. Это обстоятельство и было поводомъ одного весьма важнаго открытія, сдѣланнаго Ф. Н. Глинкой. «Тамъ — писалъ онъ къ извѣстному археологу и статистіку П. П. Кеншену — тамъ на древнихъ высотахъ Алаунскихъ, плавалъ въ сухомъ горномъ воздухѣ и дыша испареніемъ сосенъ и можжевеловыхъ кустарниковъ, началъ я много ходить. Долго, лѣса одѣтые листьями, и жатвы еще не снятыя, закрывали *тайну окрестностей*. И не видалъ быта историческаго, но видѣлъ ясныя и яркіе слѣды моря. Море какъ будто вчера тамъ было! Множество окаменѣлыхъ мадрепоровъ, морскихъ раковинъ, гнѣзда морскихъ червей, въ разныя породы видренныя, разсыпаны по полямъ этой стороны, любопытной и въ геологическомъ отношеніи. Наконецъ, когда осень стала сближаться, и лѣса и поля, по снятіи жатвъ, обнажились, я сталъ замѣчать какія-то *пятна*, видѣ задвинутыя камнями. Онѣ разсыпаны по полямъ и ниважъ на великое пространство. На вопросы: «что такое *эти лоскутья невспаханые*», крестьяне отвѣчали: «это, батюшка, *старинныя могилки*, ихъ соха не беретъ!» Но впоследствии, всмотрѣвшись и развѣдавъ объ этомъ дѣлѣ, узналъ я, что эти мнимыя могилки суть *поддонья бывшихъ кургановъ*, которыхъ потомъ нашелъ я цѣлыя *круговины*, восторжествовавшія надъ временемъ и множествомъ разрушительныхъ случаевъ. Слѣдя за курганами, я нашелъ

также многие камни — особенно любопытные — рѣзнаго искусства въ Россіи. Но всѣ эти камни обросли, затянута болотными кочками, утонули въ грязи; а товарищи ихъ курганы утаены лѣсами и жатвами!... Надобно было много ходить, *всматриваться* и расспрашивать, чтобы напасть на слѣдъ любопытнаго, — на слѣдъ запаханый, заселенный, почти изглаженный. За то доселѣ никто и понятіа не имѣлъ, что за Тверью есть или былъ цѣлый огромный бытъ какого-то неизвѣстнаго народа. Исторія молчать, преданья не говорятъ объ этомъ. Отъ Москвы до Твери нѣтъ ничего подобнаго. Откуда же въ Тверской Кареліи взялись курганы? Объ этомъ знаютъ или знали развѣ во времена *незапамятныхъ*.» (*)

Вотъ чтó привлекало вниманіе нашего поэта! Не одни картины дѣвственной сѣверной природы, которую онъ съ такимъ искусствомъ умѣлъ рисовать въ своихъ произведеніяхъ, но главнымъ образомъ слѣды опочившей жизни древняго человѣка, загадочные и молчаливые свидѣтели его быта, понятій и вѣрованій. Много потерпѣли эти памятники отъ разрушительной силы времени, всѣ они, выражаясь его же словами — заброшены, утаены въ лѣсахъ, утоплены въ болотахъ, но прилежно наблюдательный взглядъ неутомимаго ходака открылъ

«Могила.... каменной рядъ,
«На каменныхъ дѣвныя сказанья!»

Плодомъ внимательнаго осмотра этихъ памятниковъ было: «краткое извѣстіе о признакахъ древняго быта неизвѣстнаго народа и камней, найденныхъ въ Тверской Кареліи»; Фѣдоръ Николаевичъ отправилъ эту статью къ Кеппену, который и напечаталъ ее вмѣстѣ съ письмомъ его — въ Журн. Мин. Вн. Дѣлъ (1836). Нѣсколько поздиѣ Фѣдоръ Николаевичъ пополнилъ и измѣнилъ это «краткое извѣстіе» и въ такомъ видѣ напечаталъ его въ Русскомъ Историческомъ Сборникѣ (т. 1, к. 2), издававшемся Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ. На важные памятники исчезнувшей народной жизни Глинка взглянулъ не летучимъ взглядомъ равнодушнаго путешественника, но какъ человѣкъ полный серьезнаго интереса къ загадкѣ ихъ существованія, какъ поэтъ, души котораго сочувственно коснулись эти одинокіе камни и могилы, подъ которыми уснула исполинская мощь отшедшихъ невѣдомыхъ народовъ и поколѣній. «Можетъ быть — думалъ и говорилъ онъ — можетъ быть подъ загадочными извитіями на этихъ мертвыхъ каменныхъ трепещетъ мысль еще живая, еще мощная, ожидающая только возможности вырваться изъ вѣковаго плѣна своего, чтобы высказать себя на языкѣ для насъ понятномъ. Разрѣшивъ нѣсколько неизвѣстныхъ знаковъ, мы узнали бы можетъ быть по крайней мѣрѣ имена тѣхъ народовъ, которыхъ невидимая роковая звѣзда могущественно влекла отъ плѣнительныхъ странъ Востока на Сѣверъ нашъ, тогда еще болѣе угрюмый, но богатый сокровищами природы, — непочатыми!»

(*) См. О древностяхъ Тверской Кареліи. Извлеченіе изъ писемъ Ф. Н. Глинки къ П. М. Кеппену. Спб. 1836, стр. 2 и слѣд. (отд. отд. изъ 3-й кн. Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ 1836 г.)

Какъ былъ, такъ и здѣсь остался Глинка поэтомъ: тѣмъ сумрачнѣй и отдаленнѣй стояла передъ нимъ эта недосягаемая, сѣдая древность, тѣмъ болѣе она давала пищу фантазіи поэта, тѣмъ шире и свободнѣе она представлялась глазамъ его. Такимъ поэтическимъ міросозерцаніемъ запечатлѣны всѣ общія воззрѣнія и заключенія нашего археолога-поэта. Такъ одинокіе, забытые, разсѣянные камни поражаютъ его одной своей странною особенностью: всѣ они сдѣланы такъ, что поставленные на своемъ подножьи, непремѣнно накрениваются на одну сторону и остаются всегда въ наклонномъ положеніи, составляя уголь съ линіей горизонта. Простой ли случай, фактъ неразумной природы или дѣйствительный разумный фактъ народной жизни, только эта особенность карельскихъ камней вызываетъ въ душѣ наблюдателя слѣдующее поэтическое предположеніе: «Если вообразить—говоритъ онъ—что нѣкогда быть можетъ нѣсколько сотъ такихъ разнообразныхъ камней стояли вмѣстѣ, всѣ склонясь печально къ одной сторонѣ (можетъ быть къ востоку), то нельзя не согласиться, что въ совокупности должны были они выражать одну общую мысль и—безъ сомнѣнія—мысль *унылую*....» Вопросъ—почему эти камни ниспровергнуты, разбиты и разсѣяны по полямъ, снова даетъ поводъ къ такой поэтической догадкѣ: «однѣ стихи не могли—кажется—раскрошить на такіе мелкіе и часто правильные обломки этого стараго каменнаго быта! Можетъ быть, какое нибудь *враждебное племя*, сдѣлавъ набѣгъ на племена, *сидѣвшія* въ огромномъ каменномъ гнѣздѣ въ нынѣшней Тверской Кареліи, разбило ихъ домашнюю утварь, раздробило разноцвѣтныя *палисады*, *изображенія птицъ*, завалило пескомъ *сухіе колодцы* (вѣроятно подземные входы и выходы), въ которыхъ находятъ иногда оружіе и вещи изъ домашняго быта; сорвало надгробные камни съ могилъ, словомъ—разрушило весь бытъ древнихъ Алаунцевъ. Время, принявъ въ жернова свои остатки уцѣлѣвшаго, истерло ихъ почти въ пыль, болотная влага затянула могилы по долинамъ, и бытъ нѣкогда цѣльный, огромный, ярко пестрѣвшій среди необозримыхъ лѣсовъ, на темени Алауна, теперь едва примѣтенъ въ разсѣянныхъ отрывкахъ своихъ!» Сводя свои наблюденія къ общему итогу, Глинка еще съ ббльшимъ, истинно поэтическимъ воодушевленіемъ и фантазіей рисуетъ картину быта древней Кареліи: «Перенесемъ—говоритъ онъ—на минуту въ глубокую древность, вообразимъ нынѣшнюю Тверскую Карелію—страну пересѣченную холмами, оврагами и рѣчками, покрытую дремучими непроходимыми лѣсами, которыхъ теперь почти не осталось и признака; вообразимъ множество земляныхъ (тогда еще *высокихъ*) насыпей, кругообразно уставленныхъ по лѣсамъ; вообразимъ длинные ряды пестрыхъ каменныхъ *палисадъ*, смыкавшихъ курганы; прибавимъ множество *птицъ*, животныхъ и разнообразныхъ символическихъ фигуръ, все высѣченныхъ, округленныхъ изъ камня; представимъ себѣ долины съ ихъ могилами и надгробными камнями, склоненными къ *одной извѣстной сторонѣ*; представимъ, что въ одну изъ темныхъ ночей, въ густотѣ древнихъ лѣсовъ, засверкали, въ видѣ обширнаго круга, огни на курганахъ, служившихъ алтарями; что бурное дыханіе сѣвера раздуваетъ эти *священные огни* и тысячи могучихъ великановъ, вооруженныхъ суковатыми *каменными палицами*—молятся!... Представимъ все это, и мы будемъ имѣть очеркъ картины дикаго, вѣроятно грознаго, землекаменнаго быта, суще-

ствовавшего задолго до *Нестора*, можетъ быть—во времена незапамятныя! Исторія моложе сихъ *построений* и самое *преданіе*: не умѣетъ ничего сказать о началѣ оныхъ. Теперь все, что могло остаться, переживъ вѣка, утаено лѣсами, потонуло въ болотахъ, разсѣяно по полямъ, облитымъ зеленымъ и золотымъ моремъ жатвы и смѣшалось съ произведеніями дна настоящаго моря, которое нѣкогда въ бурныхъ порывахъ своихъ захлеснуло верхи Алауна!» Позднѣе еще разъ возвратился Федоръ Николаевичъ къ своимъ любимымъ древнимъ курганамъ и насыпямъ Тверской Карелии; они снова вызвали въ душѣ его мечту о жизни, опочившей подъ ихъ развалинами. (*) Къ прекрасному стихотворенію онъ присоединилъ прозаическое примѣчаніе, дополняющее его прежнія изслѣдованія и описанія. Позволяемъ себѣ привести здѣсь небольшую выдержку, имѣющую интересъ и для археологовъ и для геологовъ:

«Надпись, найденная на одномъ изъ камней Тверской Карелии, возбудила вниманіе Датскаго Общества Древностей, и одинъ изъ членовъ его прочелъ самую *надпись*, составленную изъ *двойныхъ* рунъ—*doppelte Runnen*. Именитый академикъ нашъ, г. профессоръ *Шеренъ*, занявшись тѣмъ же предметомъ, открылъ, въ той же надписи, и *славянскій* смыслъ.

«Оназывается, что на *томъ* мѣстѣ, или въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лежалъ камень, Бнязь *Инварь* (Норманскій рыцарь) *былъ поднятъ на щитахъ*, т. е. провозглашенъ *вождемъ*. Какъ будто подъ пару надписи, на томъ же полѣ, найдена каменная голова рыцаря, разумѣется, пострадавшая отъ времени, но шлемъ и кое-что уцѣлѣло.

«Въ мѣстахъ сдѣланныхъ находокъ всего примѣчательнѣе *подземные дубы*. Я называю ихъ *подземными*, потому что, по крайней мѣрѣ, на шесть аршинъ засыпаны они пескомъ и землею. По всей рѣкѣ Медвѣдицѣ, при спаденія весеннихъ водъ, выказываются, изъ-подъ высокихъ береговъ, вѣтвистыя верхушки. Крестьяне,—цѣлыми селеніями,— посредствомъ каната и ворота, овладѣваютъ этими верхушками и извлекаютъ, изъ-подъ берега, дубы огромныхъ размѣровъ. У меня есть пластинки этихъ *подземныхъ* дубовъ, употребляемыхъ мѣстными жителями на разныя подѣлки. Тверская губернія почти сплошь покрыта теперь однимъ только *краснымъ льсомъ*: когда жь росли въ ней дубы, и такіе еще огромные?!—Въ тѣхъ же берегахъ находятъ и зубы *мамонта*, можетъ быть современника былыхъ дубовыхъ рощей.

«Должно полагать, что нѣкогда (а когда это было?) грозный ураганъ, однимъ разомъ, повалилъ всѣ дубовые лѣса: ибо дубы всѣ лежатъ рядомъ и вершинами *всѣ въ одну сторону*. Тотъ же ураганъ надвинулъ откуда-то и глыбы песковъ, составляющихъ теперь зыбучіе берега тамошнихъ рѣкъ.—Касательно камней съ надписями, изъ которыхъ одна, какъ сказано, уже прочитана *Датскимъ* Обществомъ и нашимъ ученымъ *Шереномъ*, у меня есть два-три камня съ явственными знаками, заключающими въ себѣ мысль. И недавно получилъ я отъ (бывшаго, нынѣ уже умершаго) тверскаго губернатора (А. П. Бакунина), вмѣстѣ съ изданною имъ прекрасною стати-

(*) Стихотвореніе въ *Москвитинѣ* 1851 № 8 стр. 291—3.

стическую книгу: «Описание составленія Тверской губернии», и одинъ камень (довольно большой), весь изчерченный знаками, нѣкоторые изъ перемѣстныхъ между собою неясныхъ буквъ. Можетъ быть когда-нибудь исторія или догадливость ученыхъ *сприсклетъ живою водою* эти признаки и знаки древности, а до тѣхъ поръ поэту вольно любоваться ими, какъ *остатками* какого-то былаго мира.

Строгая наука устраняетъ изъ своей области поэтическую фантазію, она не жертвуетъ ей истиною, она требуетъ лишь доказаннаго факта, какъ бы суровъ, скупъ и непривлекателенъ ни былъ онъ, она признаетъ догадку осмотнительно, лишь въ крайнемъ случаѣ и то, когда существуютъ достовѣрные для нея основанія, но да позволено будетъ нашему поэту и въ дѣлѣ науки не измѣнять призванію своей жизни: не ставемъ упрекать его, что послѣ бесѣды съ нѣкими памятниками сѣдой древности, онъ не остался холоденъ въ загадочной судьбѣ ихъ и далъ волю крылатой мечтѣ поэта. Отстранивъ поэзію, мы найдемъ и другую сторону въ небольшомъ трудѣ Ѳ. Н. Глинки и она-то останется вдалогѣ достоинствомъ строгой науки: это—внимательное, подробное описаніе того, что, выражаясь его же словами, случилось ему встрѣтить въ Тверской Карелии. Ѳ. Н. Глинка первый обратилъ вниманіе на каменные древности сѣверной Россіи, первый указалъ на важные слѣды древняго исчезнущаго быта, сохранившіеся въ каменныхъ постройкахъ и сооруженіяхъ, отъ его взгляда не ускользнула ни одна крупная черта ихъ, которою такъ дорожитъ изслѣдователь старины: обстоятельная топографія памятниковъ, подробное и точное описаніе внѣшняго ихъ вида, украшеній, способа постройки и вещей, въ нихъ находимыхъ—все осмотрено по возможности тщательно, насколько позволили средства и силы, даже и нѣкоторые догадкамъ его, при всей ихъ поэтической слѣдствости, нельзя отказать ни въ убѣдительности, ни въ остроуміи. Сохраняя всю свѣжесть литературнаго произведенія—небольшой трудъ Ѳ. Н. Глинки и повинѣ сохранять все серьезное значеніе, пока ничѣмъ незамѣннаго, ученаго описанія: несмотря на успѣхи русской науки древности, мы до сихъ поръ не можемъ указать ни на одно сочиненіе, которое сдѣлало бы ненужнымъ этотъ трудъ—и вотъ почему, независимо отъ своихъ историческихъ достоинствъ, онъ все еще имѣетъ за собою и достоинства такъ сказать современныхъ. Это заслуга прочная и нельзя съ благодарностью не помянуть о ней въ тотъ день, когда Общество Любителей Россійской Словесности празднуетъ пятидесятилѣтіе вступленія Ѳ. Н. Глинки въ число своихъ членовъ!

Д. Ч. А. Котляревскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ КАРАМЗИНА.

Въ первыхъ письмахъ Карамзина къ Дмитріеву встрѣчаются довольно часто стихи, такъ сказать въ дополненіе и въ подтвержденіе сказанному въ прозѣ. И замѣтимъ мимоходомъ, по большой части, бѣлые стихи. Въ молодости, поэты новички обыкновенно увлекаются прелестью рѣзвы, этой заманчивой игрушки. Впрочемъ здѣсь можно отыскать разъясненіе и оцѣнку стихотворческаго дарованія Карамзина. Онъ былъ поэтъ по чувству, по краскамъ, и не рѣдко по содержанію стихотвореній своихъ; но не по внѣшней отдѣлкѣ. Стихотворецъ въ немъ, такъ сказать, не по силамъ поэту. Онъ самъ какъ будто сознавалъ это различіе: въ одномъ письмѣ къ Дмитріеву говорить онъ: *прости мой любезный поэтъ и стихотворецъ*. Въ другѣ своемъ, и справедливо, признавалъ онъ того и другаго. Его же призваніе было иное:

Пой, Карамзинъ, я въ прозѣ
Гласъ слышенъ соловьянъ,

сказалъ ему Державинъ. У него былъ свой взглядъ на стихи. Помню, какъ онъ однажды вошелъ въ мою комнату и засталъ меня за чтеніемъ Бюргеровой баллады: *Des Pfarrers Tochter*.

Онъ взялъ у меня книгу изъ рукъ, и напалъ на куплетъ:

Er kam in Mantel und Kappe vermummt,
Er kam in die Mitternachtsstunde,
Er schlich umgürtet mit Waffen und Wehr
So leise, so lose, wie Nebel, einher
Und stüllte mit Brocken die Hunde.

Прочитавъ это, сказалъ онъ: вотъ какъ надобно писать стихи. Можно подумать, что онъ держался извѣстнаго выраженія: *c'est beau comme de la prose*.

Онъ требовалъ, чтобы все сказано было въ обрѣзъ и съ буквальною точностью.

Онъ давалъ просторъ вымыслу и чувству; но не выраженію. Въ первой части Онѣгина, особенно цѣнили онъ 35-ю строфу, въ которой описывается Петербургское утро съ своимъ барабаннымъ боемъ, съ Охтенкою, которая спѣшитъ съ кувшиномъ съ нѣмецкимъ хлѣбникомъ, который

Въ бумажномъ колпакѣ не разъ
Ужъ отворилъ свой васисдасъ.

Онъ любилъ здѣсь и вѣрность картины и трезвую вѣрность выраженія. Изъ Державина повторялъ онъ съ особеннымъ удовольствіемъ то мѣсто въ «видѣніи Мурзы», въ которомъ поэтъ говоритъ, что луна

Сквозь окна домъ мой освѣщала
И палевымъ своимъ лучемъ
Златяя стекла рисовала
На лаковомъ полу моемъ.

Часто вспоминалъ онъ слѣдующіе стихи Хераскова:

Какъ лебедь на водахъ Меандра
Поетъ послѣдню пѣснь свою,
Такъ я монарха Александра
На старости моеи пою.

Онъ даже въ Сумароковѣ отыскалъ стихъ, который нравился ему точною выраженіемъ.

Въ немъ не было лиризма. Въ прозѣ его, напротивъ, много движенія и музыкальной пѣвучести. Самыя рифмы ему какъ то неохотно поддавались:

Чиновъ и рифмъ онъ не искалъ,
Но рифмы и чины къ нему летѣли сами,

сказалъ онъ о Дмитріевѣ, и могъ завидовать въ другѣ своемъ, если не послѣднимъ, о которыхъ онъ не заботился, то первымъ, которые отъ него будто прятались. Было время, что онъ вовсе охолодѣлъ къ поэзіи, или по крайней мѣрѣ къ выраженію ея стихами; а именно въ первые годы его историческаго труда. Мнѣ очень памятно это время. Я тогда утаивалъ отъ него стихи свои, какъ мальчишка утаиваетъ проказы отъ строгаго дядьки: такъ сильно напугалъ онъ меня своею холодною и часто повторяемымъ приговоромъ, что нѣтъ никого болѣе жалкаго и смѣшнѣе посредственнаго стихотворца. Только гораздо позднѣе, какъ видимъ изъ писемъ его къ Дмитріеву, онъ умлялся даже и предъ упорствомъ ничѣмъ и никѣмъ невозмутимаго графа Хвостова. Тутъ и на мою долю выпалъ лучшій жребій. Какъ то случай-

но прочитавъ какіе то мои стихи, сказалъ онъ мнѣ: теперь не стану отговаривать васъ отъ стихотворства. Это разрѣшеніе было для меня самою лестною похвалою. О ней отрадно вспомнить мнѣ и нынѣ. Благодарное чувство мое да будетъ оправданіемъ моему случайному самохваленію.

Если въ послѣдніе годы жизни онъ опять нѣсколько теплѣе обратился къ стихамъ, то не мудрено найти тому причину въ слѣдующемъ обстоятельствѣ. Въ пребываніе свое въ Царскомъ селѣ онъ узналъ Пушкина, тогдашняго питомца лицея: полюбилъ онъ его родительскою, но вмѣстѣ съ тѣмъ и строгою любовью. Развивающееся подъ глазами его дарованіе могло пробудить охолодѣвшее сочувствіе. По выраженію Дмитріева, онъ угадывалъ, и вѣрнымъ своимъ взглядомъ, угадалъ безошибочно

Въ отважномъ мальчикѣ грядущаго поэта.

Въ одно и тоже время онъ пріязненнѣе и тѣснѣе сблизился и съ Жуковскимъ, котораго также любилъ онъ горячо и нѣжно какъ младшаго брата. Жуковскій и Пушкинъ должны были примирить его съ поэзіей, разумѣется, повторю опять, съ тою, которая вырабатывается стихами, потому что къ душевной поэзіи, къ поэзіи мысли и чувства, онъ никогда не остывалъ. Говоря о поэтическомъ дарованіи Карамзина, постараемся прослѣдить и оцѣнить достоинство стихотвореній его. Что ни говори, и какъ о нихъ ни суди, но въ свою пору были они не безъ значенія и не безъ самобытнаго достоинства. Припомнимъ настроеніе лиръ Петрова, Хераскова, Державина, не говоря уже о ихъ многочисленныхъ и второстепенныхъ подражателяхъ. Вспомнимъ ихъ часто напряженный, надутый стихъ, совершенную, за исключеніемъ одного Державина, отвлеченность и безличность нашей поэзіи до появленія Карамзина. Съ нимъ родилась у насъ поэзія чувства, любви къ природѣ, нѣжныхъ отливовъ мысли и впечатлѣній: словомъ сказать поэзія внутренняя, задушевная. Въ ней впервые отразилась не одна внѣшняя обстановка, но въ сердечной исповѣди сказалось, что сердце чувствуетъ, любитъ, таитъ и питаетъ въ себѣ. Изъ этого пока еще, согласенъ я, довольно скромнаго родника, пролились и прозвучали позднѣе обильные потоки, которыми Жуковскій, Батюшковъ, Пушкинъ оплодотворили нашу поэтическую почву. Любуясь величавою Волгою, воспѣтою питомцами ея Карамзинымъ и Дмитріевымъ въ Симбирскѣ, почтимъ ее признательнымъ привѣтомъ и тамъ, гдѣ она еще, такъ сказать въ младенчествѣ, струится тихо и смиренно. Если въ Карамзинѣ можно замѣтить нѣкоторый недостатокъ въ блестящихъ свойствахъ счастливаго стихотворца, то онъ имѣлъ чувство и сознаніе новыхъ поэтическихъ формъ. Преобразователь языка нашего, онъ не былъ рабски приписанъ къ ямбу и другимъ узаконеннымъ стопосложеніямъ. Онъ первый и въ стихотворный нашъ языкъ ввелъ новые приемы и соображенія. Попытки его были удачны. Укажемъ на стихи къ Дмитріеву:

Многіе Барды лиру настроивъ, и проч.

на кладбище; на стихотвореніе къ прекрасной:

Гдѣ ты прекрасная, гдѣ обитаешь?

Тамъ ли гдѣ пѣсни поетъ Филомела,

Кроткая ночь пѣвца,
 Сидя на миртовой вѣтви?
 Тамъ ли, гдѣ солнечный лучъ освѣщаетъ
 Горъ неприступныхъ хребетъ разноцвѣтный?

Нельзя мимоходомъ не полюбоваться красотой сего живописнаго стиха:

Гласъ твой Божественный часто внимаю,
 Часто сквозь облако образъ твой вижу,
 Руки къ нему простираю,
 Облако, воздухъ объемлю.

Въ этомъ стихотвореніи есть и свѣжесть древности, и предвѣстье оттѣнковъ и созвучій, которые позднѣе обозначать новѣйшую поэзію.

Въ стихотвореніи *Осень*—встрѣчаются тоже предчувствіе, тѣже первоначальныя ноты, пробныя, вступительныя напѣвы, которые далѣе и далѣе, глубже и глубже разольются и будутъ господствовать въ поэзіи. Новѣйшая критика, проблематическая критика какихъ то кабалистическихъ сороковыхъ годовъ, о которыхъ проповѣдуютъ намъ послушники новаго раскола, совершенно исключила имя Карамзина изъ списка поэтовъ нашихъ. Въ предположеніи, что многимъ будутъ новы старыя пѣснопѣнія позволю себѣ представить нѣсколько куплетовъ и изъ *Осени*:

Вѣютъ осенніе вѣтры
 Въ мрачной дубравѣ;
 Съ шумомъ на землю валятся
 Желтые листья.

Поздніе гуси станицей
 Къ югу стремятся,
 Плавнымъ полетомъ несая
 Въ горнихъ предѣлахъ.

Вьются сѣдые туманы
 Въ тихой долинѣ;
 Съ дымомъ въ деревнѣ мѣшаясь,
 Къ небу восходятъ.

Странникъ, стоящій на холмѣ,
 Взоромъ унылымъ
 Смотритъ на блѣдную осень,
 Томно вздыхая.

Странникъ печальный, утѣшься.
 Вянетъ природа
 Только на малое время:
 Все оживится,

Все обновится весною;
 Съ гордой улыбкой
 Снова природа возстанетъ
 Въ брачной одеждѣ.

Смертный, ахъ, впадетъ на вѣки!
 Старецъ весною
 Чувствуетъ хладную зиму
 Вѣтхія жизни.

Читая эти стихи, можно-ли догадаться, что они написаны за 80 лѣтъ тому. Не-
 сдается ли что они писаны вчера и что найдешь подъ ними подпись Жуковского, Пу-
 шкина или Баратынскаго? Тутъ все вѣрно: краски, точность выраженія и музыкаль-
 ный ритмъ. Въ философическихъ стихотвореніяхъ Карамзинъ также заговорилъ но-
 вымъ и образцовымъ языкомъ. Въ нихъ свободно выражается мысль. Прочтите на-
 примѣръ посланія его къ *Дмитріеву* и *Плещееву*.

Вотъ какъ кончается первое изъ двухъ:

Въ комъ духъ и совѣсть безъ пятна,
 Тотъ съ тихимъ чувствіемъ встрѣчаетъ
 Златую Фебову стрѣлу (*)
 И Ангелъ мира освящаетъ
 Предъ нимъ густую смерти мглу.
 Тамъ, тамъ, за синимъ океаномъ,
 Вдали, въ мерцаніи багрянотъ,
 Онъ зрять... но мы еще не зримъ.

Здѣсь опять не слышится ли Жуковский съ своею *синою далью* и съ своимъ
 нѣсколько мистическимъ направленіемъ? Кстати, упомянувъ о Жуковскомъ, не забу-
 демъ замѣтить, что первыя Русскія баллады и *Романцеры* были: *Раиса* и Графъ
Гвариносъ. А Раиса, какъ родоначальница многочисленнаго потомства, дала случай,
 но и пророчески имя и старшей изъ балладъ Жуковского:

Кронидъ вдали
 Бѣжалъ отъ глазъ монахъ съ Людмилой,

говорить она предъ тѣмъ, чтобы броситься въ море.

Какъ много чувства и предести въ стихотвореніи: *Берегъ*:

Послѣ бури и волненья,
 Всѣхъ опасностей пути,
 Мореходцамъ нѣтъ сомнѣнья
 Въ пристань мирную войти.

(*) Смерть, по древнему греческому вымыслу.

Пусть она и неизвѣстна!
 Пусть ее на картѣ нѣтъ!
 Мысль, надежда нѣ прелестна:
 Тамъ избавитесь отъ бѣды.

Есть ли жъ взоромъ открываютъ
 На берегу друзей родныхъ,
 О блаженство! вослицаютъ,
 И летать въ объятія ихъ.

Жизнь! ты море и волиенье!
 Смерть! ты пристань и покой!
 Будетъ тамъ соединенье
 Разлученныхъ здѣсь волной.

Вижу, вижу... вы маните
 Насъ къ таинственнымъ берегамъ!...
 Тѣни милыя! храните
 Мѣсто подлѣ васъ друзьямъ!

Судя по приведеннымъ отрывкамъ, не правда ли, что наши дѣды и отцы, и мы сами въ молодости своей, не слишкомъ грѣшили предъ вкусомъ и поэзіей, читая и перечитывая подобныя стихотворенія и затверживая ихъ наизусть? Чтобы еще лучше понять наши впечатлѣнія, вспомните, что Карамзинъ явился въ самый разгаръ поэзіи Державина. Поэзія Державина была жаркій лѣтній полдень. Все сіяло, все горѣло яркимъ блескомъ. Много было очарованія для воображенія и глазъ; но сердце оставалось въ сторонѣ. Съ Карамзинымъ наступила поэзія лѣтняго сумрака. И здѣсь, какъ при ясномъ закатѣ дня, тихая нѣга, свѣжее благоуханіе, тѣ-же умѣренные краски въ картинахъ. Поэзія утратила свой рѣзкій и ослабительный блескъ: въ ней есть что то болѣе успокоивающее и чарующее глаза милovidными и разнообразными оттѣнками. Однимъ словомъ, меланхолія была до Карамзина чужда Русской поэзіи. А что ни говори новѣйшіе реалисты, и какъ ни блистательны нѣкоторыя ихъ попытки, меланхолія есть одна изъ принадлежностей поэзіи, потому что она одна изъ природныхъ принадлежностей души человѣческой.

Повторя эти стихи, которые мнѣ одному, а можетъ быть еще двумъ-тремъ чело-вѣкамъ въ Россіи памятни, невольно призадумаетесь. Невольно спрашиваетесь себя: отчего у Русскихъ память такъ коротка? отчего зрѣніе наше, покрайней мѣрѣ въ литературномъ отношеніи, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, такъ устроено, что глаза наши видятъ только то, что у насъ подъ рукою, а не имѣютъ способности заглядывать ни въ обратную, ни въ предстоящую даль. Мы не умѣемъ ни помнить, ни ожидать.

«У насъ ничего общаго съ новымъ поколѣніемъ быть не можетъ» — говорилъ мнѣ однажды покойный Клементій Россетъ, извѣстный своимъ остроуміемъ и неожиданною оригинальностью своихъ выходокъ — «Кого ни спросишь, никто не знаетъ пѣсни:

Всѣхъ цвѣтчиковъ болѣ
 Розу я любилъ.

«А въ наше время, всё знали ее наизусть.»

Въ этой шуткѣ много и ко многому примѣнимой истины. Вотъ намекъ на отношенія наши къ минувшему. А вотъ намекъ на отношенія къ будущему. Однажды видѣлъ я въ саду, какъ садовникъ срывалъ вишни съ дерева. Я замѣтилъ ему, что онъ срываетъ зеленую вишню. «Ничего, отвѣчалъ онъ мнѣ, другая и спѣлая».

Мы неспособны осаждать вопросъ по стратегическимъ правиламъ и порядку, и выжидать, чтобы онъ сдался. Мы все беремъ приступомъ. Удалось: хорошо! не удалось: мы къ вопросу холодемъ. Намъ равно противны и долгая память и долгое желаніе. Отказываясь отъ опытности, которая слѣдуетъ завчера, мы мало расчитываемъ и на содѣйствіе завтрашняго дня. День мой—вѣкъ мой: вотъ наша коренная посьловица и нашъ народный лозунгъ. Съ нимъ можемъ иногда претерпѣвать пораженія; но съ нимъ и одерживали мы на всѣхъ поприщахъ блестящія и многознаменательныя побѣды.

Въ нашемъ частномъ и народномъ воспитаніи ощутительна важная погрѣшность, и именно все болѣе и болѣе послѣдовательный разрывъ съ прошедшимъ. Намъ оно какъ будто въ тягость, или въ стыдъ. Многіе видятъ въ этомъ хроническомъ недугѣ слѣдствіе крутаго перелома, совершеннаго рукою Петра. Оно отчасти такъ, но отчасти и не такъ. Петръ Великій, можетъ быть, съ разу и совершилъ переломъ, потому что онъ былъ преимущественно Русскій по духу и по природѣ своей, и потому что онъ зналъ свой народъ. Онъ зналъ, что съ нимъ ничего въ долгій ящикъ откладывать нельзя. Для русскаго долгій ящикъ тотъ-же гробъ. Нѣтъ, не реформа Петра Великаго отучила насъ отъ чтенія русскихъ книгъ. Ломоносовъ и писатели, за нимъ послѣдовавшіе, были истинными сынами Петровской реформы. Но что же? теперь и ихъ не знаютъ. Развѣ только въ училищахъ ведутъ имъ для порядка счетъ по пальцамъ, какъ Ассирійскимъ Царямъ. Реформа, которая низвергла наши старые авторитеты въ литературѣ, не есть слѣдствіе Петровской. Приписывать ей такое происхожденіе было бы для нее слишкомъ почетно и лестно. Она даже не произведена литературными законными властями, а скорѣе Тушинскими литературными самозванцами.

Во Франціи переворотъ или общій *изворотъ* 1789 и слѣдующихъ годовъ былъ еще круче и разрушительнѣе. Но тамъ, когда умы успокоились и отрезвились, когда буря утихла, нравы, обычаи и литературные авторитеты всплыли почти невредимо: встревоженные войны улеглись въ прежнее свое ложе. Старая литература сохранила свою законную власть. Были послѣ попытки, оказывались новыя направленія, затѣвались разныя литературныя революціи; но и понынѣ Расинъ еще не забытъ. Франція посреди тревожной дѣятельности находитъ время читать своихъ новыхъ авторовъ и перечитывать старыхъ. Ихъ изучаютъ, судятъ, преподаютъ молодымъ поколѣніямъ. У насъ не только въ обществѣ, но и въ школахъ книги, подобно календарямъ, держатся только на извѣстный срокъ. Для насъ уже старъ

И календарь осьмаго года,

отлѣченный Пушкинымъ въ Онѣгинѣ.

Всему этому есть многія причины; укажемъ на одну: на высокоуміе наше, хотя мы и любимъ прославлять свое русское смиреніе. Мы такъ привыкли къ чинамъ, что и въ поколѣніяхъ нашихъ идетъ служебное производство. Молодежь ставитъ себя выше отцевъ, потому что она попала въ высшій разрядъ. Нѣтъ сомнѣнія, что новое поколѣніе пользуется выгодами и преимуществами, до которыхъ отцы не дослужились. Сіи преимущества, сіи завоеванія и побѣды времени, конечно, обращаются ему въ пользу; но они не могутъ быть признаны достоинствами каждаго лица въ отдѣльности. Благодарите за нихъ Провидѣніе, но не гордитесь ими въ униженіе предковъ. Нашъ вѣкъ избрѣлъ желѣзныя дороги и паровозы. Прекрасно! но изъ этого слѣдуетъ ли, что каждый человѣкъ, который спокойно садится въ вагонъ и перелетаетъ въ нѣсколько часовъ обширное пространство, умнѣе того, который тоже пространство переѣзжалъ въ старину на долгихъ и въ неуклюжей брччкѣ, издерживая на этотъ переѣздъ нѣсколько сутокъ.

Какъ мало у насъ авторовъ и книгъ, а мы еще пренебрегаемъ и тѣмъ что имѣемъ! Литература первой четверти вѣка нашего для многихъ уже не существуетъ. Любопытство и вниманіе наше возбуждается одними текущими произведеніями. Книга хороша, пока листы ея отзываются свѣжестью и сыростью бумаги, только что вышедшей изъ подъ печатнаго станка. Успѣеть она высохнуть, книга уже откладываетъ въ сторону.

Въ отношеніи къ минувшему зрѣніе наше все болѣе и болѣе тупѣетъ. Карамзина и Дмитріева видятъ уже немногіе. Едва разглядываютъ самого Пушкина. Завтра глазъ и до него не доберется. За каждымъ шагомъ нашимъ впередъ оставляемъ мы за собою пустыню, тьму кромѣшную, тьму египетскую да и только...

П. Ч. Кн. П. Ваземскій

КАРАМЗИНЪ, ПЕРВЫЙ РУССКІЙ ЛИТЕРАТОРЪ (*).

Столѣтняя годовщина дня рожденія нашего славнаго писателя Карамзина праздновалась не только въ обѣихъ столицахъ и въ городахъ, гдѣ есть высшія учебныя заведенія, но во многихъ другихъ мѣстахъ, въ самыхъ скромныхъ пріютахъ просвѣщенія. Ежедневно приходятъ извѣстія объ этомъ изъ разныхъ мѣстностей нашего обширнаго отечества и вѣроятно долго еще будутъ приходить съ отдаленныхъ его предѣловъ. Произнесенныя на этихъ торжествахъ рѣчи, предложенные тосты, пробудившіяся воспоминанія о Карамзинѣ, представили намъ его и какъ писателя и какъ человѣка со всѣхъ точекъ зрѣнія. Значительная доля этихъ взглядовъ и сужденій о немъ принадлежитъ нашимъ Московскимъ литераторамъ и ученымъ. Въ С.-Петербургской Академіи Наукъ М. П. Погодинъ стяжалъ наибольшую дань восторга и рукоплесканій публики, изобразивъ нравственную сторону дѣятельности Карамзина, особенно же пламенный его патріотизмъ и гражданскую доблесть. Въ стѣнахъ здѣшняго Университета, самый законный цѣнитель Карамзина, современный намъ историкъ Россіи С. М. Соловьевъ объяснилъ основную идею Истории Государства Россійскаго - этой, по характеристическому выраженію его, великолѣпной поэмы собиранія Русской земли Московскими Великими Князьями. Гг. профессора Ѳ. И. Буслаевъ и Н. С. Тихонравовъ изслѣдовали дѣятельность Карамзина, первый — какъ преобразователя Русскаго языка и слога, преимущественно въ письмахъ Русскаго путешественника, второй—во взглядахъ его на иностранную литературу и современныхъ западныхъ писателей съ указаніемъ на нравственное вліяніе искусства на человѣка. Предсѣдатель нашъ Н. В. Калачовъ разсмотрѣлъ заслуги Карамзина въ юридическомъ отношеніи, какъ указавшаго въ историческихъ матеріалахъ и отчасти объяснившаго многіе источники русскаго права, до него неизвѣстные, и какъ перваго неофициальнаго критика государственныхъ реформъ и законодательныхъ проектовъ. Теллы,

---

(*). Читано въ публичномъ годовомъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности 30-го декабря, 1866 г.

меткіе и звучные стихи князя П. А. Вяземскаго, въ которыхъ онъ объѣмлетъ всю жизнь своего знаменитаго друга со дня его рожденія, раздавались одновременно въ Петербургѣ, въ Москвѣ и на родинѣ Карамзина — въ Симбирскѣ. Не исчисляя другихъ по случаю этого юбилея рѣчей и заявленій, о которыхъ впрочемъ мы и не имѣемъ еще полныхъ свѣдѣній, упомяну, въ заключеніе, объ Очеркѣ журнальной дѣятельности Карамзина и личной его характеристики, читанномъ Академикомъ Я. К. Гротомъ въ Петербургѣ. — Такимъ образомъ всѣ разнообразныя стороны таланта Карамзина, твореній его, заслугъ, личныхъ достоинствъ, были указаны, рассмотрѣны и оцѣнены цѣлымъ строемъ извѣстныхъ литературныхъ дѣятелей нашихъ. Но натура Карамзина была такая богатая, жизнь его такъ полна, труды его такъ многочисленны, что для желающихъ изучать его остается еще неисчерпаемый источникъ, и потому я рѣшаюсь, хотя не безъ смущенія, сказать также нѣсколько о немъ словъ. Миѣ кажется, что одна характеристическая черта его жизни и дѣятельности, если и не ускользнула вполне отъ его изслѣдователей, то по крайней мѣрѣ не была довольно рельефно выставлена и осталась какъ бы въ тѣни. Карамзинъ былъ первый у насъ литераторъ въ полномъ, строгомъ и точномъ значеніи этого слова, въ томъ смыслѣ какъ Французы говорятъ *un homme de lettres*. До него писатели и поэты наши занимались словесностію или побочно, случайно, въ свободное отъ службы время, или въ связи съ учебными официальными обязанностями, какъ бы по долгу, ex officio. Кн. Кантемиръ былъ посланникомъ въ Лондонѣ и въ Парижѣ; трудолюбивый Тредьяковскій писалъ стихи по званію профессора элоквенціи и придворнаго философа и пінты; Ломоносовъ былъ по преимуществу ученымъ, академикомъ, профессоромъ минералогіи и металлургіи; Державинъ и Дмитріевъ были министрами; фонъ-Визинъ — секретаремъ министра, графа Панина; Хемницеръ — консуломъ на Востока; Новиковъ, хотя и не служилъ, но литературная дѣятельность его была сопряжена съ распространеніемъ его мистическихъ идей, съ типографскими предпріятіями и проч.; подобную же обстановку встрѣчаемъ у прочихъ писателей до Карамзинской эпохи. Конечно тому были многія причины, которыя зависѣли отъ того времени и на которыхъ я не буду здѣсь останавливаться; но неоспоримо кажется, что это такъ было. Обратимся къ Карамзину. По рожденію своему, по общественному положенію, по связямъ и образованію, ему открыто было служебное поприще и онъ могъ надѣяться виднаго на немъ повышенія. Между тѣмъ онъ учится не съ спеціальною какою-либо цѣлію, не для успѣховъ въ службѣ или въ свѣтѣ, а единственно для образованія ума своего и сердца, для удовлетворенія своей любознательности. Послѣ первыхъ опытовъ пера своего, онъ отправляется путешествовать. За границую онъ преимущественно обращаетъ вниманіе на состояніе литературы, на господствующее въ ней направленіе, ищетъ знакомства знаменитыхъ писателей, бесѣдуетъ съ ними, изучаетъ ихъ творенія, посѣщаетъ музеи, картинныя галлерей, бібліотеки и даже возникавшая буря французской революціи едва отвлекаетъ его мгновенно отъ этихъ занятій. Тотчасъ по возвращеніи на родину онъ принимается за изданіе журнала, въ которомъ старается знакомить нашу публику съ современными произведеніями западной литературы и съ умственнымъ тамъ движеніемъ. Продолжая потомъ

съ непрерывною дѣятельностію занятія свои, Карамзинъ преобразуетъ русскую прозу и вноситъ новые элементы въ нашу Словесность. Предпринявъ же свой огромный историческій трудъ, онъ уже неуклонно и вполне предается ему, посвящаетъ ему все свое время, всѣ свои умственные, нравственные и можно сказать физическія силы. Изъ переписки его, напримѣръ съ А. Ѳ. Малиновскимъ и К. Ѳ. Калайдовичемъ, можно видѣть, какъ добросовѣстно онъ принимался за изслѣдованіе малѣйшихъ событій, относящихся до русской исторіи, съ какимъ тщаніемъ онъ доискивался источниковъ, объясненій, какого труда и терпѣнія это ему стоило. Не смотря на особенное благоволеніе къ нему Императора Александра I-го, Императрицы Маріи Ѳедоровны и Елизаветы Алексѣевны, Великой Княгини Екатерины Павловны, на близкія съ ними сношенія, блестящія приманки почестей и власти никогда его не смущали и не своротили съ избраннаго имъ пути. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ отклонилъ всѣ предложенія Императора Александра Павловича въ этомъ отношеніи и между прочимъ отказался отъ министерства народнаго просвѣщенія, которое болѣе всего могло бы соотвѣтствовать его склонностямъ и занятіямъ. Онъ пользовался своимъ положеніемъ, чтобъ изрѣдка только возвышать смѣлый и правдивый голосъ касательно государственныхъ вопросовъ, по которымъ глубокое знаніе его историческихъ судьбъ Россіи и безпредѣльная къ отечеству любовь давали ему полное на то право. И такъ Карамзина можно кажется назвать родоначальникомъ нашихъ литераторовъ, повторяю — въ точномъ, строгомъ смыслѣ этого слова. Онъ безусловно посвятилъ литературѣ всю свою жизнь и жилъ литературнымъ трудомъ. Послѣ него подобныя примѣры уже не рѣдки. Довольно назвать Жуковского, Пушкина, Гоголя. Теперь у насъ составилось уже цѣлое, можно сказать, сословіе литераторовъ: число ихъ, значеніе и вліяніе ежедневно увеличивается; званіе литератора получило право гражданства въ нашемъ обществѣ оно даетъ почетное въ немъ положеніе и способы къ жизни. Пожелаемъ же нынѣшнимъ литераторамъ дѣйствовать на избранномъ ими поприщѣ такъ же успѣшно, безкорыстно и благотворно, какъ дѣйствовалъ Карамзинъ.

Д. Ч. Н. Путьята.

ТОМУ СТО ЛѢТЬ *).

Тому сто лѣтъ, подъ тихимъ кровомъ
Богобоязненной семьи,
Гдѣ чистымъ дѣломъ, чистымъ словомъ
Хранилась заповѣдь любви:
Въ краю, гдѣ Волгой плодородной
Поются нивы и дуга, —
Гдѣ жизнью бодрой и народной
Кипятъ рѣка и берега....

Тому сто лѣтъ, зимой суровой,
Младенецъ, Божья благодать,
Младенецъ, въ жизнь пришелецъ новой,
Утѣшилъ страдающую мать.
Любуясь имъ, она гордилась,
Заботъ и благъ въ немъ зря залогъ,
О немъ и о себѣ молилась,
Чтобъ ихъ другъ другу Богъ сберегъ.

Но жизнь и вся земная радость,
Все тѣнь, неуловимый паръ:
Въ чемъ предвкушаемъ счастья сладость,
Въ томъ часто намъ грозитъ ударъ.
Была молитва завѣщаньемъ
Передъ разлукой роковой,
Любви привѣтомъ и прощаньемъ
Съ новорожденнымъ сиротой.

(*) Стихотвореніе это читано въ день празднованія столѣтней годовщины рожденія И. М. Карамзина, 1-го декабря 1866 г., въ Московскомъ университетѣ.

Еще молитвы, сердцу милой,
 Мать не успѣла досказать,
 А смерти Ангелъ чернокрылый
 Кладъ на уста ея печать.
 Гробъ рядою съ юной колыбелью
 И съ гранью жизни — жизни даль:
 И въ домъ попутчицей веселью
 Вошла семейная печаль.

Но въжной матери моленье
 Угодный небу енмиамъ:
 Мать замѣнило Провидѣнье.
 Не по годамъ, а по часамъ
 Младенецъ, отрокъ благодушный,
 И подросталъ и разцвѣталъ,
 И въ тайнѣ, матери послушный,
 Рѣчамъ загробнымъ онъ внималъ.

Ужъ раннимъ пламенемъ горѣли
 Ребенка чуткіе глаза,
 Пытливо вдаль они смотрѣли,
 Въ нихъ вдохновенная слеза
 Свѣтлѣлась чувствомъ многдумнымъ
 Предъ блескомъ утреннихъ небесъ,
 Или когда подъ вѣтромъ шумнымъ
 Тревожно пѣлъ и плакалъ гдѣсь.

Все что быть можетъ мысля пищей,
 Или потребностью души,
 Все съ каждымъ днемъ яснѣй и чище,
 Еще въ пророческой тиши,
 Еще невѣдомо для свѣта
 Въ немъ развивалось красотой:
 И проблескъ тихаго разсвѣта
 Былъ дня прекраснаго зарей.

За утрою дѣтскихъ обаяній
 Настала зрѣлости пора:
 Съ умомъ алкающимъ познаній,
 Съ душою жаждущей добра,
 Вступилъ онъ въ жизнь, какъ въ бой воетель,
 Какъ труженикъ, любящій трудъ,
 Служенья чистаго служитель,
 Избранный Промысломъ сосудъ.

Сперва, попыткою искусства,
 На новый лад настроивъ рѣчь,
 Успѣлъ онъ мысль свою и чувства
 Прозрачной прелестью облечь....
 Россія рѣчью сей плъвилась
 И съ новой грамотой въ руки,
 Читать и мыслить приучалась
 На Карамзинскомъ языкѣ.

Понятнѣе міръ открылъ онъ новый,
 Пустякъ ихъ въ общій оборотъ,
 Снялъ съ рѣчи тяжкія оковы
 И слову русскому далъ ходъ.
 Не ситѣтся надъ *Блудной Лизой*,
 Младой красавицей въ тѣ дни:
 Окутавшись забвенья ризой,
 Всѣмъ намъ она еще сродни.

Все шире, глубже и просторнѣе
 Онъ мирный подвигъ совершалъ:
 И все теплѣе, все благотворнѣе
 Лучи онъ свѣта проливалъ.
 Казалось, новый воздухъ вѣялъ
 На вновь раскрытыя бразды,
 И все что онъ съ любовью съялъ
 Несло сторичныя плоды.

Намъ предковъ воскресялъ онъ лица,
 Ихъ образъ въ насъ запечатлѣлъ:
 И каждая его страница
 Зерцало древнихъ дней и дѣлъ.
 Своей живительной рукою
 Событій нить связалъ онъ вновь,
 Сроднилъ насъ съ русскою семьею
 И пробудилъ онъ къ ней любовь!

Въ нихъ художественный пламень,
 Но малъ запасъ рабочихъ силъ:
 Здѣсь зодчій самъ за камень камень
 Въ свой исполнскій трудъ вносилъ.
 Воздвигъ онъ храмъ сей величавый,
 Прекрасный стройностью частей,
 Сей памятникъ и русской славы,
 И славы собственной своей.

Любви къ труднѣмъ, къ добру, къ природѣ
 Въ своихъ твореньяхъ учить оны;
 Онъ учить: въ нравственной свободѣ
 Блюсти общественный законъ,
 Отечеству быть вѣрнымъ сыномъ
 И человечество любить,
 Стоять за правду гражданномъ
 И вмѣстѣ человѣкомъ быть.

Нѣтъ тѣни въ немъ противорѣчя:
 Гдѣ авторъ, тамъ и жизнь сама;
 Та-жъ теплота добросердечья
 И трезвость свѣтлаго ума...
 Предъ нимъ одна была дорога,
 Проселковъ не искалъ ни въ чемъ.
 Онъ чистотой души и слога
 Былъ, есть и будетъ образцомъ.

Съ покорностью благоговѣйной
 Къ тому, къмъ призванъ къ бытію,
 Любилъ онъ свой очагъ семейный,
 Всѣхъ ближнихъ какъ свою семью.
 На горе братьевъ, на ихъ радость,
 И на закатъ позднихъ лѣтъ,
 Какъ и въ довѣрчивую младость,
 Въ созвучномъ сердцѣ былъ отвѣтъ.

И славы онъ извѣдалъ чары,
 И ласку и приязнь Царей,
 Судьбы дары, судьбы удары; —
 Но въ мирѣ съ совѣстью своей
 Не зналъ онъ ропота въ печали,
 Ни счастья суетныхъ тревогъ;
 И жизни чистыя скрижали
 На Божій судъ принести онъ могъ.

Нашъ праздникъ надъ минувшимъ тризна,
 Но мыслью жизни онъ согрѣтъ:
 На немъ сочувствуетъ отчизна
 Тому что было за сто лѣтъ.
 Въ своей отвагѣ разнородной,
 Какъ ни забывчивы умы,
 Здѣсь благодарности народной,
 Здѣсь гласъ *потомства* слышимъ мы.

И въ день сей памятный несть днми,
Столтнаго преданья день,
Не носится ль еще надъ нами
Россію любящая тнь?
Не оиъ ли самъ, родимыи влеченьемъ
Возстанъ изъ гроба, въ этотъ часъ,
Благословляетъ съ умиленьемъ
И слово русское и насъ?...

П. Ч. Кн. П. Вяземскій

КНЯЗЮ ПЕТРУ АНДРЕЕВИЧУ ВЯЗЬМСКОМУ.

По прочтеніи его стихотворенія: Тому сто лѣтъ!

Правдиво, наравнѣ съ Пророкомъ,
Былъ древле чествуемъ поэтъ:
Орлинымъ созерцаетъ окомъ
Онъ тайники минувшихъ лѣтъ!

Взлетаетъ мыслью въ сводъ небесный,
Нисходитъ моря въ глубину;
Всѣ вопрошаетъ, листъ древесный
И въ берегъ бьющую волну...

Могучихъ полонъ вдохновеній,
Земныхъ чуждаяся даровъ,
Поётъ, — и звукомъ пѣснопѣній
Плывяетъ избранныкъ боговъ!...

Скажите-жь, князь, гдѣ краски взяли,
Тотъ огонь, съ которымъ такъ тепло
Россіи Вы пересказали
Тому сто лѣтъ, что протекло?

Карамзина отъ колыбели
Вы прослѣдили свѣтлый путь;
Во глубь души его прозрѣли,
Съумѣли въ сердце заглянуть!

Историкъ-гражданинъ предъ нами
Воскреснулъ, свѣя сонъ могилъ,
И насъ, пѣвучими словами,
На путь добра благословилъ!

Волшебной прелестью одѣли
Вы сердца искренній рассказъ!...
И, мнилось намъ, когда Вы пѣли,
Что жемчугъ сыпался на насъ!

Д. Ч. Д. Ознобишинъ.

Декабря 1866 г.
Сибирскъ.

МОНОЛОГЪ ТЭКЛЫ.

(изъ Валленштейна)

— Да, духъ его зоветъ меня; зовуть
Товарищи, съ нимъ падше безстрашно.
Внять меня въ постыдномъ замедленъи
Дружина вѣрная. Вожа ихъ жизни
И въ смерти не повинуйи они.
Такъ поступить умѣлъ ихъ сонмъ суровый;
А я — въ земномъ останусь ли краю!
— Нѣтъ! Былъ и мнѣ сплетенъ вѣнокъ лавровый,
Который взялъ въ могилу ты свою.
Жизнь безъ любви не стоить сожалѣнья,
Ее какъ даръ напрасный и пустой
Бросаю я. — Въ ней были упоенья
Во время то, какъ я сошла съ тобой.
На землю день спустился золотой;
Приснились мнѣ два чудныя мгновенья! —
Въ тревожный миръ я, робкая, вошла,
У входа ты стоялъ, какъ добрый Геній,
Сіялъ просторъ лучами безъ числа.
Изъ баснословныхъ дѣтства обольщеній
Меня ты внесъ въ иное бытiе,
Роскошною вдругъ жизнью ожила я,
И первый взглядъ мой въ сердце палъ твое,
И первымъ чувствомъ было счастье рай! —

(Она задумывается, и потомъ продолжаетъ съ содроганiемъ)

— И вотъ судьба, съ жестокостью своей,
Береть его, и въ пышномъ жизни цвѣтѣ
Его бросаетъ подъ ноги коней —
— Таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ! —

П. Ч. Б. Павлова.

МОЕЙ МАТЕРИ.

(Съ нѣмецкаго).

Хвала небесацъ! я могу оросить
Горячей слезой твои руки!
Я снова съ тобой и хочу позабыть
Все, все, что извѣдалъ въ разлукѣ.

И юность прошла, и любви уже нѣтъ,
И дружба на вѣки умчалась....
И мнѣ отъ всего, чѣмъ манилъ меня свѣтъ,
Лишь ты, о родная, осталась!

Все счастье, надежды, заботы свои
Ты въ сынѣ своемъ заключила,
И съ теплымъ участьемъ, въ тяжелые дни,
Молитвы о немъ возносила.

Весельемъ моимъ ты была весела,
А раны, что жизнь мнѣ давала,
Съ такою же болью, какъ я, ты несла,
Но только, какъ я, не роптала.

О Боже! прости мнѣ, прости, что порой
Я жизнь ей мрачила огорченьемъ!
Прости, что, страдая моею виной,
Она мнѣ платила прощеньемъ!

И вотъ, послѣ столькихъ томительныхъ лѣтъ,
Я дома опять и съ тобою,
И только лишь твой меня встрѣтилъ привѣтъ
Все съ той же любовью святою!

Рыдая, склонюсь я усталой главой
У этого сердца роднова, —
И все, что на свѣтѣ утрачено мной,
Найду на груди твоей снова!

Д. Ч. О. Миллеръ

Л Е Г Е Н Д А.

(съ английскаго)

Былъ у Христа-младенца садъ,
И много розъ возрастихъ Онъ въ немъ;
Онъ трижды въ день ихъ поливалъ,
Чтобъ сплестъ вѣнокъ себѣ потомъ.

Когда же розы разцвѣли,
Дѣтей Еврейскихъ созвалъ Онъ.
Они сорвали по цвѣтку —
И садъ былъ весь опустошонъ.

— Какъ Ты сплетишь себѣ вѣнокъ —
Въ саду Твоемъ нѣтъ больше розъ?
— „Вы позабыли, что шипы
Остались мнѣ“, — сказалъ Христосъ.

И изъ шиповъ они сплели
Вѣнокъ колючій для Него,
И капли крови вмѣсто розъ
Чело украсили Его.

Д. Ч. А. Плещеева.

Н Е Д О В О Л Ь Н О (*).

(посв. И. С. Тургеневу)

„Брось прохладушии, —
недѣланого дѣла много“.
Русское присловіе.

I.

Въ минуту внезапной усталости художникъ вымолвилъ слово: «Довольно!» широкое и . . . коварное слово. — Для кого довольно? для себя? для другихъ?—Для себя по какому праву? — Для другихъ — не худо бы ихъ спроситься. А если мы подадимъ протестъ . . . не Юпитеру, не Аполлону — пусть они остаются себѣ въ Ватиканѣ, тамъ они, должно быть, съ руки — нѣтъ! если мы подадимъ протестъ живымъ людямъ, хоть самимъ себѣ? какъ! мы дали художнику право насъ изучать, разлагать наши духовныя силы, высматривать нашу красоту и наше безобразіе, особенности нашего быта, нашей природы; взялъ онъ у насъ родное Русское слово, въ своихъ произведеніяхъ приучилъ насъ читать самихъ себя, — эта привычка намъ дорога и мы нисколько не намѣрены ее покинуть, — какъ вдругъ ни съ того, ни съ сего, художникъ говорить: «будетъ съ васъ! довольно!» . . . нѣтъ! такъ легко съ нами онъ не раздѣляется! своей умною мыслью, своею изящною рѣчью, онъ закабалитъ себя намъ; — намъ принадлежитъ каждая его мысль, каждое чувство, каждое слово; они — наша собственность и мы не намѣрены уступить ее даромъ.

(*) Воимъ нашимъ читателямъ навѣрно памятна прекрасная поэтическая фантазія: „Довольно!“ (см. соч. И. С. Тургенева т. V, стр. 337—350. Изд. 1865 г.), гдѣ сочинитель нѣтъ схватилъ тѣхъ минутъ въ жизни художника, когда измученный и работою, и людскою неблагодарностію, усталый, обезсиленный, онъ какъ будто теряетъ вѣру въ самого себя, и въ Природѣ, въ жизни, ищетъ оправданія своему недовѣрію. Мы позволили себѣ написать родъ отвѣта, подъ нервнымъ впечатлѣніемъ статьи Ивана Сергѣевича, и потому нумера въ нашей статьѣ соответствуютъ, до нѣкоторой степени, таимъ же нумерамъ статьи: «Довольно».

II.

Приходить на умъ и другое. Да выговорилась ли *суть* этого слова? Здѣсь не одна ли буквенная оболочка, подъ которою зародилось другое, новое слово? не впервые буквамъ обманывать людей вообще, а въ особенности художниковъ.... Человѣкъ роетъ землю, подумаешь — могила; ничего не бывало! онъ просто садитъ дерево. Дерево отцвѣло, плодъ свалился, падаютъ пожелтѣвшіе листья — прощай дерево!... ничего не бывало; плодъ осѣменилъ землю, листья прикрыли его, — да прорастетъ зародышъ!

III.

— «Довольно», потому что все извѣдано, потому что «все было, было, повторялось, повторяется тысячу разъ: и соловей, и заря и солнце.» Что, если бы какая чудодѣйная сила потѣшила художника и, въ угоду ему, ничто бы въ мірѣ не повторялось? соловей бы пропѣлъ въ послѣдній разъ, солнце не взошло бы завтра, кисть навсегда бы засохла на палитрѣ, порвалась бы послѣдняя струна, замолкъ бы человѣческій голосъ, наука выговорила бы свое послѣднее слово? — что же за тѣмъ? мракъ, холодъ, безконечное безмолвіе и ума и чувства.... о! тогда человѣкъ дѣйствительно получилъ бы право сказать: *довольно!* то есть, дайте мнѣ опять тепла, свѣта, рѣчи, пѣнія соловья, шелеста листовъ въ полумракѣ лѣса, дайте мнѣ страданіе, дайте просторъ моему духу, развяжите его дѣятельность, хотя бы въ ней были для меня отравы.... словомъ, воссоздайте неизмѣняемость законовъ Природы! Пусть снова возникнутъ предо мною неразрѣшенные вопросы, сомнѣнія, пусть солнце будетъ равно отражаться и въ безбрежномъ морѣ и въ каплѣ утренней росы, повисшей на быліи.

IV.

Въ самомъ ли дѣлѣ мы когда нибудь старѣемся? этотъ вопросъ подлежитъ еще большому сомнѣнію. То, что я думалъ, чувствовалъ, любилъ, выстрадалъ вчера, за 20, за 40 лѣтъ, — не состарѣлось, не прошло безслѣдно, не умерло, но лишь преобразилось; старая мысль, старое чувство отзывается въ новыхъ чувствахъ; на мое новое слово, какъ сѣвось призму, ложится разноцвѣтный оттѣнокъ бывшаго.... Наконецъ: не ужель художникъ запертъ въ художественной сферѣ? — не ужель та могучая, творческая сила, что дана ему при рожденіи, не должна проникать и за предѣлы этой сферы? вѣдь тамъ — приволье большое, раздолье широкое! — «Я сегодня «ужъ слишкомъ заработался», говорилъ Пяттъ, — «дайте мнѣ другой портфѣль». — Такія слова можетъ, даже обязанъ повторить каждый, свыше одаренный человѣкъ — будь онъ художникъ, ученый, служака, промышленникъ. Даровитая организація — эластична; она не имѣетъ права вкопать свой талантъ въ землю; она должна пустить его въ куплю, гдѣ бы ни привелось — а работы на землѣ много, да и работа

неотложная, многосторонняя; всѣхъ зоветъ она — и юнаго и стараго; на всѣхъ ее хватить, и все ей нужно, и часто именно то, чѣмъ Господь одаряетъ художника; безъ эстетической стихіи ничто не спорится; одной механикой и дѣльной мышеловки не сооронить.

V.

Правда, послѣ дня настаетъ ночь, послѣ борьбы усталость. Какъ мягка, какъ отрадна эта метафизическая постель, которую мы стелимъ себѣ, собираясь на покой! какъ привольно протянуться на ней, убаюкивая себя мечтами о тщетѣ человѣческой жизни, о томъ, что все скоротечно, что все должно когда нибудь кончиться: и силы ума, и дѣятельность любви, и чувство истины, — все, все — и біеніе сердца, и наслажденіе искусствомъ, Природою; что всему конецъ — могила. Не все ли равно, немного позже, немного раньше? — Эти минуты сторожить злѣйшій изъ враговъ человѣка, хитрѣйшій изъ льстецовъ: духовная лѣнь. — «Зачѣмъ же и вставать съ постели?» говорить онъ намъ, — и очень логично. «Пусть тамъ встаетъ солнце, если ему такъ хочется. Что тебѣ нужды до него? посмотри на что оно похоже, посмотри какъ оно безнравственно равнодушно! оно свѣтитъ сегодня, какъ вчера, и доброму и злому, грѣетъ и горленку и тигра, улыбается и матери съ младенцемъ и звѣроподобной битвѣ; сними же съ него поэтическую личину, погрузись, подобно солнцу, въ созерцательное равнодушіе, — отъ него одинъ шагъ къ полному, нетревожному бездѣйствію . . . .» и злой духъ много напѣваетъ намъ такихъ пѣсенъ. Но къ счастью противъ злаго духа возстаетъ нашъ ангелъ хранитель: *любовь!* любовь всеобъемлющая, всецующая, всепрощающая, ищущая дѣланія, ищущая всезнанія, какъ подготовки къ своему дѣланію . . . .

VI.

Прочь уныніе! прочь метафизическія пеленки! не одинъ я въ мірѣ, и не безотвѣтенъ я предъ моими собратіями — кто бы они ни были: другъ, товарищъ, любимая женщина, соплеменникъ, человѣкъ съ другаго полушарія. — То что я творю, — волею или неволею, пріемлется ими; не умираетъ сотворенное мною, но живетъ въ другихъ жизнию безконечною. Мысль, которую я посѣялъ сегодня, взойдетъ завтра, черезъ годъ, черезъ тысячу лѣтъ; я привелъ въ колебаніе одну струну, оно не исчезнетъ, но отзовется въ другихъ струнахъ гармоническимъ гласовнымъ отданіемъ. Моя жизнь связана съ жизнью моихъ прапрадѣдовъ; мое потомство связано съ моею жизнью. Не ужель чтѣ либо человѣческое можетъ быть мнѣ чуждо? Всѣ мы — круговая порука. Архимедовыми вычисленіями движутся смѣлые механизмы нашего вѣка; мысль моего сосѣда, ученаго, переносится электрическимъ токомъ въ другое полушаріе; Пиеагоръ измѣрялъ струны и вычислялъ созвучія для Себастіана Баха,

Бахъ работалъ для Моцарта и Бетховена — Бетховень для . . . новыхъ дѣтелей гармоніи. Солнечный лучъ, призванный вчерашнею наукою къ отвѣту о составѣ солнца, готовитъ новый міръ знаній для будущаго человѣчества, міръ нами неугадываемый, — но мы теперь, на каждомъ шагу, уже можемъ прочувствовать то высокое наслажденіе, которое ощутятъ наши дальніе потомки, благодаря *нашимъ* трудамъ. Похороны мы эти труды въ могилѣ созерцательнаго бездѣйствія, мы похоронимъ и дѣтельность и наслажденія нашихъ будущихъ собратій . . . имѣемъ-ли мы право на такое смертоубійство?

VII, VIII, IX, X, XI.

Какъ въ мірѣ науки, такъ и въ мірѣ чувства, (какое бы оно ни было: сознательное или бессознательное) минуты любви, вдохновенія, слово науки, даже просто доброе дѣло, не покидаютъ насъ и среди самой горькой душевной тревоги, — но свѣтлою полососою ложатся между нашихъ мрачныхъ мечтаній. Благословимъ эти минуты, а не проклянемъ; онѣ не только были, онѣ намъ присущи; онѣ живутъ въ самомъ нашемъ отрицаніи.

XII.

Да! въ самомъ отрицаніи! можно отрицать лишь то, что мы познали, что извѣдали, — иначе мы будемъ отрицать отрицаніе. Кто имѣетъ право сказать: «*вз послѣдній разъ*» и подобно звѣрку опуститься въ глубь и заснуть? Да и во снѣ будутъ мерещиться «и солнышко, и травка, и голубыя ласковыя воды» — и на яву мы невольно будемъ искать ихъ. Есть въ духѣ человѣка потребность и думать и чувствовать, какъ въ пчелѣ-работницѣ потребность строить ячейку. Для чего, для кого пчела строитъ ее? для чего наполняетъ она ее медомъ, собираемымъ съ опасностью для жизни? можетъ быть не она воспользуется этой ячейкой, этимъ медомъ, — воспользуются другія, ей неизвѣстныя существа, воспользуется царица и ея новое племя . . . Но какъ замѣтилъ, кажется, Кювье, пчела носитъ въ себѣ образъ ячейки, геометрической призракъ; — осуществить этотъ образъ, этотъ призракъ, есть непреодолимое призваніе пчелы; въ исполненіи этого призванія должно быть вложено особаго рода наслажденіе, — и безъ него жизнь пчелы осталась бы неудовлетворенною. Если бы пчелы засыпали во время своего рабочаго періода, прекратилось бы существованіе ульевъ, — зародыши умерли бы съ голода; уничтоженіе этой породы, повидимому, столь незначительныхъ существъ, можетъ быть не обошлось бы даромъ и остальному міру; можетъ быть, пришлось бы работать надъ средствами замѣнить пчелу, — что еще не далось наукѣ.

XIII.

Судьба! — что это за дама? откуда она вышла? гдѣ живетъ она? любопытно было бы о томъ провѣдать. Подъ свѣту бродитъ лишь ея имя, въ родѣ того испанскаго морскаго змѣя, о которомъ ежегодно писали въ газетахъ, но который еще не

потопилъ ни одного корабля, и на дняхъ обратился въ смиреннаго моллюска. Никто еще не подвергался такой напраслинѣ, какъ судьба - невидимка. Про одного шахматнаго игрока рассказывали, что онъ игралъ бы мастерски, но что въ шахматахъ ему не везетъ, несчастливо играетъ, — такая видно его судьба. Эта шутка похожа на дѣло. Дѣйствительно, игроку несчастье: — разсѣянность, невниманіе, плохое знаніе игры, и всѣ мы — шахматные игроки почти въ томъ же родѣ; — разумному, ученому игроку — игра открыта; смотря по степени своего знанія, онъ можетъ предвидѣть *ходы* жизни, прикрыться, избѣжать, поразить въ время. Все это возможно, но не всѣми дѣлается, не по милости какой-то судьбы, а, въ большей части случаевъ, по собственному нехотѣнію. Всѣ люди спятъ на постеляхъ; у всякаго въ комнатѣ есть печка; Кондратій Ивановичъ легъ въ постелю и умеръ — отъ угара. Судьба? ничего не бывало! онъ просто не позаботился посмотрѣть какъ закрыта вьюшка и положился на судьбу. — Во многихъ Московскихъ мѣстностяхъ есть подземные родники; у одного хозяина подмыло домъ и домъ повалился. «Вотъ судьба-то!» говорили прохожіе. Сосѣдъ е:о открылъ у себя родники прежде постройки дома, и свелъ ихъ въ проточный прудъ. — «Какой хорошенькой прудокъ!» говорили прохожіе; — никому не пришло въ голову приписать этотъ прудокъ судьбѣ, — а судьба, т. е. мѣстность была одинакова для обоихъ сосѣдей. — Неужели наука напрасно доказала, что случайности или судьбы не существуетъ — въ обыденномъ смыслѣ этого слова; что всѣ возможные случайности повинуются общимъ, неизмѣннымъ законамъ которые... стоить изучить. По математическому закону вѣроятностей, изъ числа повтореній одного и того же случая должно быть нѣсколько отрицательныхъ, или несчастныхъ; но эта вѣроятность, въ большей части случаевъ, можетъ быть ограничена волею человѣка. У двери порогъ; есть для меня ежедневная вѣроятность за него зацѣпиться, упасть и сломить себѣ шею; но если я дамъ себѣ трудъ не забыть, что тутъ есть порогъ, то вѣроятность споткнуться удалится отъ меня на безконечную величину. Но возразятъ: а грозныя, неожиданныя явленія Природы: бури, землетрясенія, взрывы?... къ числу этихъ неожиданныхъ явленій нѣкогда причисляли солнечное затмѣніе. Когда и для земли наука выработаетъ такія же данныя, какія она добыла въ звѣздныхъ пространствахъ, — тогда всѣ неожиданныя явленія Природы будутъ предсказываться въ календаряхъ, наравнѣ съ восходомъ и закатомъ солнца или мѣсяца. Когда дрожанія земли будутъ изучены какъ дрожанія струны, или Хладіевы фигуры (*), тогда не станетъ дѣло и за снарядомъ противъ землетрясеній, въ родѣ громоотвода. Наука, кажется, еще далеко не дошла до такого успѣха; конечно! но что же изъ этого слѣдуетъ?—единственно то, что мы еще не кончили нашего урока на землѣ, что еще не слѣдуетъ намъ покидать указку.... словомъ, что недовольно! недовольно!

Дѣло въ томъ, что всѣ мы болны одною болѣзнію: *неприложеніемъ рукъ*, — но мы какъ-то стыдимся этой болѣзни и находимъ удобнѣе сваливать продукты на

(*) Средство Хладіевыхъ линий съ линиями землетрясеній уже, кажется, было выговорено въ наукѣ.

✓ шей гѣни на судьбу, благо она безответна. — Съ «самозабвеніемъ и самопрезрѣніемъ» далеко не уйдешь; нужна во всѣхъ случаяхъ жизни извѣстная доля самоувѣренности: въ битвѣ ли съ жизнью, въ битвѣ ли съ собственной мыслию. Надобно умѣть прямо смотрѣть въ глаза и другу и недругу, и успѣху и неудачѣ, и дѣлу и бездѣлю. Но скажутъ: что же за радость жить цѣлый вѣкъ на сторожѣ! пожалуй уподобишься тому чудаку (*), который и въ ясную погоду ходилъ съ зонтикомъ, а на зонтикѣ былъ придѣланъ громовой отводъ, — потому что, рассуждалъ чудакъ, были случаи громовыхъ ударовъ и при безоблачномъ небѣ. — Пограничная линия между разумнымъ и смѣшнымъ весьма тонка и неопредѣленна, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы ея не было, и чтобы человѣкъ былъ не въ силахъ стать по ту или по другую сторону этой линіи. Все зависитъ отъ умѣнья обращаться съ жизнью, отъ смысла, который мы придаемъ ея явленіямъ. Вліяніе производимое на насъ нашею дѣятельностію вполне подчинено той идеѣ, которую мы къ ней присоединяемъ. Возьмемъ примѣръ самый простой; что можетъ быть скучнѣе проверки счетныхъ книгъ? Человѣкъ жалуется: я рожденъ поэтомъ, живописцемъ, музыкантомъ, а изъ меня судьба сдѣлала бухгалтера. — Замѣтимъ мимоходомъ, что истинное призваніе остановить трудно; оно прорвется сквозь всѣ препятствія; много-ли было великихъ людей, изобрѣтателей, художниковъ, которые бы родились на розахъ? всякому пришлось бороться и съ людскимъ равнодушіемъ и съ занятіями ему несвойственными, нерѣдко въ длинныя ночи вытаскивать самые грубые инструменты для своего изобрѣтенія... можетъ быть, въ этой борьбѣ и закалился ихъ духъ на великое дѣланіе. Обратимся къ счетнымъ книгамъ; не ужели остается лишь тосковать при такой работѣ?—нѣтъ! это дѣло имѣетъ разныя значенія: одинъ видитъ за нимъ лишь жалованье, хлѣбъ для жены и дѣтей, получаемый за честную работу — и это не дурно; другой, и. пр. фабрикантъ, землевладѣлецъ—ощѣнку своихъ удачъ или ошибокъ; третій—долгъ гражданскій, возможность предотвратить расхищеніе казны, обличить воровство, подлоги и проч. т. п. Если человѣкъ способенъ присоединить какой нибудь изъ этихъ смысловъ къ своему дѣлу, то нѣтъ слѣда приходить въ отчаяніе; судьба человѣка въ рукахъ его.

XIV, XV.

✓ Слова! слова! но подъ словами мысль, а всякая мысль есть сила — дѣйствуетъ ли она на другую мысль, приводитъ ли въ движеніе матеріальныя силы. Неужель наука и искусство напрасно проходятъ по міру?

Вообразимъ себѣ, что въ одну несчастную минуту собрались бы высшіе и низшіе дѣятели нашего времени и, убѣдившись въ тщетѣ жизни человѣческой, т. е. въ тщетѣ науки и искусства, общимъ согласіемъ положили: прекратить всякую ученую

(*) Описанному у Гошана

и художественную дѣятельность... Чѣмъ бы эта попытка кончилась? во первыхъ, стало бы на семь свѣтѣ немножко скучнѣе, а во вторыхъ, — такой попыткѣ никогда не удастся. И наука и искусство появились бы вновь, но въ какомъ либо искаженномъ видѣ, ибо нельзя убить стихію человѣческаго организма, столь же важную, какъ и всѣ другія стихіи, не истребивъ самаго организма. Предположимъ невозможное: метафизики и схоластики добились до того, что всякая новая мысль, всякое ученое открытіе, всякое художественное произведеніе преслѣдуются какъ уголовное преступленіе; новые инквизиторы жгутъ Гусса, терзаютъ Галилея, изгоняютъ Данта. Безусловный нигилизмъ торжествуетъ. Что-жъ далѣе? Можетъ быть возвратятся свинцовыя вѣка, можетъ быть, на время порвется нить, долженствовавшая связать будущаго Гиппарха съ будущимъ Ньютономъ, Пифагора съ Эйлеромъ, Шекспира съ Гёте, — но не надолго; живая электрическая сила соединитъ порванные концы — и законъ природы возьметъ свое. Мѣшайте росту растенія — оно все-таки выростетъ, хоть искривленное и больное; срѣжьте — пойдетъ отъ корня; вырвите съ корнемъ, — появится другое возлѣ и осѣменить запусѣлую почву.

При берегахъ и на днѣ озеръ находятъ остатки жизни народовъ безъ имени; были люди незнавшіе металловъ; за людьми эпохи камня, — явились люди мѣди; за людьми мѣди — люди желѣза; столѣтія, можетъ быть тысячелѣтія протекли между этими эпохами. Но камнемъ выдѣлалась мѣдь, мѣдью выдѣлалось желѣзо, желѣзомъ изваяна, если, пожалуй, не Венера Милосская (*), то по крайней мѣрѣ Аріадна Даннекера. — Человѣку, который проводилъ долгіе дни, оттачивая камень камнемъ же, конечно не могло придти въ голову, что его работа — первый шагъ для работы древне-Греческаго или Штутгардскаго ваятеля, какъ равно для всего того, что мы теперь дѣлаемъ изъ мѣди и желѣза. Человѣку каменнаго вѣка простительно было бы горевать о'тщетѣ человѣческой дѣятельности и о прочихъ тому подобныхъ унылыхъ предметахъ; но мы, прослѣдившіе работу человѣка отъ каменной эпохи до нашей, мы сознающіе святую связь между наукою, искусствомъ и жизнью, мы, могущіе исчислить съ достаточною вѣроятностію ту эпоху, для которой наша будетъ тѣмъ же, чѣмъ для насъ теперь каменная, — имѣемъ ли право предаваться унынію и вызывать къ бездѣйствію?

Красота — есть ли дѣло условное? мнѣ кажется этотъ вопросъ и существовать не можетъ. Вопросъ не въ красотѣ того или другаго произведенія, а въ чувствѣ красоты, въ потребности красоты, а это чувство, эта потребность суть стихіи, общія всѣмъ людямъ. Что нужды, что Китаецъ любитъ картиною безъ перспективы, или послѣдованіемъ звуковъ, для насъ непонятнымъ, — дѣло въ томъ, что онъ любитъся,

(*) Чѣмъ были изваяны Греческія статуи, еще кажется вопросомъ: Въ Помпей (63 г. по Р. Х.) Русскимъ ученымъ Савенно были найдены (около 1819 г.) хирургическіе инструменты, слѣданные еще изъ какой-то вѣпной мѣди, или изъ бронзы. Тамъ медленно шло человѣческое *подвѣженіе* (прогрессъ). См. по сему предмету любопытныя изслѣдованія Г. В. Струве о химическомъ анализѣ древнихъ сплавовъ, въ Известіяхъ Императорскаго Археолог. Общества 1866 г. т. VI, вып. 7 и 8, въ статьѣ Лерха стр. 172—182.

ному выраженію, *вычерпывала* звѣздныя пространства и достигала до звѣздъ, отъ которыхъ самый свѣтъ, на землѣ неподчиняющійся времени, доходить до насъ въ теченіе столѣтій, тысячелѣтій, такъ, что звѣзда погасла тому уже сто, тысяча лѣтъ, а мы еще ее видимъ. Всякая языческая фантазія (имѣющая, не спору, историческое значеніе) не блѣднѣетъ ли предъ этой, поистинѣ поэтической дѣйствительностью? Кто же виноватъ, если поэты не добываютъ своихъ сокровищъ изъ новыхъ рудниковъ, не возводятъ сихъ сокровищъ въ художественное созданіе!... мы не видимъ еще и приступа къ этой новой художественной дѣятельности. Слѣдовательно — нечего пока печалиться о Гомерахъ и Софоклахъ. Поэзія еще впереди — и въ ея мірѣ нѣтъ для насъ права на отдыхъ и успокоеніе.... недовольно! недовольно!

XVI.

Еще разъ — не погибаетъ ничто, ни въ дѣлѣ науки, ни въ дѣлѣ искусства; проходятъ, сокрушаются временемъ ихъ вещественныя проявленія, но духъ ихъ живетъ и множится. Правда, не безъ борьбы достается ему эта жизнь, но самая эта борьба, записанная исторіею, есть для насъ назиданіе и ободреніе на дальнѣйшее подвиженіе. — Наука выросла въ борьбѣ, и даже посредствомъ борьбы. Развѣтвленіе идей — какъ развѣтвленіе растений. Возлѣ здоровыхъ листьевъ, есть какъ будто больные; возлѣ цвѣтва лиліи есть прицвѣтникъ, — пожелтѣвшій свертокъ, который бы хотѣлось сорвать, и бросить; предъ появленіемъ плода вянуть красивые лепестки, — но эти, по видимому, ненужные придатки, эти будто бы уклоненія Природы суть охрана развитія....

Мы съ трудомъ можемъ вообразить себѣ Галилея, окруженнаго Птоломеистами, которые не вѣрятъ глазамъ своимъ, смотря на спутниковъ Юпитера; на осязательное наблюденіе Галилея они отвѣчаютъ: не можетъ быть болѣе семи планетъ, по той существенной причинѣ, что въ тѣлѣ человѣческомъ только семь отверстій: два уха, два глаза, двѣ ноздри и одинъ ротъ — итого семь. — Мы пугаемся этой нелѣпости, — намъ кажется, что въ такой безсмысленной атмосферѣ наука должна была задохнуться; но не подобныя ли нелѣпости заставили Галилея ближе разобрать дѣло, повѣрить самого себя, добыть новыя данныя для доказательства проповѣданной имъ истины, — не говоря уже о самомъ Птоломеевѣ, и его невольныхъ заблужденіяхъ, безъ которыхъ однако, можетъ быть, не было бы ни Галилея, ни Кеплера, ни Ньютона, ни Гумбольдта, — или, въ ущербъ общему просвѣщенію, они пришли бы гораздо позже.

Я не буду вспоминать о борьбѣ, которую должны были вынести Дженнеръ, Уатсъ, Фультонъ и другіе великіе подвижники человѣчества, — не буду вспоминать о томъ, что систему Линнея, какъ нынѣ Дарвина, обвиняли... въ безнравственности! вся эта исторія слишкомъ извѣстна. Я бы желалъ указать на борьбу, которая, по самому своему предмету, донинѣ еще мало доступна большинству читающей публики; доселѣ представляетъ для науки много вопросовъ, и, между тѣмъ, имѣла рѣшительное вліяніе на нѣчто къ каждому изъ насъ весьма близкое, — на здоровье. —

Показались въ эту «теплицу», съ восторгомъ какъ авторитетъ прошедшаго: наука осмѣлилась обратиться къ действительнымъ, объективнымъ фактамъ. Здѣсь первая странная вещь философа. Я говорю объ образѣхъ крови, объ вливаніи по сему предмету трудъ Гарвея, дающій въ томъ, возмущенный талочемъ авторитетъ XVII вѣка, толчкомъ продолжавшіяся и вѣками. Въ великій царствовала тогда относительно крови теорія Галена, основанная на вѣтромъ: сдѣлать бы смыслъ знаменитаго Пергаискаго врача. — Что въ Гарвея никто не осмѣливался и возмущать, истинно высказать, на основаніи того, что «*malade imaginaire*». Гарвей предпринялось бороться съ идеальной анатоміей, съ завитыми ученымъ о естественныхъ, животныхъ и животныхъ духахъ, игнорировать столь важную роль во всѣхъ тогдашнихъ ученыхъ объясненіяхъ (*), и на Гарвея востали не только знаменитѣйшіе, но и ученѣйшіе врачи того времени (**). Нельзя и теперь равнодушно читать исторію этой ожесточенной борьбы изъ за такого, ничѣмъ престога и всякого органическаго явления. Въ подобныхъ борьбахъ — исторія всякой науки, всякаго открытія, всякаго снѣлаго изслѣдованія. Начинается съ отрицанія. — за нимъ идутъ насильники, когда не преслѣдованіе, а потому: «на что это нужно? можно и безъ того обойтись!» — Вѣнки, недостали и статусъ прибегаютъ лишь для могилы.

Мы указали на приговоръ Гарвея не безъ умысла: эта исторія во многихъ отношеніяхъ и назидательна, и отрадна, не смотря на ея грустную обстановку. По ожесточеннымъ нападкамъ на Гарвея можно бы подумать, что онъ провозгласилъ нѣчто неожиданное, неслыханное: но Гарвей принадлежитъ лишь честь введенія этого предмета въ науку, честь — приложенія къ нему руки: обращеніе крови было замѣчено прежде Гарвея: это наблюденіе встрѣчается напр. въ богословской книгѣ Михаила Серве 1553 (***) , сожженного Кальвиномъ, по обычаю стараго добраго времени, сжигать автора вмѣстѣ съ его книгами — такъ, чтобы отъ человѣка ничего не оста-

(*) Даво Малбранхъ (1660—1715) объясняетъ дѣлотаію ума тѣмъ, что оно состоитъ изъ духова, всѣхъ словесныхъ, тонкихъ и безпокойныхъ.

(**) Исторія между 1598 и 1657 г. сохранила имена противниковъ Гарвея: Припррозій, Парзаніа, Пленіа, Фолліа, имена ничѣмъ забыты, но тогда грекшніа. Меллеръ въ «*Malade imaginaire*» въ лицѣ Дивооріуса воспроизводитъ типъ противниковъ Гарвея, но въ числѣ ихъ были и Гассонди, умъ свѣтлый, котораго изслѣдованія в домылѣ уважались въ наукѣ. Правда, Гарвей написалъ собѣ защитника въ Дюартѣ (по тогдашнему Куртезія), но и Дюарту досталось отъ Припррозія, отыпаннагося о валионѣ одессоѣ-патентитѣ съ волччайшимъ презрѣніемъ. Борба длилась болѣе 40 лѣтъ (съ 1619), т. е. до тѣхъ поръ, пока Маллиа (въ 1661) и въ послѣдствіи Ловенгокъ не навела микроскопъ на лагушечки иныи и этии оазательными омытомъ не поддержали теорію Гарвея. Гарвей восторжествовалъ, — это правда, но только было Гарвей, когда, съ одной стороны, въ числѣ его защитниковъ появились Ресепрейцеры, на основаніи его теоріи прилагая за поролваніе крови изъ животныхъ въ людей и уморили нѣсколько человекъ, — а съ другой Припррозій, въ порывѣ безсильнаго ожесточенія, отвѣчалъ Гарвею почти такъ, какъ говоритъ теперь Матросоушки сего міра, когда рѣчь зайдетъ о свободномъ трудѣ, о земствѣ, или о гласности и независимости суда: «старина», говорилъ Припррозій, «лѣчилъ болѣзнь, нисколько не заботясь объ обращеніи крови, на что въ насъ это новое ученіе? и безъ него можно обойтись». Я здѣсь избѣгаю подробностей; любопытные найдутъ ихъ въ IV-мъ томѣ Ширенголовой исторіи Медицины, парискаго изданія 1815 г. стр. 85—175.

(***) Ширенголь — т. IV стр 34.

кось (*); но еще въ 1300 годахъ это наблюденіе довольно ясно выражено въ неконченной поэмѣ: «Ascega» сочиненія Чекко д'Асколи, который замѣтилъ уже соединеніе артерій съ венами и различіе ихъ функций; Чекко также былъ созженъ (въ 1327 г. во Флоренціи) какъ магъ и астрологъ (**). Два раза какъ будто замирало великое открытіе, но, въ самомъ дѣлѣ, не замирало, а только зрѣло въ плодоносной почвѣ науки. — Бостры дѣйствовали по крупнѣе бѣднаго червя, питающагося древними рукописями; но что же вышло на повѣрку? — Когда библиографъ Пеньо въ 1806 году издалъ словарь созженныхъ книгъ (***), Римская канцелярія (конгрегация) воспользовалась этимъ ученымъ трудомъ для пополненія — списка книгъ, которыхъ чтеніе подъ анаемомъ запрещается латинствующимъ (****). Въ этомъ курьозномъ списокѣ красуется и имя Серве, вмѣстѣ съ именами Декарта, Малекранша, Паскаля, Монтеスキе, Локка, Канта, не говоря уже о новѣйшихъ (Альфieri, Notre-Dame Виктора Гюго, даже историческій словарь Булье); ожидали-ль основатели этого Списка, что онъ, въ свою очередь, сдѣлается нынѣ весьма полезнымъ пособіемъ для всякаго изучающаго исторію преступленій латинства?....

Наука какъ бы не замѣчаетъ этихъ мимоходящихъ явленій, а развѣ усиливается отъ этихъ самыхъ препятствій. Спокойнымъ, ровнымъ, но непрестаннымъ шагомъ идетъ она по землѣ, разсыпая свои милости направо и налево. Зиждательница градовъ и вѣсей, она поднимается и въ чертоги, не обходитъ и утлой хижины, ни кельи ученаго грузеника, ни судейской камеры. Всюду она охраняетъ, живить и укрѣпляетъ

(*) Заглавіе этой книги: «Christianismi restitutio». Флуранъ (Hist. de la decouv. de la circulat. du sang—Paris, 1857; p. 154) видалъ въ рукахъ обожженный экземпляръ, хранящійся въ Шаришской Публ. Библиотекѣ, вѣроятно вырванный изъ кюстра вѣтъ-либо изъ послѣдователей бѣднаго Серве.

(**) С. А. Соболевскій сообщилъ мнѣ драгоценный экземпляръ этой поэмы Венеційскаго изданія in 4°, 1510, того самаго, на которое Лабра (Hist. d. mathem. 1838—t. II, p. 195 note 2) указываетъ какъ на лучшее; здѣсь находятся на стр. 94 (Libro quarto) слѣдующіе стихи (ны сохранила правописаніе подлинника):

Dal cerebro procedano gli nervi
Nasce dal cuore ciascuna artaria
. . . . .
El l'artaria sempre dove vena
Artaria in se adopia ogni via
Per l'una al cuore lo sangue se mena
Per l'altra vacio lo spirito o cuore
. . . . .
El sangue pianse move con quiete.

Т. е. (приблизительно) «Отъ мозга идутъ нервы; отъ сердца — каждая артерія; артерія всегда тамъ гдѣ вена (соединяются); артерія совоупляетъ оба пути (?); черезъ одну кровь идетъ къ сердцу, черезъ другой... (?) И кровь движется тихо и спокойно. Настоящее имя Чекко — Стабилл.

(***) Dictionnaire des principaux livres, condamnés au feu etc. par Peignot. Paris, 1806 2 vol in 8°.

(****) Index librorum prohibitorum Gregorii XVI Pont. max. jussu editus Romae 1841; Monteregali 1852 in 12° p. 13.

еть. И таково свойство ея благодѣяній, что они не быстро проходятъ, какъ многое въ подлунномъ мірѣ; каждый шагъ науки есть новый, дѣятельный центръ, новое солнце, отъ котораго и свѣтъ, и тепло, и радуга...

Исчисленіе все болѣе и болѣе разрастающихся успѣховъ науки обыкновенно прерывается вопросомъ..... такъ сказать домашнимъ: а стали ли мы отъ того счастливѣе? на этотъ стародавній вопросъ осмѣлюсь отвѣчать рѣшительнымъ «да!» съ условіемъ: слову *с'аст'ис*; не придавать фантастическаго смысла, а видѣть въ немъ, что есть въ самомъ дѣлѣ, т. е. отсутствіе, или, по крайней мѣрѣ, уменьшеніе страданій. Наука, вѣрнѣе Гомера, даетъ всякому сколько кто можетъ взять; она не виновата, если большинство людей совсѣмъ не доросло, или должно подыматься на цыпочки, чтобы достать рукою ея рогъ изобилія. Но наука, добрая мать, сыплеть свои сокровища и на тѣхъ, которые еще и не подозрѣваютъ, что она есть сила силъ, а легкомысленно и неблагодарно пользуются ея сокровищами.—Было время, когда ученики Гиппократа, и самъ Гиппократъ бились тщетно съ трехдневною лихорадкой и прискивали противъ нее сотни различныхъ средствъ, какъ нынѣ мы прискиваемъ ихъ противъ холеры. Для того, чтобы хина могла придти въ Европу—Христофору Колумбу надобно было открыть Америку; математическія выкладки Евклидовъ—построили его корабль и направили путь его. Для того, чтобы открыть хининъ, химія должна была дойти до открытія алкалоидовъ. И тоже встрѣтимъ—къ какому изъ ежедневныхъ, даже самыхъ мелочныхъ предметовъ мы ни прикоснемся. Не счастливѣе ли мы тѣхъ, которые рыдали надъ друзьями, умиравшими, повидимому, отъ ничтожной болѣзни, и въ глазахъ врачей видѣли лишь недоумѣніе? развѣ не возвысилась средняя жизнь въ Европѣ, т. е. не большее ли число лѣтъ мы можемъ и прожить сами, и видѣть живыми дорогихъ нашему сердцу? развѣ не счастьемъ считать возможность, въ нѣсколько минутъ, перемолвиться съ друзьями, съ родными, отдаленными отъ насъ огромнымъ пространствомъ? сколько семейныхъ тревогъ, сколько душевныхъ терзаний успокоилось мгновеннымъ словомъ электричества? роскошь быстрого движенія, подъ защитой отъ бурь и непогоды, удобство изустнаго сближенія между людьми, возможность, безъ большихъ издержекъ, присутствовать при великихъ изслѣдованіяхъ, выводахъ, торжествахъ науки, наслаждаться далекими отъ насъ произведеніями искусства или Природы—не сдѣлалась ли нынѣ доступнѣе болѣшему числу людей?—Но гдѣ же, въ нѣсколькихъ строкахъ, исчислить все добро, разлитое наукою почти во всѣхъ предѣлахъ земнаго шара! Дѣло въ томъ, что съ каждымъ открытіемъ науки однимъ изъ страданій человеческихъ дѣлается меньше—это кажется не подвержено сомнѣнію...

Я слышу возраженіе: а война, говорятъ мнѣ, а способы истребленія людей—добытые у науки же, развѣ не увеличили массы страданій другаго рода, но все-таки страданій?.. возраженіе сильно, — но однако можно ли обвинять науку? можно ли обвинять огонь за то, — что онъ хотя и грѣшетъ и освѣщаетъ, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, и производитъ пожары? Можно ли обвинять и солнце и оптика, если полоумный наведетъ зажигательное стекло на стогъ сѣна, и стогъ загорится?—Бто виноватъ, если

данныя, выработанныя наукою, до сихъ поръ лишь въ весьма малой степени входятъ въ государственное, общественное и семейное дѣло? Мы смѣемся надъ Китайцами, мы съ ужасомъ указываемъ, что они предали смерти Европейскихъ плѣнниковъ. Китайцы спроста, или съ умысла, отвѣчали: «по нашимъ, какъ и по вашимъ законамъ, смертоубійство есть преступленіе, подлежащее уголовной казни. Но вы Европейцы — нелѣпы, вы наказываете смертоубійцу одиобкаго, — вы чествуете его, когда онъ наберетъ тысячу людей для произведенія ряда смертоубійствъ. Мы не впадаемъ въ такую нелѣпость». — Можно многое возразить противъ этой Конфузиевой діалектики, — хоть напримѣръ праведность и неизбѣжность обороны отъ нападающаго; но что мы отвѣтимъ Тому, который сказалъ: любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ? — наши общественныя науки нетолько далеко отстали отъ естественныхъ, но, сказать по правдѣ, находятся еще въ младенческомъ состояніи. Еще нынѣ невольно думается, что вѣка пройдутъ до тѣхъ поръ, когда мы наконецъ выразумѣемъ и сознаемъ вполнѣ это неземное внушеніе, и безсильны мы даже вообразить себѣ семейное, а тѣмъ болѣе государственное устройство, гдѣ бы это высокое начало могло бытъ примѣнимо во всемъ своемъ пространствѣ!...

Въ наукѣ ли причина войны? наука ли подготавливаетъ ее? нѣтъ! наука говоритъ другое: она нещадно колеблетъ пьедесталъ военныхъ подвиговъ; она доказываетъ цифрами, что всѣ многосложныя причины переселеній, войнъ, набѣговъ, грабежей, вообще насильственнаго движенія народовъ, какъ равно и внутреннихъ переворотовъ, сводятся къ одной, основной и весьма прозаической: къ истощенію почвы, къ потребности пріискивать другую, болѣе плодородную, — словомъ къ потребности себя пропитывать. Либихъ замѣчаетъ, что если бы человѣкъ могъ питаться лишь водою и воздухомъ, тогда бы не существовало ни насилій, ни неустройствъ, ни поводовъ къ безправію, ни рабства или воздѣлыванія одного человѣка другимъ; — но человѣкъ зависитъ отъ почвы; при первомъ къ ней приступѣ, онъ глухъ къ словамъ науки; онъ рассчитываетъ на вѣчную плодородность, не даетъ себѣ труда исчислить ея питательныхъ силъ, беззаботно расходуетъ ихъ, не возвращая отнятаго, въ нелѣпомъ упованіи, что его клочекъ земли неизчерпаемъ, что земля сама должна возстановить то, что у ней отнято, что, словомъ, печка сама должна доставать для себя дрова, — и настаетъ минута, когда почва начинаетъ оскудѣвать; скоро, того, чѣмъ прокармливались десять человѣкъ, едва достааетъ на одного; болѣе сильный, или болѣе хитрый, онъ заставляетъ остальныхъ девятыхъ работать на себя — и зараждается патрициатъ, — явленіе, надъ которымъ такъ долго ломали себѣ голову метафизики. Плодородный Лаціумъ былъ покоренъ голодными Римлянами. Слава Помпея куплена истребленіемъ морскихъ разбойниковъ, которые мѣшали подвозу хлѣба; Юлій Кесарь водилъ полки въ Испанію, въ Египетъ, чтобы на чужое награбленное добро продовольствовать Римлянъ хлѣбомъ, — въ томъ была вся основа его величія и могущества; Папскій Римъ для той же цѣли извратилъ человѣческую совѣсть продажею индугенцій; но ничто не спасло его; невѣжественный, преступный, въ надеждѣ на свою чудодѣйную силу, онъ окружилъ Римъ бесплодными пустынями — ихъ не утучнили ни потоки

кровя, ни зола востровъ, и Римъ сдѣлаен плодороденъ лишь на Езуптовъ, и на разбойниковъ.

Въ одномъ отношеніи Мальтусъ былъ правъ, говоря, что если бы не войны, не моровыя повѣтрія, и проч. т. п., то люди бы заѣли другъ друга. Но положительная наука оправдала Провидѣніе противъ Мальтусава воцущества, и слово ея выговоренное не пройдетъ напрасно. Будетъ время, и оно не далеко, когда силы ума и тѣла не будутъ тратиться на взаимноистребленіе, но на взаимно-сохраненіе: данныя выработанныя наукою проникнуть во весь слои общества, — и вопросъ о продовольствіи дѣйствительно увядобится вопросу о пользованіи водою и воздухомъ.

Большою, теперь такого рода успѣхъ кажется несбыточною мечтою. Но въ XVII вѣкѣ (1663 г.) Англичанинъ Вустеръ (Marquis Worcester) (*) напечаталъ сотню задачъ (въ числѣ ихъ и о паровой машинѣ), которыхъ разрѣшеніе онъ считалъ необходимымъ для блага человѣчества: тогда сѣбались надъ этими задачами — онъ казался вѣтъ всякой возможности: по справкѣ въ недавнее время, оказалось, что большую часть этихъ задачъ уже разрѣшила наука. — такъ, между прочимъ. Если бы теперь сдѣлать подобное собраніе неразрѣшенныхъ задачъ, то нѣтъ сомнѣнія, что потомки наши стали бы удивляться: чтъ тутъ находимъ мы труднаго, даже невозможнаго?

Скажу на ушко читателю: многія изъ самыхъ недоступныхъ задачъ въ государственномъ вообще, въ финансовомъ и семейномъ бытѣ, близки къ своему разрѣшенію. Это разрѣшеніе зависитъ отъ неизвѣстнаго человѣчка, который гдѣ-то, на чердакѣ, въ Европѣ или Америкѣ, а можетъ быть и въ Азіи, дотачиваетъ послѣдній гвоздь, нужный ему для снаряда, которымъ очень легко будетъ управляться нѣчто въ родѣ аэростата. Когда этотъ послѣдній гвоздь будетъ прилаженъ, — многое множество вопросовъ: о войнѣ, о финансахъ, о торговлѣ, объ урожаяхъ и неурожаяхъ — и по другимъ житейскимъ задачамъ, получать такое благополучное разрѣшеніе, котораго мы теперь и вообразить себѣ не можемъ.

Но опрѣчь этого гвоздя, есть много и другихъ недоконченныхъ гвоздиковъ, которыми слѣдуетъ заняться.... слѣдственно опять также нѣсна: недовольно! недовольно!

XVII.

Но оставимъ космополитическую сферу и приложимъ нашу мысль къ тому, что намъ ближе, къ дорогой намъ всѣмъ Россіи. Скажемъ ли мы ей слово: Довольно! —

(*) Его книга Century of inventions—библиографическая рѣдкость. Не издавна, 1865 г., вышла весьма любопытная по этому предмету книга: The life, times and scientific labours of Marquis of Worcester by Henry Dirks. Во второй части напечатана самая Century of inventions.

Можетъ ли выговориться это слово *теперь*, когда совершаются дѣла такого порядка, что мы, современники, не въ силахъ даже измѣрить ихъ величія, а можемъ лишь благодарить Провидѣніе за то, что живемъ въ наше время.

Говорить ли, что съ 19 февраля 1861 г. Россія пережила, покрайней мѣрѣ, два вѣка. Кто этого не чувствуетъ? Всѣ силы ея подвинулись: напряжены всѣ мышцы ея мощнаго организма; новая, свѣжая кровь струится въ его жилахъ; стройно дышетъ онъ вольнымъ дыханіемъ жизни. Наука, правда, у насъ развивается медленно, но все шире и шире; поселянинъ, отдохнувшій отъ барщины, начинаетъ въ свободномъ трудѣ сознать самого себя, понимать свое невѣденіе и необходимость изъ него выдти. Земство, какъ бы ни были трудны первые шаги его, призванное Высокою Мудростію къ дѣланію, начинаетъ проявлять свою самобытность, и прилагать здравый смыслъ Русскаго человѣка къ многоразличнымъ условіямъ общественнаго быта, осложненнаго вѣковыми недоразумѣніями. Наконецъ, гласнымъ, независимымъ судомъ образуется опора не только для внутренняго и виѣшняго довѣрія, но и училище нравственности, всѣмъ доступное, всѣмъ чтимое.

У нашего простолюдина, какъ бы низко ни стояло его образованіе, нѣтъ той безнравственности, въ которой любятъ обвинять его остроумные шляхтичи и ихъ сообщники. Въ глубинѣ души его лежитъ чувство правды и любви; это чувство онъ часто выговариваетъ подлинными словами Св. Писанія. Но рядъ историческихъ событій, до нынѣ, по большей части, не содѣйствовалъ къ укрѣпленію необходимой связи между этимъ глубокимъ чувствомъ и дѣйствительною жизнію, а чаще разрывалъ ее. — Гдѣ было научиться ему приложеніямъ правды къ жизни, — когда онъ почти ежедневно видѣлъ одно безправіе; когда подъ словомъ: судъ, — онъ понималъ лишь произволъ и подкупъ; когда святилище суда представлялось простолюдину сборищемъ людей, за недоступными дверями пишущихъ какія-то непонятныя ему строки — но рѣшающія его участь; когда онъ видѣлъ, что одинъ и тотъ же законъ примѣняется къ нему такъ, а къ другимъ иначе; когда его ждало не одно неправосудіе, — но часто и насмѣшливый отказъ во всякомъ правосудіи. «Правда моя не дошла! недали слова молвить! не хотѣли выслушать...» говорилъ обиженный съ желчною горечью въ сердцѣ. — Такое состояніе среды могло-ли не отразиться на собственныхъ дѣйствіяхъ простолюдина, не смутить его, можетъ быть и младенческихъ, но святыхъ понятій о правдѣ, не сбить съ толку его сужденій, не смѣшать для него значенія словъ? — Такъ напримѣръ, воровство, что бы ни говорили, — есть дѣло противное душѣ русскаго человѣка; нѣтъ для него ничего оскорбительнѣе названія вора, — но когда сегодня воевода, судья — взялъ у простолюдина взятку, завтра слышится, что знатный панъ прикрылъ деньгами преступленіе, истязанія, смертоубійство, что самоуправникъ и даже воръ, расхитившій казну Царскую, нашли друзей, заступниковъ и остались ненаказанными, — тогда на третій день и самъ простолюдинъ протягиваетъ руку за незаконнымъ пріобрѣтеніемъ.... «Не мнѣ чета!» говоритъ онъ.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ! Намъ уже теперь трудно вообразить какъ жили люди въ тѣ времена, когда общимъ убѣжденіемъ было, что съ сильными

тратить не следует. Но мыслями, идеями, сильною заступою можно от всего отступить, что судъ былъ лишь ставило, за вѣдоуе жили изъ возмвзали родныя, вразлужныя остроты (сабоудравство и лѣтѣ вѣсто).

Но, крвнныи заныи пѣн, растворяишь пѣри сурѣи, пѣхулу въ ннхъ свѣжій вѣдуу, главоствѣ развѣдѣи снраиныи туманѣ, днѣ забвѣтали свѣтыи слова: «судъ снрѣи, драмнѣ, ннѣствнмѣ, равнмѣ для вѣсту» — и вѣстѣ бн болѣзненннй нарѣту отнѣлѣ отъ вѣнннуу глазу.

И чужде гдѣ! ннѣстраннн ннѣвлнсь и не вѣрѣли. — какннуу образѣту уничтоженнѣ крѣднственнѣ остротнн, этѣту огрѣнннмѣ обществѣнннмѣ перевѣрѣту, совершнлѣся у насѣ бѣзѣ нагдѣнннуу потрѣбѣи: какннуу образѣту разннгрѣдѣи не страсти, — но разннлѣишь лнннѣ стрѣннѣе, набожнѣе чувствѣ бѣннѣ пѣрѣвѣтнѣ къ Внѣвѣнннуу освѣбожденнѣ. Кто ннѣ свѣдѣтелѣи забудѣту денѣ 19-го февралѣ (1861) денѣ въ Петербургѣ, а вѣдѣту и во вѣсѣ Росснѣ. — вѣтѣ благодѣтнѣнѣ вѣстѣ, какѣ вѣдннѣ, разннлѣишь по вѣсннуу порѣту? — кто забудѣту то днѣвѣннѣ на улннцѣхъ, вѣтѣ, только что освѣбожденннй днѣту, огрѣнннмнн толпѣи — шѣту въ раствѣрѣннне храмы, уннѣннѣннѣ преклонѣнѣ вѣтѣна прѣту ннѣвѣи....

**И чествовалѣ прѣду молнѣтѣи и слѣзннн
Своѣи пернннй денѣ свободнннго труда.**

Но еше ли не чуждѣ дѣѣствѣе прѣнѣвѣденнѣе новнннн суданнѣ съ перѣи нннннѣтѣ они срѣднлѣсь съ народнѣиоу жнзннѣ, — какѣ бѣдуѣ они вѣтѣ существовалн. Въ течѣннѣ нѣсѣколькохъ днѣи, страшннн стнхѣ поѣта: «Чернѣ въ судѣхъ нѣправѣтѣи чернѣ» — сдѣлѣлѣся анѣхроннзмѣиоу. Все явлѣлось жнѣвѣннѣиоу: и судѣи, и прѣсѣжннѣе, и адвокѣты и стѣнографѣи, и публнѣка внннѣмѣтѣлѣнѣнѣ и почтнѣтѣлѣнѣнѣ: явлѣлось не подѣзрѣваемѣе до-тогдѣ знѣннѣе дѣла, явлѣлось вѣстнннѣе краснѣнѣтѣе, бѣзѣ фразѣ, бѣзѣ увлѣченнѣи, во спѣ-копнѣиоу, дѣлѣвое, трѣзѣвое, — явлѣлась судѣйскѣя прѣнннѣтѣлѣнѣнѣтѣ. Самѣя рѣчь прѣо-бразннлѣишь: ннѣчѣзѣаетѣ искусственнѣе, длнннѣе, пухлѣе канцѣлнѣрскѣе прѣздѣвословнѣе, выхѣ-дѣтѣ изѣ уннѣтребѣннѣи густѣи снраиныи черннлѣ, развѣденннѣи разлѣушѣнннмѣи нѣс-лѣжнѣ: нѣсто вѣсѣго этѣго заступѣаетѣ жнѣвое, чнстѣе, скѣтѣе Русскѣе слово, которѣиу ннѣогдѣи изѣ насѣ старнѣковѣ не худѣ бн поучнѣтѣся.

Не полагайтѣся на отчетѣи журналѣовѣ, вѣйдѣте самн въ камерѣи Окружннхъ Су-дѣовѣ, Судѣбннхъ Пѣлатѣи, Мнровѣихъ Сѣѣздѣовѣ, туду гдѣ прѣду ннранѣии совершѣетѣся свѣщеннѣиѣдѣствѣе законѣи, — любѣопнѣтѣе и поучнѣтѣлѣнѣе зрѣнннѣе особѣеннѣо при дѣ-лахъ граждѣннскнхъ, — вснотрнѣтѣся въ этн рады знншѣновѣ, чужѣ — они боѣтѣся по-шевелѣнѣтѣся, перевѣстн днѣхъ; съ какннѣи напѣраженннмѣи вннннѣиѣтѣи они всѣлушнѣва-ютѣся въ ясѣно прѣннѣзноснмнѣи рѣчи, боѣтѣя прѣронннѣтѣ слово — не все ннѣ понятнѣо въ тонкнѣихъ прѣложеннѣяхъ законѣи къ даннѣиоу дѣлу, въ юриднѣческнхъ сочетѣннѣяхъ раз-ннхъ пернѣодѣовѣ тяжѣбѣи, — но гдѣ недѣстѣаетѣ разумѣннѣи, таѣи помагаѣтѣ Русскѣя смѣтѣлнѣвѣтѣи; а междѣу тѣиѣи они усѣвоивѣаютѣ себѣ понѣтнѣи нѣннѣзмѣннѣи, равнѣиоу для вѣсѣхъ законѣи и нѣподѣушнѣи правды. Этн понѣтнѣи ложѣтѣся въ нѣхъ серѣдѣе и не пропа-дутѣ бѣзѣслѣднѣо.

Войдите къ Мировымъ Судьямъ -- да не на минуту, а на нѣсколько часовъ -- здѣсь картина еще любопытнѣе, еще поучительнѣе; -- забудьте комическую сторону этихъ судовъ (которая одна, къ сожалѣнію, подмѣчается въ большей части газетныхъ статей); предъ вами Мировой Судья, смиренный труженикъ, который, каждый день, съ ранняго утра и до поздняго вечера, едва имѣя время на краткій отдыхъ -- пригвожденъ къ своему стулу, въ душной атмосферѣ; предъ нимъ--люди всѣхъ сословій; предлагающія ему дѣла повидимому, самыя мелочныя явленія житейскаго быта, -- но изъ этихъ мелочей составляется почти вся жизнь многихъ людей, отъ этихъ мелочей зависитъ домашнее, семейное спокойствіе; эти мелочи, въ прежнее время, возрастали часто до огромныхъ, нескончаемыхъ тяжбъ, вели къ раздорамъ, къ раззоренію. Эти мелочныя явленія разнообразны до безконечности; мировой судья всегда долженъ быть готовъ на неожиданное; онъ не можетъ позволить себѣ ни насмѣшки, ни прерѣнія, какъ бы предметъ тяжбы ни казался ничтожнымъ, какъ бы ни были неуклюжи объясненія тяжущихся; безстрастный, но радушный, онъ долженъ каждую минуту изобрѣтать новые приемы умиротворенія, или же, строгимъ словомъ закона, остановить наглое и коварное домогательство. Вслушайтесь въ бесѣду мирового судьи съ простолюдиномъ: съ какиимъ искусствомъ судья долженъ выяснять тяжущемуся, что тотъ или другой его поступокъ, кажущійся ему весьма простымъ и обыкновеннымъ, есть нарушение закона, оскорбленіе, подлогъ. Лишь въ Мировыхъ Судахъ простолюдинъ слышитъ впервые, что законъ не есть отвлеченное, мало понятное слово, но спасительное, нравственное начало, которое должно быть присущимъ во всѣхъ нашихъ ежедневныхъ дѣйствіяхъ; не въ метафизическихъ сентенціяхъ излагается ему эта наука, но въ буквѣ, взятой изъ самой жизни. Часто, подсудимый, понятно доведенный до оцѣнки своего дѣйствія, -- сознаетъ свою вину, свою неправость, и спѣшитъ помириться съ своимъ противникомъ. Часто, и очень часто, бѣдный крестьянинъ, выигравшій тяжбу у сильнаго противника, долго не вѣритъ, что тяжба его повершилась, -- въ умиленіи начинаетъ молиться и падаетъ на колѣни предъ изображеніемъ Того, во имя котораго творится: «судъ правый, скорый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ».

Назидателенъ и говоръ народный въ преддверіяхъ новыхъ судовъ; Русскій чело-вѣкъ вообще не говорливъ, но здѣсь онъ невольно распахивается, -- умъ поучается, сердце говоритъ, -- онъ какъ будто вспоминаетъ залегшія въ глубинѣ души его истины, и выражаетъ ихъ мѣткими словами, которыя бы могли послужить хорошимъ матеріаломъ для исправленія нашего искусственнаго юридическаго языка.

Но все это великое дѣло сгинетъ, если не найдетъ достойныхъ дѣлателей, и нужно ихъ не одинъ и два! -- есть ли возможность въ такую минуту предаться бездѣйствію -- и сказать: довольно?

XVIII.

Къ тому же Россія не безъ враговъ! хмурится на насъ завистливый Западъ. Не по сердцу ему наше новое подвиженіе. И прежде, онъ, частію боялся насъ, частію за-

видоваль. Но теперь, когда уже нельзя насъ упрекнуть ни въ обожаніи рабства, ни въ строгости наказаній, ни въ отсутствіи земской самостоятельности, ни въ господствѣ произвола и самоуправства, когда западная ложь осыкается объ свободную Русскую печать, когда зрѣютъ въ насъ и нравственное чувство, и сознание человѣческаго достоинства, и матеріальныя силы, когда крѣпче вокругъ Престола сплотилось наше единство, — трусливая ненависть Запада, въ крайнихъ его органахъ, въ этомъ сопряженіи невольнаго невѣжества и сознательной лжи, доходитъ до истиннаго безумія. Разумѣется, не забывается старое. По прежнему является на сцену нелѣпная фабрикація Парижской полиціи, извѣстная подъ названіемъ «завѣщанія Петра Перваго», на которое указывается, какъ на неоспоримое доказательство нашего неуклоннаго намѣренія завоевать всю Европу и истребить въ ней просвѣщеніе (*). По прежнему повторяются всѣ возможные о насъ анекдоты, основанные на невѣроятномъ историческомъ и филологическомъ и географическомъ, часто искусственномъ невѣжествѣ.

Есть на Западѣ городъ-памятникъ, — памятникъ насилія, грабежа, гнета, всѣхъ родовъ человѣческаго самоуправства и уничтоженія; въ древности тамъ ковались цѣпи на цѣлый міръ; но времена пережѣнились; занесло пескомъ слѣды рабской крови, пролитой на потѣху патриціевъ; на этомъ пескѣ устроилось новоязыческое капище: здѣсь иезуитизмъ открылъ свою торговлю; его товаръ — человѣческая совѣсть; здѣсь онъ покупаетъ, продаетъ и промѣниваетъ вѣру, правду, свободу совѣсти, словомъ все, что есть на землѣ святаго; здѣсь дистиллируются тонкіе, для всего міра, яды; смрадный туманъ подымается отъ треножника преступной лабораторіи; въ этой душ-

---

(*) Это говорится не въ шутку, не въ карикатурныхъ журналахъ, но съ высоты и парламентскихъ воеводъ — Исторія этого подлога довольно любопытна. Извлеченіе изъ нѣкаго завѣщанія Петра I-го появилось впервые въ книгѣ подъ названіемъ: *Des progrès de la puissance russe depuis son origine jusqu'au commencement du XIX siècle, par L**; 1 vol in 8°, Paris chez Fantin, Libraire, Quai des Augustins. 1812.* По году изданія видно, что она падала въ ту минуту когда Наполеонъ-Бонапартъ вторгнулся въ Россію. Хитрому Корсиканцу, не разборчивому на средства, нужно было *отвести* глаза, особенно Англіи, и для того взвести на Россію небывалу. Сочинитель этой книги — Денуаръ, Французскій полицейскій литераторъ. Знаменитый подлогъ находится въ прилѣжаніи къ стр. 176 по 179 и начинается словами: *существуетъ, что существуетъ.* (*On assure qu'il existe..*); подлогъ былъ сдѣланъ такъ послѣдно, что независимо отъ другихъ промаховъ, Петра I-го заставляютъ называть свою армію — азіатскою ордою (ст. 14) и даже православныхъ грековъ — схизматиками (ст. 12). Но для Запада это все ничто; изъ леchenіе (*resumé* стр. 176) перешло, но уже въ видѣ подлиннаго завѣщанія, въ многочисленныя книги и выноски и распространилось на весь Западъ. Достоинно вниманія, что, по непонятнымъ причинамъ, всѣ изданія, въ которыхъ находилось это нѣкое завѣщаніе, тщательно запрещались — въ Россіи, такъ что для Русскихъ читателей не было возможности набраться до текста этого документа, ни разъяснить подлогъ. Между тѣмъ эти изданія, во временахъ, учащались на Западѣ, въ особенности предъ Крымскою войною, и вѣра въ подлинность этого завѣщанія такъ утвердилась, благодаря нашему постоянному безмолю, что, во время войны, одинъ «благородный» Лордъ, въ Англійскомъ парламентѣ, указывалъ на это нѣкое завѣщаніе, какъ на ясный поводъ въ нападенію на насъ; это указаніе не осталось безъ дѣйствія не только на общественное мнѣніе въ Европѣ, но и на самое рѣшеніе парламента. Подробности этого позорнаго подлога описаны въ особой брошюрѣ Г. Берхгольца, библіотекаря Императорской нумизматической библіотеки, подымавшего груды бумагъ для разъясненія этого дѣла.

ной средѣ бродятъ позорныя тѣни; здѣсь изувѣры призываютъ благословеніе Божіе на отравленные кинжалы; здѣсь іезуиты съ шляхтою обмѣниваются поцѣлуями; полумертвый командиръ латинства, въ безсильной злобѣ на насъ, вмѣстѣ съ женолюбивымъ кардиналомъ канонизируетъ изверга Кунцевича; изъ подъ кардинальской ра-сы сыплются мириады лжей, сплетенъ, іезуитовъ, іезуитонокъ, и стараются облѣпить славянское племя, разорвать его связи и задушить его.

И въ Россію проникаетъ тлетворный туманъ и.... находитъ Иванушекъ, Репетиловыхъ, княженъ Зизи, Мими....

Не ужъ ли на все это мы должны смотрѣть, сложа руки, уныло повторяя: довольно! неуже ли должна замолкнуть наша сатира, которая, испоконъ вѣка, не переставала на Руси выговаривать свое крѣпкое и умное слово.

Но интриги запада намъ не страшны: намъ не впервой отправлять къ нему свинцовый отвѣтъ, который всегда оказывался весьма удовлетворительнымъ.

Наша сила—въ насъ, въ нашемъ единеніи, въ нашей честной разработкѣ великихъ задачъ нашего Великаго Преобразователя.

На зовъ Его откликнулись всѣ сословія безъ различія. Въ первыхъ рядахъ стало дворянство; въ этой средѣ, преимущественно, явились дѣятели для новаго дѣла. Отсюда вышли труженики для закона 19-го февраля, для земскихъ учрежденій, для новаго судопроизводства, вышли и мировые посредники, и члены земства, и судьи, и прокуроры, и адвокаты. Не отстали и другія сословія; дѣльный, вѣрный взглядъ нашихъ присяжныхъ, ихъ внимательное добросовѣстное изученіе дѣлъ, — чему могли бы позавидовать въ остальной Европѣ—есть явленіе многозначительное, даже по своей неожиданности, и служить новымъ свидѣтельствомъ, какимъ чистымъ, здравымъ смысломъ Господь Богъ одарилъ Русскаго человѣка.

Съ такими задатками силы всѣхъ родовъ,—ничто намъ не страшно.

Но солнце не безъ пятенъ и въ семьѣ не безъ уroda.... Вокругъ великаго дѣла, свершающагося въ Россіи, стоятъ Митрофанушки, Простаковы, Скотинины; съ досаднымъ изумленіемъ смотрятъ они на тружениковъ и думаютъ думу крѣпкую.... Было-бы ошибочно предполагать, что Простаковы и Скотинины вымерли и духа ихъ не стало—они всѣ живехоньки, только умылись и принарядились.... Митрофанушка съѣздилъ въ Парижъ, воротился въ пиджакъ и гнѣвается на мировыхъ, что заставляютъ его платить долги портному; Простакова по прежнему «мастерица толковать законы», за то она въ кринолинѣ, и съ великолѣпнымъ шиньономъ; Скотининъ натянулъ макинтошъ и жестоко обижается внесеніемъ своего имени въ списокъ присяжныхъ; Вральманъ развиваетъ, по Гегелю, теорію олигархическаго нигилизма, — но они все тѣ же; тѣ же въ нихъ полубарскія затѣи, и тѣ же разсужденія и поползновенія; они все ждутъ, поджидаютъ — (а въ сторонѣ и Правдинъ) ждутъ.... новаго Фонъ-Визина; ждутъ того, кто мимоходомъ, на завтракъ у предводителя, по такъ вѣрно, подмѣтилъ разные виды нашего феодальнаго безобразія.. Какое безграничное поле для комика! — неуже ли онъ скажетъ: довольно!

Не бѣда, что мы старѣемся... и въ послѣднія минуты, мы не скажемъ Россіи, какъ гладиаторы Римскому кесарю: «умирая, мы съ тобою раскланиваемся (*)»; но припомнимъ хоть нашего славнаго армейскаго капитана Никитина (**), какъ онъ, замученный повстанцами, издыхая въ предсмертныхъ мукахъ, собралъ послѣднія силы, и смѣло, пророчески погрозилъ ослабѣвшей рукою мятежной шляхтѣ. — Будущее впереди, а между тѣмъ, съ Божіею помощью, даже стоя одною ногою въ могилѣ, — хоть бы намъ погрозиться на внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ Россіи. . авось вразумятся! — *Go a head! never mind, help yourself!* — что по Русски переводится: «брось прохладушки, недѣланаго дѣла много».

Д. Ч. Кн. В. Одоевской.

31 Декабря, 1866

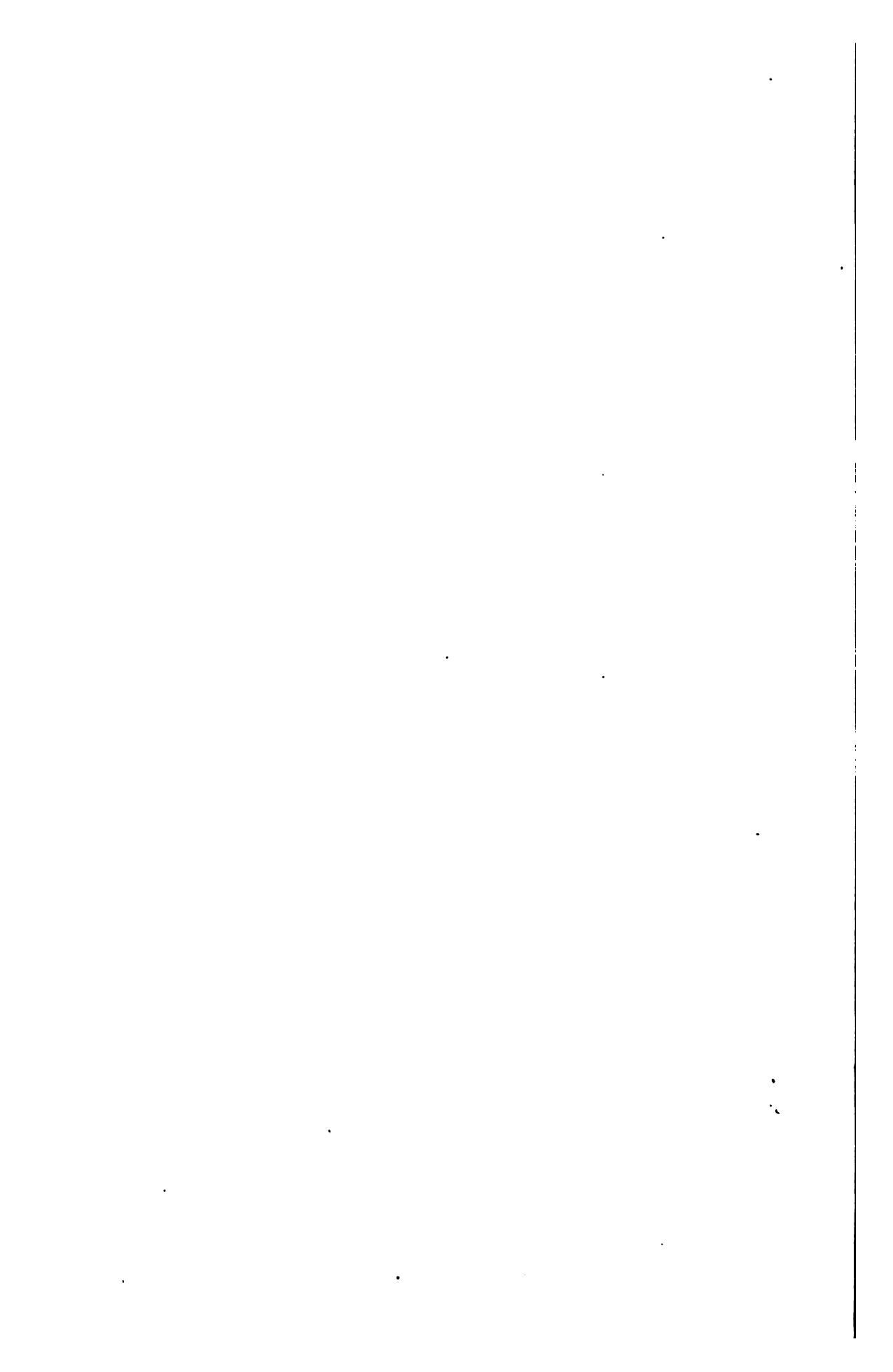
(*) *Morituri te salutant.*

(**) Какой превосходный предметъ для нашихъ живописцевъ. Когда же повинуть они и Хароновъ и Меркуриевъ, — или перестанутъ выбирать самыя грязныя черты изъ нашего быта? Сколько высоко-художественныхъ задачъ въ разныхъ сценахъ послѣ 19 февраля 1861! Кто не знаетъ со-всѣмъ готовую «картинку» Майкова, начинающуюся словами:

Посмотри: въ избѣ мерцаютъ,
Свѣтитъ огонекъ;
Возлѣ дѣвочки малютки
Собрался кружокъ;
И съ трудомъ, отъ слова къ слову,
Пальчиномъ вода,
По печатному читаютъ
Мущичкамъ дѣтя.

Сколько матеріаловъ въ разныхъ эпизодахъ шляхетскаго мятежа, въ фигурахъ повстанцевъ, ана-гическихъ шляхтенекъ, коварныхъ асодловъ, іезуитовъ, добродушныхъ мущичковъ... Наконецъ, почти изъ вчерашнихъ событій — совѣщаніе въ Ватиканѣ о канонизаціи Кунцевича, столь полное комизма; — въ яномъ родѣ, — битвы Критянъ, Арнадійскій Монастырь, Русскіе матросы съ малютками Гречами, и наборъ Турками ложныхъ депутатовъ отъ Крита; — отправна Турецкаго корабля, будто бы для спасенія критскихъ секействъ; — наши сородичи Галачане въ ногтяхъ іезуитовъ... Неуме ли всѣ эти разнообразныя сцены, доступныя и трагической и комической вѣсти, будутъ обойдены нашими живописцами? — или мы предоставимъ западнымъ живописцамъ изображеніе мнимаго геройства шляхтичей, и небывалаго звѣрства Русскихъ? Было бы стыдно!

ПРИЛОЖЕНІЯ.

На подлинномъ написано:
*Утверждаю. 15-го Октября 1866 года. Ми-
нистръ Народнаго Просвѣщенія Графъ Дмит-
рій Толстой.*

УСТАВЪ
ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ,
СОСТОЯЩАГО ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ
УНИВЕРСИТЕТѢ.

ЦѢЛЬ ОБЩЕСТВА.

§ 1.

Общество Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ имѣетъ цѣлью содѣйствовать развитію отечественнаго языка и успѣхамъ его литературы.

СОСТАВЪ ОБЩЕСТВА.

§ 2.

Общество состоитъ изъ Членовъ Дѣйствительныхъ, Почетныхъ и Сотрудниковъ. Число ихъ неограниченно.

§ 3.

Дѣйствительные Члены избираются изъ лицъ, извѣстныхъ своими трудами, входящими въ кругъ занятій Общества.

§ 4.

Выборъ въ Дѣйствительные Члены происходитъ балотированіемъ и не иначе какъ по письменному отъ кого либо изъ Дѣйствительныхъ же Членовъ предложенію, въ которомъ должно быть упомянуто о занятіяхъ предлагаемаго, о трудахъ его на пользу отечественной словесности и о желаніи быть членомъ Общества и исполнять Уставъ онаго.

§ 5.

По заявленіи въ засѣданіи Дѣйствительнымъ Членомъ письменнаго предложенія кандидата, балотированіе сего послѣдняго въ члены производится не ранѣе слѣдующаго за тѣмъ засѣданія.

§ 6.

Дѣйствительные Члены получаютъ дипломъ на сіе званіе и вносятъ за оный десять рублей.

§ 7.

Дѣйствительные Члены имѣютъ право предлагать мнѣнія свои касательно занятій и внутренняго распорядка дѣлъ въ Обществѣ; имѣютъ участіе во всѣхъ выборахъ и рѣшеніяхъ и получаютъ безденежно книги, издаваемыя на иждивеніе Общества.

§ 8.

Дѣйствительные Члены обязаны вносить ежегодно по десяти рублей. Въ случаѣ неисполненія сего въ теченіе двухъ лѣтъ Дѣйствительный Членъ считается сложившимъ съ себя это званіе. Изъ сего правила дѣлается изъятіе лишь для тѣхъ членовъ, которые въ теченіе означенныхъ двухъ лѣтъ доставили въ изданія Общества свои статьи, принятыя и одобренныя Обществомъ къ печатанію.

§ 9.

Дѣйствительный Членъ, внесшій единовременно сто рублей, освобождается навсегда отъ ежегодныхъ взносовъ.

§ 10.

Званіе Почетнаго Члена дается лицамъ, оказавшимъ особенныя заслуги отечественной словесности или сдѣлавшимъ значительныя пожертвованія въ пользу Общества.

§ 11.

Въ Почетные Члены избираются большинствомъ голосовъ по предложенію не менѣе какъ трехъ Дѣйствительныхъ Членовъ.

§ 12.

Почетные Члены получают на сіе званіе дипломъ, за который они не обязаны платить.

§ 13.

Почетные Члены могутъ, по желанію, принимать участіе въ засѣданіяхъ Общества на правахъ Дѣйствительныхъ Членовъ.

§ 14.

Въ Сотрудники предлагаются къ избранію Дѣйствительными и Почетными Членами лица, которыя представляютъ чрезъ нихъ свои статьи съ изъявленіемъ желанія трудиться для Общества. По прочтеніи представленной статьи Обществомъ, предлагаемое лице подвергается балотированію.

§ 15.

Сотрудники получаютъ на свое званіе дипломъ безденежно. Они не обязываются ни къ какому взносу.

§ 16.

Въ засѣданіяхъ Общества Сотрудники не пользуются правами, предоставленными Дѣйствительнымъ и Почетнымъ Членамъ Общества.

О ДОЛЖНОСТНЫХЪ ЛИЦАХЪ, КОМИТЕТАХЪ И КОММИССІЯХЪ.**§ 17.**

Должностныя лица суть: Предсѣдатель, Секретарь и Казначей. Они избираются изъ числа Дѣйствительныхъ Членовъ на три года.

§ 18.

Объ утвержденіи избраннаго Предсѣдателя въ семъ званіи Общество ходатайствуетъ у Министра Народнаго Просвѣщенія, чрезъ посредство Попечителя Московскаго Учебнаго Округа.

§ 19.

Предсѣдатель созываетъ членовъ для засѣданій, сносится письменно съ посторонними мѣстами и лицами по дѣламъ Общества и распечатываетъ присылаемыя въ Общество бумаги.

§ 20.

Предсѣдатель занимаетъ первое мѣсто въ собраніи. При равенствѣ голосовъ онъ даетъ перевѣсъ одной сторонѣ и въ такомъ случаѣ имѣетъ два голоса.

§ 21.

Секретарь Общества занимаетъ мѣсто въ собраніи подлѣ Предсѣдателя. Онъ составляетъ протоколы засѣданій и вноситъ въ нихъ разсужденія и опредѣленія членовъ Общества; читаетъ поступившія бумаги; завѣдываетъ перепискою Общества; хранитъ печать и дѣла Общества и наблюдаетъ за цѣлостію его бібліотеки.

Примѣчаніе 1. Печать Общества имѣетъ изображеніе государственнаго герба съ надписью: Печать Общества Любителей Россійской Словесности.

Примѣчаніе 2. При Секретарѣ полагается письмоводитель по найму, съ согласія Общества, изъ стороннихъ лицъ, для переписки и другихъ порученій по дѣламъ Общества.

§ 22.

Въ случаѣ болѣзни или отлучки Предсѣдателя и Секретаря, правами ихъ пользуются и обязанности ихъ исполняютъ Временные Предсѣдатель и Секретарь, избираемые на одинъ годъ. Въ присутствіи Предсѣдателя и Секретаря Временные Предсѣдатель и Секретарь имѣютъ лишь права, принадлежащія Дѣйствительнымъ Членамъ.

§ 23.

Казначей имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи казну Общества, по опредѣленію коего выдаетъ и получаетъ деньги на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Книга прихода-расходная, скрѣпленная по листамъ Предсѣдателемъ и Секретаремъ, хранится у Казначея.

2) Деньги, поступающія въ Общество, принимаетъ на время отъ членовъ (въ томъ числѣ и Казначей) Секретарь, обязанный доносить объ этомъ Обществу въ ближайшемъ засѣданіи; въ томъ же засѣданіи онъ передаетъ ихъ Казначей и получаетъ отъ него росписку въ принятіи, которая и остается у Секретаря.

3) Казначей не расходуетъ денегъ иначе, какъ по письменному разрѣшенію Предсѣдателя или по счету, утвержденному Предсѣдателемъ надписью его: „выдать“. Этотъ приказъ или счетъ остаются у Казначей.

5) Не менѣ двухъ третей суммъ, принадлежащихъ Обществу, должны находиться въ Государственномъ Банкѣ, для приращенія процентами. Отъ Общества зависитъ опредѣлить, согласно правиламъ Банка, какъ способъ взноса денегъ, такъ и порядокъ полученія оныхъ изъ Банка.

6) Всѣ суммы, принадлежащія Обществу, принятія на время Секретаремъ или окончательно Казначеемъ, хранятся у принявшаго оныя на личной его отвѣтственности.

Примѣчаніе. Какъ Секретарю, такъ и Казначей не воспрещается, въ случаѣ внезапной ихъ отлучки изъ Москвы, передавать на время для хранения имѣющіяся у нихъ суммы Общества; но отвѣтственность за оныя остается по прежнему на Секретарѣ или Казначей. Во всякомъ случаѣ Секретарь или Казначей долженъ извѣстить одно изъ наличныхъ должностныхъ лицъ Общества какъ о внезапномъ своемъ отъѣздѣ, такъ и о томъ, гдѣ или у кого оставлены имъ счета и деньги Общества.

§ 24.

Для редакціи изданій Общества и для приготовленія публичныхъ его засѣданій полагаются состоящіе изъ Дѣйствительныхъ Членовъ онаго Комитеты: *Редакціонные* и *Приготовительный*, а для обсуждения разныхъ возникающихъ въ Обществѣ вопросовъ, могутъ быть назначаемы каждый разъ изъ Дѣйствительныхъ же Членовъ *Временныя Комиссіи*.

§ 25.

Редакціонные Комитеты и Временныя Комиссіи состоятъ не менѣ какъ изъ трехъ членовъ, при чемъ Общество можетъ назначать сроки для ихъ занятій.

§ 26.

Приготовительный Комитетъ составляютъ должностныя лица, Временные Предсѣдатель и Секретарь, и сверхъ того два Дѣйствительные Члена, избираемые на одинъ годъ.

§ 27.

При выборѣ какъ въ должностныя лица, такъ и въ члены Комитетовъ и Коммиссій, членъ, получившій по закрытымъ запискамъ наибольшее число голосовъ, считается окончательно избраннымъ, если это число составляетъ большинство наличныхъ голосовъ; если же такого большинства не состоялось, то члены, получившіе наибольшее число голосовъ, подвергаются балотировкѣ шарами и затѣмъ избраннымъ долженъ почитаться тотъ, кто получитъ большинство шаровъ присутствующихъ членовъ.

О ЗАНЯТІЯХЪ ОБЩЕСТВА.

§ 28.

Занятія Общества состоятъ въ разсматриваніи поступающихъ въ оное сочиненій и матеріаловъ, публичномъ ихъ чтеніи и изданіи. Сверхъ того Общество изыскиваетъ всѣ средства къ достиженію своей цѣли (§ 1), какъ-то: предлагаетъ на рѣшеніе задачи и даетъ награды за сочиненія, признанныя лучшими; способствуетъ чтенію публичныхъ лекцій; назначаетъ стипендіата по Историко-Филологическому факультету Московскаго Университета на учрежденную Обществомъ (въ 1821 г.) стипендію, и т. под.

§ 29.

Поступающіе въ Общество сочиненія и матеріалы передаются для предварительнаго разсмотрѣнія въ Приготовительный Комитетъ, который опредѣляетъ, какіе изъ нихъ могутъ быть читаны въ публичныхъ засѣданіяхъ Общества, остальные же, а равно и читанные въ публичныхъ засѣданіяхъ передаетъ въ Редакціонныя Комитеты по принадлежности.

§ 30.

Независимо отъ статей, поступающихъ вышеизложеннымъ способомъ въ Редакціонные Комитеты, имъ предоставляется вступать въ соглашеніе какъ съ членами Общества, такъ и съ посторонними лицами, съ цѣлью доставить порученнымъ ихъ попеченію изданіямъ возможное улучшеніе. Статьи, признанныя Редакціонными Комитетами удобными для публичныхъ чтеній въ Обществѣ, сообщаются ими въ Приготовительный Комитетъ, на его заключеніе.

§ 31.

Обо всѣхъ сочиненіяхъ и статьяхъ, заслуживающихъ, по опредѣленію Редакціонныхъ Комитетовъ, быть изданными, Комитеты доводятъ до свѣдѣнія Общества, которое если одобритъ оныя, то поручаетъ Комитету приступить къ ихъ напечатанію.

§ 32.

Сочиненія, одобренныя на семъ основаніи къ изданію, печатаются на издженіе Общества, выпускаются же въ свѣтъ лишь по разсмотрѣніи и подписаніи всѣхъ листовъ изданія избраннымъ для сего отъ Общества *ответственнымъ* лицомъ изъ числа Дѣйствительныхъ Членовъ.

§ 33.

При изданіи доставленныхъ въ Общество сочиненій и матеріаловъ какъ членами онаго, такъ и сторонними лицами, въ ихъ пользу предоставляется триста экземпляровъ тѣхъ или другихъ; если же авторъ статьи или доставитель матеріала пожелаетъ получить болѣе трехъ сотъ оттисковъ, то онъ обязанъ доставить въ типографію потребную для излишняго числа оттисковъ бумагу, печатаніе же производится на счетъ Общества.

§ 34.

Сочиненія и матеріалы, напечатанныя въ изданіяхъ Общества, состоятъ въ распоряженіи онаго; но сочинитель или доставившій матеріалы не лишается права вновь напечатать ихъ гдѣ пожелаетъ въ томъ же видѣ или съ перемѣнами.

§ 35.

Выручаемыя деньги за всё издаваемыя отъ Общества книги присоединяются къ капиталу Общества.

О ЗАСѢДАНІЯХЪ ОБЩЕСТВА.**§ 36.**

Общество имѣеть засѣданія не менѣе одного раза въ мѣсяцъ, кромѣ Іюня, Іюля и Августа. Время засѣданій назначается Предсѣдателемъ.

§ 37.

Обыкновенныя засѣданія могутъ быть или при собраніи членовъ и посѣтителей, или только при членахъ. Въ обоихъ случаяхъ члены приглашаются особыми повѣстками; сверхъ того о каждомъ засѣданіи печатается объявленіе въ Московскихъ Вѣдомостяхъ; публика же допускается не иначе какъ по билетамъ, о выдачѣ коихъ печатается каждый разъ особо въ объявленіи о засѣданіяхъ.

§ 38.

Статьи, имѣющія быть читанными въ присутствіи публики, а также предметы, подлежащіе публичному обсужденію, назначаются въ засѣданіяхъ Приготовительнаго Комитета.

§ 39.

Ежегодно одинъ разъ, въ концѣ Декабря, бываетъ засѣданіе для выбора должностныхъ лицъ, Временныхъ Предсѣдателя и Секретаря и Почетныхъ Членовъ. Выборы въ сего засѣданія допускаются лишь въ томъ случаѣ, если кто либо изъ лицъ, занимающихъ по Обществу должность, или же званіе Временнаго Предсѣдателя или Временнаго Секретаря, выбудеть по какой либо причинѣ; но при семъ срокъ, на который дѣлается такой выборъ, ограничивается временемъ, оставшимся для исправленія выбывающимъ лицомъ занимаемыхъ имъ должности или званія.

§ 40.

Вслѣдъ за засѣданіемъ, назначаемымъ для выборовъ, въ концѣ же Декабря каждаго года, назначается торжественное собраніе. Въ немъ, сверхъ чтенія разныхъ сочиненій, дается краткій отчетъ обо всѣхъ дѣйствіяхъ Общества въ теченіе года, списокъ съ коего препровождается въ Совѣтъ Московскаго Университета. Въ томъ же засѣданіи объявляется о выбранныхъ должностныхъ лицахъ и провозглашаются имена вновь выбранныхъ Почетныхъ Членовъ; предлагаются на рѣшеніе задачи и даются награды за сочиненія, признанныя лучшими.

§ 41.

Предметы и очередь занятій въ засѣданіяхъ назначаются Предсѣдателемъ. Онъ руководствуетъ преніями и наблюдаетъ за сохраненіемъ порядка.

§ 42.

Каждому засѣданію составляется Секретаремъ протоколъ, который прочитывается въ ближайшее засѣданіе и подписывается присутствовавшими тогда членами, а извлеченіе изъ онаго печатается въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

О ДОПОЛНЕНІЯХЪ УСТАВА.

§ 43.

Если въ продолженіи времени окажется надобность перемѣнить нѣкоторыя статьи сего Устава или дополнить его новыми, то по одобреніи сихъ послѣднихъ не менѣе какъ двумя третями наличныхъ членовъ и по утвержденіи Министромъ Народнаго Просвѣщенія, присоединяются оныя къ сему же Уставу.

СПИСОКЪ

ЧЛЕНОВЪ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

(по 1-е апрѣля 1867 г.).

А. ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ ПО СТАРШИНСТВУ ВСТУПЛЕНІЯ.

20-го Декабря 1819.

1. Иванъ Ивановичъ Лажечниковъ.
2. Иванъ Михайловичъ Снегиревъ.

8-го Марта 1821.

3. Степанъ Алексѣевичъ Масловъ.
4. Петръ Александровичъ Новиковъ.

7-го Сентября 1827.

5. Павелъ Михайловичъ Строевъ.

18-го Юля 1828.

6. Дмитрій Петровичъ Ознобишинъ.

15-го Марта 1829.

7. Алексѣй Михайловичъ Кубаревъ.
8. Александръ Гавриловичъ Ротчевъ.
9. Антонъ Францовичъ Томашевскій.

30-го Марта 1829.

10. Александръ Матвѣевичъ Гавриловъ.

11-го Юля 1832.

11. Алексѣй Зиновьевичъ Зиновьевъ.

7-го Ноября 1833.

12. Александръ Ѳомичъ Вельтманъ.
13. Михаилъ Александровичъ Максимовичъ.
41. Андрей Николаевичъ Муравьевъ.

15. Александръ Васильевичъ Никитенко.
16. Бнязь Владиміръ Федоровичъ Одоевской.
17. Дмитрій Матвѣевичъ Перевощиковъ.
18. Федоръ Федоровичъ Сидонскій.

30-го Ноября 1834.

19. Кузьма Васильевичъ Лебедевъ.

30-го Января 1837.

20. Павелъ Александровичъ Мухановъ.

10-го Ноября 1858.

21. Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ.
22. Петръ Алексѣевичъ Безсоновъ.
23. Николай Васильевичъ Бергъ
24. Осипъ Максимовичъ Бодянский.
25. Никита Петровичъ Гиляровъ-Платоновъ.
26. Александръ Васильевичъ Горскій.
27. Михаилъ Никифоровичъ Катковъ.
28. Михаилъ Николаевичъ Лонгиновъ.
29. Федоръ Богдановичъ Миллеръ.
30. Дмитрій Егоровичъ Минъ.
31. Александръ Николаевичъ Островскій.
32. Сергѣй Дмитриевичъ Полторацкій.
33. Юрій Федоровичъ Самаринъ.
34. Сергѣй Александровичъ Соболевскій.
35. Николай Васильевичъ Сушковъ.

21-го Января 1859.

36. Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ.
37. Федоръ Ивановичъ Тютчевъ.

28-го Января 1859.

38. Петръ Ивановичъ Бартеневъ.
39. Федоръ Ивановичъ Буслаевъ.
40. Александръ Ивановичъ Кошелевъ.
41. Николай Федоровичъ Фонъ-Крузе.
42. Измаиль Ивановичъ Срезневскій.
43. Графъ Левъ Николаевичъ Толстой.
44. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.
45. Григорій Ефимовичъ Щуровскій.

4-го Февраля 1859.

46. Графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ.

11 Февраля 1859.

74. Василій Петровичъ Боткинъ.

48. Алексѣй Теофилактовичъ Писемскій.

49. Аѳанасій Аѳанасьевичъ Фетъ.

4-го Марта 1859.

50. Иванъ Кондратьевичъ Бабстъ.

51. Григорій Николаевичъ Геннади.

52. Яковъ Карловичъ Гротъ.

53. Владиміръ Ивановичъ Даль.

54. Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ.

55. Графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой.

56. Фѳодоръ Васильевичъ Чижовъ.

57. Николай Фѳодоровичъ Щербина.

29-го Апрѳля 1859.

58. Алексѣй Михайловичъ Жемчужниковъ.

59. Александръ Николаевичъ Поповъ.

60. Князь Владиміръ Александровичъ Черкасскій.

28-го Октябрю 1859.

61. Николай Васильевичъ Гербель.

19-го Декабрю 1859.

62. Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ.

27-го Января 1860.

63. Александръ Фѳодоровичъ Гильфердингъ.

64. Аполлонъ Николаевичъ Майковъ.

29-го Февраля 1860.

65. Аполлонъ Александровичъ Майковъ.

15-го Марта 1860.

66. Николай Аркадьевичъ Ригельманъ.

23-го Марта 1860.

67. Василій Алексѣевичъ Елагинъ.

68. Яковъ Петровичъ Полонскій.

6-го Апрѳля 1860.

69. Николай Алексѣевичъ Елагинъ.

70. Владиміръ Ивановичъ Ламанскій.

4-го Февраля 1861.

71. Михаилъ Петровичъ Полуденскій.

15-го Мая 1861.

72. Иванъ Дмитріевичъ Бѳляевъ.

14-го Октябрю 1861.

73. Павелъ Николаевичъ Рыбниковъ.

21-го Марта 1862.

74. Василий Николаевич Лешковъ.

75. Памфилъ Даниловичъ Юркевичъ.

21-го Апрелья 1862.

76. Николай Васильевичъ Путята.

3-го Ноябрья 1862.

77. Петръ Алексѣевичъ Лавровскій.

16-го Октября 1863.

78. Алексѣй Егоровичъ Викторовъ.

79. Степанъ Александровичъ Гедеоновъ.

80. Михаилъ Осиповичъ Бояловичъ.

81. Николай Савичъ Тихонравовъ.

30-го Октября 1863.

82. Сергій Ивановичъ Баршевъ.

25-го Января 1864.

83. Александръ Николаевичъ Аванасьевъ.

24-го Ноябрья 1864.

84. Николай Александровичъ Чаевъ.

85. Никита Осиповичъ Эминъ.

9-го Января 1865.

86. Дмитрій Ивановичъ Иловайскій.

29-го Января 1865.

87. Борисъ Николаевичъ Алмазовъ.

88. Николай Васильевичъ Балачовъ.

42-го Февраля 1865.

89. Князь Николай Андреевичъ Цертелевъ.

13-го Марта 1865.

90. Александръ Александровичъ Котляревскій.

91. Графъ Владиміръ Александровичъ Соллогубъ.

5-го Мая 1865.

92. Николай Дмитриевичъ Мизко.

93. Нилъ Александровичъ Поповъ.

10-го Ноябрья 1865.

94. Капитонъ Ивановичъ Невоструевъ.

1-го Декабря 1865.

95. Петръ Барловичъ Щебальскій.

26-го Января 1866.

96. Павелъ Васильевичъ Анненковъ.

67. Петръ Александровичъ Ефремовъ.

13 Января 1867.

98. Князь Григорій Васильевичъ Бугушевъ.

9 Марта 1867.

99. Павелъ Ивановичъ Мельниковъ.

Б. ПОЧТЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПО СТАРШИНСТВУ ВСТУПЛЕНИЯ.

30-го Марта 1818.

1. Высокопреосвященнѣйшій Филаретъ, Митрополитъ Московскій.

14-го Марта 1836.

2. Графъ Сергій Григорьевичъ Строгоновъ.

11-го Февраля 1859.

3. Каролина Карловна Павлова.

4-го Марта 1859.

4. Графиня Елизавета Васильевна Сальясъ.

1-го Апрѣля 1859.

5. Антошъ Эдуардовичъ Одынецъ.

6. Иванъ Ивановичъ Смоляръ.

15-го Апрѣля 1859.

7. Софья Владиміровна Энгельгардтъ.

18 Февраля 1866.

8. Бнязь Петръ Андреевичъ Вяземскій (Д. Ч. съ 26 Февр. 1816)

9. Федоръ Николаевичъ Глинка (Д. Ч. съ 26 Февр. 1816).

10. Михаилъ Петровичъ Погодинъ (Д. Ч. съ 7 Сент. 1827).

16 Декабря 1866.

11. Преосвященный Макарій, архіепископъ Харьковскій.

12. Францискъ Іосифовичъ Палацкій.

ДОЛЖНОСТНЫЯ ЛИЦА

ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ИЗЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫХЪ ЧЛЕНОВЪ.

Предсѣдатель.

Николай Васильевичъ Калачовъ.

Секретарь и Библиотечарь.

Петръ Карловичъ Щебальскій.

Казначей.

Михаилъ Петровичъ Полуденскій.

Временный Предсѣдатель.

Николай Васильевичъ Путята.

Временный Секретарь.

Нилъ Александровичъ Поповъ.

Члены пригласительнаго собранія.

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ.

Дмитрій Ивановичъ Иловайскій.

Члены редакціонныхъ комитетовъ.

Александръ Николаевичъ Аванасьевъ.

Николай Васильевичъ Калачовъ.

Александръ Александровичъ Котляревскій.

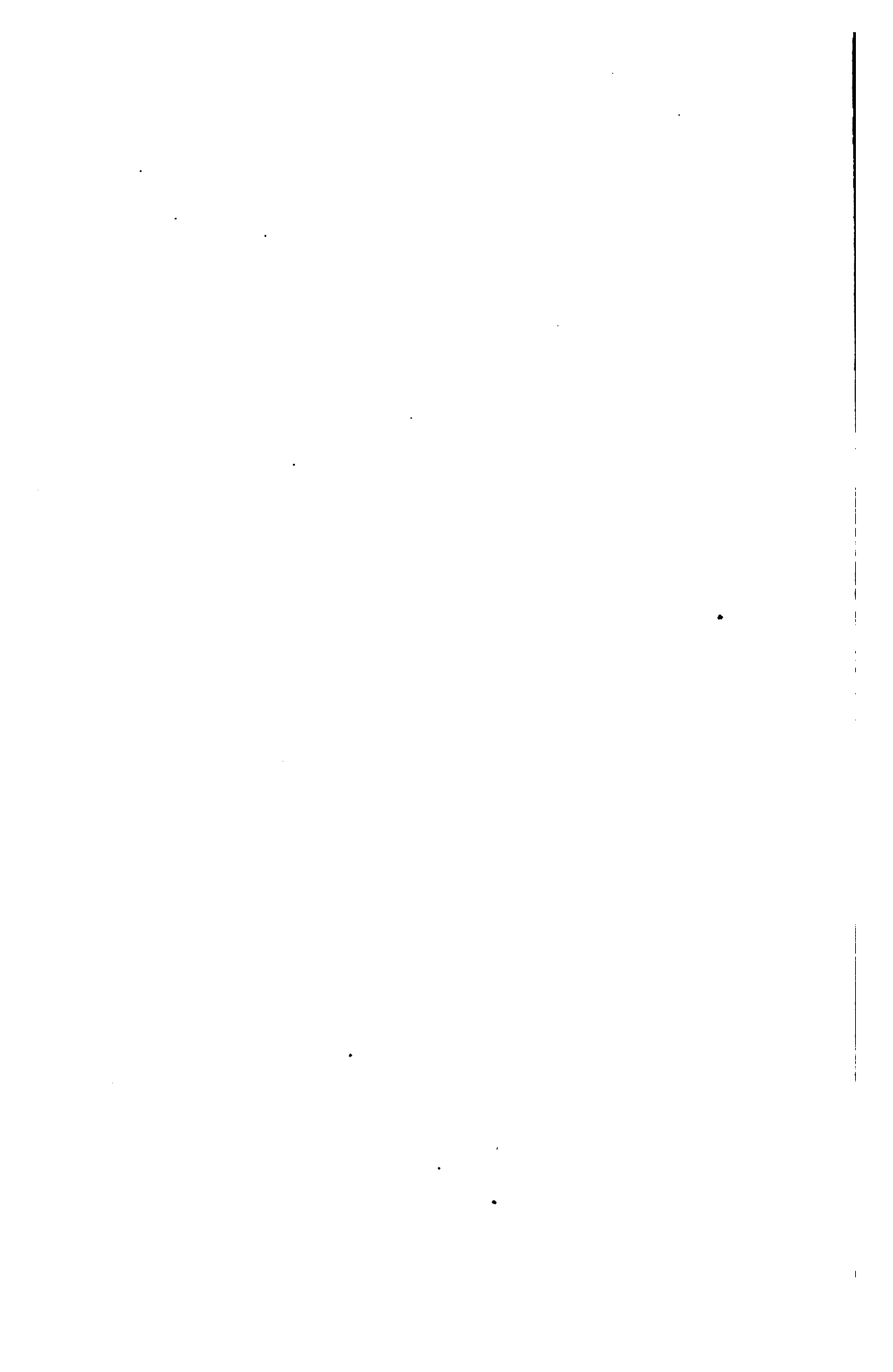
Михаилъ Петровичъ Полуденскій.

Нилъ Александровичъ Поповъ.

Николай Васильевичъ Путята.

Сергѣй Александровичъ Соболевскій.

Графъ Владиміръ Александровичъ Соллогубъ.

О ЗНАЧЕНИИ КАРАМЗИНА ВЪ ИСТОРИИ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

Имя Карамзина не принадлежит къ числу именъ болѣе или менѣе известныхъ у насъ юристовъ. Но исторія русскаго законодательства не можетъ пройти молчаніемъ: труды нашего перваго историка въ собственномъ значеніи этого слова, который въ числѣ общихъ историческихъ матеріаловъ указалъ и даже отчасти объяснилъ и многіе источники русскаго права, оставшіеся до него неизвѣстными; нашего перваго журналиста, заявившаго въ стихахъ и прозѣ о высшемъ значеніи закона и правосудія для государства; перваго не официальнаго критика, смѣло обсеуждавшаго государственныя реформы и законодательныя проекты начала царствованія Александра I; наконецъ нашего единственнаго писателя, который, благодаря своему даровитому перу и знаніямъ и конечно еще болѣе своему благородному характеру, стоялъ такъ близко къ престолу, что по временамъ съ своимъ ходатайствомъ и политическими совѣтами непосредственно обращался къ государю, по временамъ же его редакція перуталась наиболѣе важными государственными бумагами. Изъ этихъ краткихъ указаній на значеніе Карамзина въ исторіи русскаго законодательства очевидно, что въ настоящій торжественный день и юристы могутъ считать себя въ правѣ сказать свое слово въ честь славнаго имени историка.

Обращаясь къ первому отдѣлу дѣятельности Карамзина, мы невольно должны начать, чтобы отдать ему справедливость, съ сѣтованія, что у насъ нѣтъ до сихъ поръ со-

чинения, которое обозрвало бы въ надлежащей полнотѣ, соответственно уже обнародованнымъ источникамъ, и съ достаточнымъ разъясненіемъ фактовъ, соответственно началамъ, выработаннымъ новѣйшею критикой, происхождение и постепенное развитіе какъ нашего права, такъ въ особенности памятниковъ законодательства разнаго времени въ ихъ взаимной связи и отношеніяхъ къ быту государственному и народному. Отдѣльныя, спеціальныя монографіи, изъ коихъ многія, безъ сомнѣнія, заслуживаютъ одобренія, не могутъ замѣнить такого пробѣла. Этого мало: у насъ даже нѣтъ хорошаго сколько-нибудь полнаго собранія памятниковъ законодательства, имѣвшихъ силу до Уложения царя Александра Михайловича. Вотъ почему, чтобы вліянуть въ положительное движеніе юридической жизни древней Россіи, мы должны доселѣ обращаться главнымъ образомъ къ коллекціямъ по русской исторіи, изъ коихъ, несмотря на извѣстныя оговорки, въ отношеніи къ ней и нашимъ изыскателямъ со второй четверти нынѣшняго столѣтія и особенно въ послѣднее время *Домана Государства Россійскаго* еще занимають не только до таланту автора, но и по историческимъ его приемамъ самое видное мѣсто. Въ обширныхъ и часто, общирныхъ юридическихъ и историческомъ трудѣ, рядомъ съ обнародованіемъ новыхъ юридическихъ памятниковъ, разрабатываются юридическія думашкія, истолкованія, объясненія, какъ значенія, такъ въ общемъ, такъ и юридическомъ видѣ, выраженія, что, одно изъвлеченіе и составленіе, въ систематической связи находящихся здѣсь данныхъ доставлять по мнѣнію нашему, весьма важный материалъ, весьма занимающіея русскимъ правомъ. Въ настѣящемъ рецензирани мы не можемъ взять на себя такой обязанности, но, считаясь, должно подтвердить справедливость нашихъ словъ, по крайней мѣрѣ былыми указаніемъ на тѣ законодательные памятники, которые были впервые обнародованы. Карамзинскимъ и отчасти на характеръ значеніе данныхъ, имъ объясненій ихъ со- державленія и т. д. Вѣдному началу своей исторіи Карамзину предлежало разсмотрѣть три разряда документовъ, разнородныхъ па-

мятниковъ законодательной дѣятельности нашихъ князей, именно договоры съ Греками, церковные уставы и Русскую Правду. Первые были уже до него не одинъ разъ изданы и объясняемы, и потому, признавая ихъ драгоценнѣйшими и древнѣйшими памятниками русской исторіи, онъ ограничился изложеніемъ въ ея текстѣ ихъ содержанія, а въ примѣчаніяхъ—объясненіемъ нѣкоторыхъ встрѣчающихся въ нихъ выраженій и словъ. За то уставы о церковныхъ судахъ напечатаны имъ вполне: Уставъ Св. Владимира впервые по списку Синодальной Канцеляріи XIII вѣка, а уставъ Ярослава по собственному его списку XVI столѣтія. Оба эти устава, равно какъ и уставъ Галицкаго князя Льва, онъ признаетъ подложными и преимущественно съ этой точки разсматриваетъ въ нихъ нѣкоторыя мѣста, возбуждающія сомнѣніе филолога и историка. Новѣйшая критика представила довольно убѣдительные доводы въ опроверженіе этихъ сомнѣній: она доказала, что подновеніе текста уставовъ въ томъ видѣ, какой они могли имѣть первоначально, подъ вліяніемъ практическихъ потребностей, скорѣе говоритъ въ пользу ихъ повсемѣстнаго дѣйствія, чѣмъ опровергаетъ возможность изданія ихъ тѣми князьями, которымъ они приписываются; то же обстоятельство, что до насъ не дошли подлинники X и XI вѣковъ, самъ Карамзинъ не считаетъ препятствіемъ къ признанію достовѣрности другихъ памятниковъ. Но въ частности критика еще не исполнила свое дѣло въ отношеніи къ отдѣльнымъ возраженіямъ Карамзина: ей предстоитъ уяснить, насколько дошедшіе до насъ списки означенныхъ уставовъ отъ XIII до XVII столѣтія включительно действительно соответствуютъ каждый тому столѣтію, къ которому приурочиваются ихъ подлинники, въ отношеніи языка, юридическаго быта и другихъ условій общественной и частной жизни, и наоборотъ, насколько они заключаютъ въ себѣ подновленій, вызванныхъ потребностями того или другаго столѣтія. Слѣдовательно въ примѣчаніяхъ къ исторіи Карамзина изслѣдователи этихъ уставовъ найдутъ еще пригодный матеріалъ для своихъ соображеній и выводовъ. Къ сожалѣнію, уставъ о церковныхъ судахъ князя Всеволода-

ражений и словъ и въ томъ числѣ такихъ, которыхъ значеніе еще и теперь не вполне определено историками и юристами.

Съ Іоанна III-го, когда начинаются наши дипломатическія сношенія съ иностранными государствами, Карамзинъ предлагаетъ выписки изъ заключенныхъ съ ними договоровъ и о бывшихъ съ нами сношеніяхъ по рукописямъ Московскаго архива, иностранной коллегіи — нынѣшняго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ VI-мъ и слѣдующихъ томахъ своей исторіи, онъ ссылается непрерывно на дѣла царскія или австрійскія, польскія, ливонскія, крымскія, турецкія, греческія, пацскія и проч. Тому, кто имѣлъ случай обозрѣвать эту массу памятниковъ дипломатическихъ сношеній, завѣщанныхъ намъ нашими предками, изъ коихъ напечатанныя недавно сношенія съ однимъ лишь дворомъ до ХУІІ вѣка, наполняютъ семь большихъ томовъ, легко составить себѣ понятіе о томъ, сколько терпѣнія и любви къ своему труду долженъ былъ имѣть Карамзинъ, чтобы перечесть и усвоить себѣ всѣ эти дѣла. Но рассказъ о дипломатическихъ сношеніяхъ онъ велъ параллельно и въ связи съ описаніемъ внутреннихъ событій: эти послѣднія онъ черпалъ изъ груди другихъ рукописей, въ числѣ которыхъ вниманіе юристовъ обращаютъ на себя Судебники, обоихъ Іоанновъ съ дополнительными къ нимъ статьями, Соборныя дѣянія и между ними Стоглавъ, книги Помѣстнаго Приказа, разметныя и сошное письмо, множество грамотъ, чины на разные поставленія, присяги, дѣла судебныя. Какой завѣдомый міръ минулаго юридическаго бытія долженъ былъ представляться современному Карамзину читателямъ его Исторіи, можно судить изъ того, что напр. съ писцовыми книгами мы стали знакомиться ближе только съ 50-хъ годовъ, когда начались ихъ издаванія; что Стоглавъ напечатанъ у насъ только лишь дѣсять лѣтъ тому назадъ, а книги Помѣстнаго Приказа, можно сказать, до сихъ поръ почти не тронуты.

Сообщивъ знаменитые указы объ утвержденіи крестьянъ и подьячій насъ впервые съ грамотами, данною во время междоусобія вѣдани Московскаго Государства князю

Грубешову, Зарудному, Лядунову на управление земскими дьяками Карамзинъ умоляетъ. Но мы не можемъ растать- ся съ старою исторіей, не упомянувъ объ оставленномъ имъ завѣтѣ юристамъ, что они не должны думать, будто ровы- сканіе новыхъ рукописей, въ виду огромнаго количества уже изданныхъ матеріаловъ, не можетъ быть и для нихъ полезно: въ одномъ изъ своихъ примѣчаній (т. III, ст. 222) Карамзинъ совершенно случайно упоминаетъ объ указѣ, разосланномъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1654 г. ко всѣмъ воеводамъ съ выписками изъ греческихъ законовъ Помо- канона съ тѣмъ, чтобъ они судили по немъ дѣла уголов- ныя и общается представлять этотъ достопамятный указъ при изложеніи событій XVII в. Несмотря на то, что сви- дѣтельство Карамзина о бывшемъ у насъ приращеніи гре- ческихъ свѣтскихъ или такъ-называемыхъ гражданскихъ зако- новъ подтверждается соборными дѣянiami и другими акта- ми времени Алексѣя Михайловича и ближайшихъ его пре- славныхъ, мы все же успѣли найти упоминаемый имъ указъ, такъ точно, какъ прежде не разискали, и многіе другіе юри- стическіе памятники, некоторые изъ которыхъ мы помѣстили въ «Историче- скихъ и другихъ дошедшихъ до насъ памятникахъ».

Отъ Маравицкаго исследователя переходимъ къ повѣи, жур- нальнику: отъ Библотаго, кнѣзя изложилъ его, возвернулъ на право присутствія въ поведеніи государственныхъ учреждений, предсѣдатель дѣлъ въ министерствѣ XIX ст., а главнымъ образомъ законодательными проектами, обсуждавшимися въ то время въ Государственномъ совѣтѣ.

Муль везти и доде, Карамзинъ имѣлъ истинное понятие о вѣрономъ и правотѣ, и потому считалъ необходимымъ возвести вѣрованіе ихъ въ Россіи съ одной стороны при- миреніемъ, а вѣрованіемъ чуждымъ Государствѣ, а съ другой — ладаніемъ вѣрономъ, чтобъ утвердить достоинство ихъ въ народѣ: Россіи вѣла монархическаго правленія и строгій до- сѣдователь, имѣя однако, съ жаромъ правознать свободу подданнаго, какъ и вѣрономъ, лишь бы одна не выводитъ насъ предѣловъ, точнаго подчиненія вѣрковой власти, самую же прочною и твердую опору этой власти признаетъ ува- женіе и любовь въ Государствѣ свободнаго народа. На этотъ

внѣ Сперанскому оставить Слово Законовъ въ основа-
ннхъ узаконеній, изданныхъ съ Указами, и когда Сперанскій
горячо принялся въ эту работу, Карамзинъ, находясь въ
уже на смертномъ одрѣ, приветствовалъ ея душевнымъ ра-
достью начало великаго труда, который долженъ былъ обе-
смертнѣть и Императора Николая и Сперанскаго *).

Но въ чемъ заключались перемены Карамзинныя преде-
лами новыхъ уставовъ? На едоговно эти перемены дѣй-
ствительно вѣрны или ложны, и могутъ ли они принести
какую-либо пользу настоящимъ и будущимъ составителямъ
указовъ-законовъ? Вотъ тѣ вопросы, которые мы не счита-
емъ себя въ правѣ обойти, остановившись на замечанъ о
древней и новой Россіи.

Карамзинъ, сказали мы, былъ не юристъ, но онъ былъ
историкъ, и въ этомъ отношеніи его знанія отечественныхъ
законовъ и развитія народной жизни не могли остаться
безплодными и въ думаніяхъ пратикъ. Какъ не юристъ,
онъ могъ не знать или по крайней мѣрѣ не дознаваться цел-
къ ясно, что есть такіе законы, которыя должны лежать въ
основѣ юридическихъ убжденій всѣхъ народовъ; что эти
начала не намѣняются ни временемъ, ни мѣтлою, и если
установлены въ науку и въ пратикъ, то они одного на-
рода, то какъ древнѣе наследіе переходятъ въ дру-
гую народность; что законы эти дѣются не какою-либо
государств., а вырабатываются жгжно и молушесиван-
нымъ вліаніемъ духа времени и цивилизаціи, вносятся въ
уставы даже тѣхъ законодателей, которые менѣе всего о
домъ думаютъ. Такъ обогатились наши древніе законы не-
чуждыми, заимствованными римскими правами, такъ въ новѣй-
шее время не скажемъ Сперанскій, а наука внесла въ наши
Слово Законовъ въкоторыя изъ тѣхъ началъ, благодаря ко-
торымъ французское гражданское законодѣніе стало во гла-
вѣ всѣхъ другихъ гражданскихъ кодексовъ. Если такъ, то
придаться ли составителямъ законовъ, которые переносятъ
на свою почву результаты, приобретенныя вѣковыми уч-

* Это было 21-го марта 1810 года. См. Разсказы К. О. Сербиновича,
въ сочиненіи М. Д. Погодина: *Н. М. Карамзинъ*, в. 2, стр. 485—6.

лями других народов и трудами многих поколений юристов? Конечно, при таком направленіи законодательной деятельности могутъ быть, а иногда и неизбежны ошибки; но если начало, усвоенное теоріей и практикой извѣстнаго народа, если учрежденія, ему принятыя, не только не теряютъ силу въ теченіе времени, а напротивъ укореняются, то есть полное основаніе думать, что они не суть порожденіе мечтательнаго умозрѣнія. Однако усвоеніе каждымъ народомъ въ отдаленности общечеловѣческихъ началъ не мешаетъ ему развивать и обновлять свои собственные юридическія убѣжденія; мы скажемъ, даже болѣе: подъ стѣнкой тѣмъ надежнѣе вырастаетъ и утверждается национальное право, изученіе котораго и составляетъ главную обязанность юристовъ, призванныхъ къ законодательнымъ работамъ въ своемъ отечествѣ. Для Карамзина это различіе юридическихъ началъ — повторяемъ — не было достаточно ясно; онъ порицаетъ наприм. въ своей запискѣ учрежденіе министерствъ и государственнаго совѣта, но не потому, чтобы признавалъ коллегии болѣе соответствующими вышедшему управленію государствомъ, а потому что въ нихъ трудились знаменитые сановники, а въ министерствахъ действуют чиновники мелочатные: директоры, экспедиторы; и т. д. потому что министры стали между Государемъ и народомъ, заслоняя сенатъ; потому наконецъ, что Государю самодержавному, будто бы неужно мнѣніе никакого высшаго совѣта; порицаетъ указы, запрещающіе покушать и продавать рекрутовъ, и предположеніе о дарованіи свободы, помѣщичьимъ крестьянамъ; но при этомъ забываетъ о высокомъ значеніи свободы человека, на которое самъ указывалъ прежде, увлекаясь съ одной стороны выгодами, нація доставляетъ помѣщичьимъ имѣніямъ продажа негодныхъ людей въ рекруты для удержанія трудолюбивыхъ и зажиточныхъ крестьянъ, а съ другой хорошимъ положеніемъ некоторыхъ селеній, двѣтущихъ и подъ управленіемъ помещиковъ; порицаетъ положеніе въ основу новыхъ учрежденій различныя различныя степеней управленія и оправдываетъ это порицаніе равною подмошностью злоупотреблять властью какъ при соединеніи всѣхъ отраслей въ однихъ ру-

нахъ, такъ и при порученіи каждой изъ нихъ отдѣльному вѣдомству, да примѣромъ древней Россіи, въ которой всѣ власти соединились въ лицѣ наместника. Не указываемъ на такое же противорѣчіе въ возраженіяхъ Карамзина относительно другихъ узаконеній и проектовъ началъ, уже утвердившихся въ его время въ наукѣ и практикѣ, единственно съ точки зрѣнія неудобства ихъ для отдѣльныхъ лицъ и случаевъ. Тѣхъ, кто эти въ интересуетъ, просимъ обратиться въ сочиненію барона Корфа: *Жизнь графа Сперанскаго*, гдѣ выиснены частію авторомъ, частію же словами самого Сперанскаго слабыя стороны критики Карамзина, которыхъ мы здѣсь не коснулись, именно въ отношеніи указа объ экзаменахъ для полученія чиновъ коллежскаго ассессора и статскаго совѣтника, въ отношеніи преобразованій по части финансовой и въ отношеніи государственнаго хозяйства вообще. Замѣтимъ однако, что время, ясно сознавшаго государственныя и народныя потребности и новѣйшія преобразованія оправдала тѣ начала, противъ которыхъ ратовалъ здѣсь Карамзинъ: существованіе министерствъ и государственнаго совѣта не заслонило народа отъ Государя и не лишило сената высокаго его значенія. Положеніями 19-го февраля 1861 года крестьянамъ пожизненнымъ, а за тѣмъ и другихъ вѣдомствъ дарована свобода; положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ всѣ классы народа одинаково призваны къ самостоятельному развитію; наконецъ судебными уставами, приводимыми нынѣ въ дѣйствіе, судъ окончательно отдѣленъ отъ администраціи и при этомъ сенату дана такая власть, которая не будетъ принадлежать никакому другому учрежденію въ государствѣ. Передъ величіемъ и уже оказавшеюся пользою этихъ преобразованій должны умолкнуть всѣ поднятыя противъ нихъ порицанія со стороны отдѣльныхъ лицъ и частныхъ неудобствъ.

Не таковы, напротивъ, сужденія Карамзина какъ историка. Въ эти сужденія онъ внесъ не только пламенное желаніе добра своему отечеству и требованія здравомыслящаго человѣка, но и положительныя данныя, сподвигнувшія, что осмотрительное и всестороннее обсужденіе проектовъ новыхъ уставовъ не противорѣчитъ значенію и

правамъ верховной власти, и именно у насъ оправдывает-
ся примѣромъ лучшихъ нашихъ государей и что при этомъ
коренные отечественные законы не могутъ и не должны
быть пренебрегаемы въ угоду, не говоря о скороспѣльныхъ
теоріяхъ, но даже и о болѣе разумныхъ, но національныхъ
уставахъ другихъ государствъ. Мысли, высказанныя въ
Карамзинскомъ, уже получивъ отчасти осуществленіе; но
предложенный имъ точный планъ разработки нашихъ за-
коновъ, составленія имъ свода, а также и изданія Уложе-
нія: еще далеко отъ исполненія. Вотъ почему считаемъ дол-
гомъ разсмотрѣть съ особеннымъ вниманіемъ софты; за-
бытныя намъ въ этомъ отношеніи историкомъ:

Указывая на неслыханное кинимъ введеніе въ Россію у-
чрежденія министерствъ и государственнаго совѣта, Карам-
зинъ разсуждаетъ такъ: „Спасительными уставами быва-
ютъ единственно тѣ, коимъ давно желаютъ лучше уми
въ государствѣ и которые, такъ сказать, предчувствуютъ
ся народомъ, будучи ближайшимъ цѣлебнымъ средствомъ
на извѣстное зло. Учрежденіе министерствъ и совѣта имѣ-
ло для всѣхъ дѣйствіе высвободило. По крайней мѣрѣ ав-
торы коимъ-то вѣдали извѣстны: похвалу своимъ новымъ
образованіямъ: читаю и вижу одні: сухія формы; видъ чер-
татъ линіи для глазъ; оставая: мой умъ въ покое; го-
ворятъ Россіянамъ: „было плохо; отнынѣ будетъ иначе.“
Для чужой не скажешь: Петръ Великій въ важныхъ ве-
режныхъ государственныхъ дѣлахъ давалъ отчетъ народу: взи-
дите на Регламентъ духовный, гдѣ императоръ открываетъ
вамъ всю душу свою, все побужденіе, причины и цѣль ве-
ко: устава.“ И такъ, по мнѣнію Карамзина, законодатель
обязанъ въ самихъ потребностяхъ народа усматривать не-
обходимость новаго закона и предварительно введенія его
въ дѣйствіе знакомить съ нимъ и объяснить тѣ основанія,
по которымъ онъ издается. Въ настоящее время составле-
ны законы и указы удовлетворяютъ этой здравой мысли.
Извѣстно, что со времени начертанія, особыми, такъ на-
званными редакціонными, комиссіями проектовъ положе-
ній объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависи-
мости, въ которыхъ приглашались и въ эксперты депутаты

отъ помѣщиковъ разныхъ губерній; вошли въ обычай, для составленія проектовъ овольствъ инабудь значительныхъ уставовъ учреждать коммисіи изъ чиновниковъ подлежащихъ ведомствъ съ приглашеніемъ къ участию въ нихъ и другихъ лицъ, специально знающихъ о той части, къ которой относится предполагаемый уставъ и даже съ разсылкою проекта, составленнаго коммисіей, ко всѣмъ мѣстамъ и лицамъ, которыхъ можно считать признавать почему-либо полезными. Кроме того проекты дополняются объяснительными записками, въ коиже излагаются какъ поводъ къ изданію новаго закона, такъ и соображенія по отдельнымъ статьямъ проекта. Особенно обширное примѣненіе получило это правило при составленіи проектовъ судебныхъ уставовъ, введенныхъ нынѣ въ дѣйствіе.

Преобразование министерства внутреннихъ дѣлъ и скорѣе послѣ его учрежденія дало поводъ Мрамнику къ слѣдующему замѣчанію: „Благопріятствуетъ ли слава мудраго правителя сие второе преобразование. Учрежденъ и послѣ говорятъ: извините, мы ошиблись, сие относится не къ тому, а къ другому министерству. Наказало бы обдумать прежде, иначе что будетъ речительствомъ, за твердость и праваго устава.“ Советъ разумный и что въ наше время ему дають шкуру, это доказывается внимательнымъ обсужденіемъ некоторыхъ болѣе важныхъ ирригоминальнхъ въ изданію законовъ. Не измине однако, безъ сомнѣній, слѣдатель ему, и при составленіи всякаго закона.

Рассмотрѣвъ двѣ первыя только-что изданныя передъ нами заолги: проекта гражданского Уложенія; Наравнать восплащаель: „издаются двѣ книги: подъ оменемъ проекта Уложенія; Что же заходить? Переводъ Наполеонова кодекса. Какое изумленіе для Россіянъ, какія лица для злодѣвля: Благодаря Воельминичу, мы еще не поддали малому симпатру сего законодателя; у насъ еще не Вестейли, не Итальянское королевство, не Варшавское герцогство, гдѣ кодексъ Наполеона, со слезами переведенный, сгущаетъ уставомъ гражданскимъ. Для того ли существуетъ Россія какъ имперское государство около тысячи лѣтъ, для того ли омолодесть лѣтъ трудится подъ биченіемъ своего

водило Уложение, чтоб торжественно предъ лицомъ Европы, явиться глумицамъ и подсувать свдую маму голору: подъ являющу: сѣблленную шестью или семью эктъ адвокатами и жезъ-ябобщицами. Петръ Великій любилъ иностранное, однакожь не велѣлъ бы, безъ всякихъ дальнихъ офердиновей, вѣсть, за пр., шведскіе законы и назвать ихъ русскими: ибо рѣдаль, что законы народа должны бытъ издечены изъ собственныхъ его понятій, нравовъ, обыкновений, иъстныхъ обстоятельствъ.⁴ И далье: „никто изъ Русскихъ, чиязъ этотъ проектъ, не догадался бы, что онъ читаетъ *жана* гражданскоя Уложение, елибъ не стояло тогда въ главѣ; все на русское, все не по-русски, вѣтъ вѣщи, такъ и предложене оныхъ.“⁴

Любопытно оправданіе, представленное, между прочимъ, Сперанскимъ въ письмѣ егю Государю изъ Перни, противъ того обывающа, ходившаго и помню Карамзина въ публикѣ. „Искала, говориль онъ, доказать, что Уложение; мною внесанное, есть переводъ съ французскаго, или близкаго подражаніе; лѣтъ или двѣдцать, которое изобличить тебѣ не трудно; ибо то въ другое напечатано. Въ источникѣ своемъ, т.е. въ римскомъ правѣ, все уложеніе всегда будутъ сходны, но съ здравымъ смысломъ, съ знаніемъ оныхъ источниковъ и мореннаго изъ языка можно почерпнуть право изъ нихъ, не подражая никому и не учась ни въ нѣмцехъ, ни въ французскихъ университетахъ.“

Следовательно, Сперанскій самъ сонарался, что при составленіи проекта гражданскаго уложенія онъ не руководствовался русскими законами, да и не считалъ это важнымъ, для возможности черпать законы въ ихъ источникѣ, т.е. римскомъ правѣ. Отвергая, съ недогованіемъ такой способъ составленія уложенія, Карамзинъ предлагаетъ свой собственный планъ. По его мнѣнію, для налетвнн уложенія необходимо предварительно составить Сводъ русскихъ законовъ по ихъ отдѣламъ и уме. отсюда, съ надлежащею осторожностію, изъвѣчь тѣ статьи, которыя должны дойти въ Уложение. Предельно илююща замѣчательное правосужденіе егю оубъ этомъ: предлагать

„Для стараго народа, говорить онъ, не надобно новыхъ законовъ: согласно съ здравымъ смысломъ требуетъ отъ комиссіи (составленія законовъ) систематическаго предложенія нашихъ. Русская Правда и Судебникъ, отживъ свой вѣкъ, существуютъ единственно вѣкъ предметъ любопытства. Хотя Уложеніе царя Алексѣя Михайловича имѣетъ еще силу закона, но сколько и въ чемъ обветшалого, уже для насъ бессмысленнаго, непригоднаго? Остаются указы и постановленія: вотъ содержаніе кодекса! должно распорядить матеріалы, отнести уголовное въ уголовное, гражданское въ гражданскому, и сіи двѣ главныя части раздѣлить на статьи. Когда же всѣмъ указъ будетъ подведенъ подъ свою статью, тогда начнется второе дѣйствіе: соединеніе однородныхъ частей въ цѣлое, или соглашеніе указовъ, для коихъ востребуется иное объясненіе, иное отнѣнить или прибавить, буде опыты судимыхъ докажутъ или противорѣчіе или недостатокъ въ существующихъ законахъ. Третье дѣйствіе есть общая критика законовъ: суть ли они лучшіе для насъ во нынѣшнему гражданскому состоянію Россіи? Здѣсь увидимъ необходимость исправить нѣкорректна, въ особенности уголовныя, жестокія, варварскія; или уже давно не исполняются: для чего же они существуютъ: въ стыду нашего законодательства.

„Такимъ образомъ собранныя, приведенныя въ порядокъ, дополненныя, исправленныя законы предложите въ формѣ книги систематически, съ объясненіемъ причинъ; не только описывайте случаи, но и всѣ другія возможные рѣшите *обычными правилами*, безъ коихъ нѣтъ полноты законовъ, и которыя даютъ имъ высочайшую степень совершенства. Сказано: правила недостають въ уложеніи царя Алексѣя Михайловича, и во многихъ случаяхъ говорить: „если будетъ такой случай, рѣшите такъ;“ а если встрѣтится другой неописанный законодателью? Надобно идти въ дѣла? Не утвуйте вымошарно, но рассуждайте, чтобы просвѣтитъ судью: лучше, удобнѣе впечатать ему въ память простыя начала, нежели многообразныя сгладотныя оныхъ. Русское право также имѣетъ свои начала, какъ и

римское; опредѣлите ихъ, и вы дадите намъ систему законовъ. Сіе послѣднее дѣйствіе законодательства назову *систематическимъ предложеніемъ*.

„Сей трудъ великъ, заключаетъ Карамзинъ, но онъ такого свойства, что его нельзя поручить многимъ. Одинъ человекъ долженъ быть главнымъ, истиннымъ творцомъ уложенія російскаго; другіе могутъ служить ему только совѣтниками, помощниками, работниками. Здѣсь единство мысли необходимо для совершенства частей и цѣлаго, единство воли необходимо для успѣха. Или мы найдемъ такого человека, или долго будемъ ждать кодекса.“

Такого человека не нашлось и до сихъ поръ. Карамзинъ предвидѣлъ это и писалъ:

„Есть и другой способъ. Мы говорили доселѣ о систематическомъ законодательствѣ: когда у насъ нѣтъ людей способныхъ для онаго, то умѣрьте свои требованія, и вы сдѣлаете еще немалую пользу Россіи. вмѣсто прагматическаго кодекса издайте полную сводную книгу російскихъ законовъ или указовъ по всѣмъ частямъ суднымъ, согласивъ противорѣчія и замѣнивъ лишнее нужнымъ, чтобы судьи по одному случаю не ссылались и на Уложеніе Александра Михайловича, и на Морской Уставъ, и на 20 указовъ, изъ вѣсѣхъ иные въ самомъ сенатѣ не безъ труда отыскиваются. Для сей сводной книги не требуется великихъ усилій разума, ни генія, ни отличныхъ знаній ученыхъ: не будемъ хвалиться ею въ Европѣ, но облегчимъ способы правосудія въ Россіи, не затруднимъ судей нѣшихъ галлицизмомъ и не покажемся жалкими иностранцамъ, что безъ сомнѣнія заслужимъ переводомъ Наполеонова кодекса.“

Этотъ второй планъ конечно удобнѣе и проще даже тѣмъ, что онъ почти нейдетъ далѣе составленія свода. И тутъ однако была необходима мощная рука одного человека, который управлялъ бы отдѣльными работами по разнымъ частямъ законодательства и приводилъ ихъ къ единству. Вотъ почему, хотя, по оставленіи безъ послѣдствій проектовъ Сперанскаго, комиссія составленія законовъ занималась около десяти лѣтъ систематическимъ изданіемъ прежнихъ узаконеній, и нѣсколько книгъ ея трудовъ уже

вышло въ свѣтъ, лишь признаніе императоромъ Николаемъ Павловичемъ составленія Свода законовъ важнѣйшею задачею для улучшенія ихъ на будущее время и порученіе этого дѣла Сперанскому дали у насъ законодательными работамъ надлежащее направленіе и счастливый исходъ.

Трудясь надъ Сводомъ закономъ, Сперанскій понялъ всю важность историческаго изученія отечественнаго законодательства и своею дѣятельностію въ этотъ періодъ времени достаточно искупилъ презрѣніе къ такому изученію, проглядывающее въ его начальныхъ проектахъ. Передъ нами лежитъ изданное подъ его руководствомъ громадное собраніе законовъ Россійской Имперіи, которое съ тѣхъ поръ служитъ главнымъ основаніемъ для исторической разработки нашего права; съ него начался у насъ обычай прилагать къ проектамъ законовъ объяснительныя записки съ указаніемъ повода къ ихъ изданію, обзоромъ прежнихъ узаконеній и изложеніемъ тѣхъ соображеній, на которыхъ они основаны; наконецъ съ его же времени осталось въ обыновеніи у редакторовъ Свода законовъ и издаваемыхъ къ нему продолженій подъ измѣненными статьями оставлять ссылки на источники прежнихъ статей единственно съ цѣлю указанія исторіи каждой статьи. Такимъ образомъ и у насъ историческое изученіе права сдѣлалось не только возможнымъ, но отчасти и необходимымъ для составителей проектовъ новыхъ законовъ *).

---

*) При настоящемъ удобномъ случаѣ не можемъ не коснуться встречающихся иногда въ нашей юридической литературѣ, по поводу проектовъ законовъ, такъ-называемыхъ историческихъ обзорннхъ разныхъ частей законодательства. Намъ кажется, напрасно составители по крайней мѣрѣ большей части такихъ обзорннхъ полагаютъ, что они исполнили свое дѣло, если представили сшитыя на живую нитку выписки изъ Уложенія Агасея Михайловича, новоуказныхъ статей, законовъ Петра I и Екатерины II и узаконеній двухъ воездннхъ царствованій, считая при этомъ верхомъ учености привести двѣ-три статьи изъ Русской Правды и Судебниковъ. Если въ отношеніи практическомъ представляется необходимость знать, какіе законы какой-либо части Свода, то конечно для того, чтобы это знаніе могло привести пользу при обсужденіи вопроса, какія изъ дѣствующихъ

Нельзя однако не сознаться, что слѣпый исполненіемъ воли Государя, Сперанскій не совсѣмъ точно держался текста законовъ, а съ другой стороны опускалъ изъ виду практическую цѣль свода. Изъ разсказовъ лицъ, участвовавшихъ въ этой работѣ, мы знаемъ, что обладая огромною начитанностью и памятью, онъ писалъ иногда статьи закона изъ головы и внося ихъ въ сводъ приказывалъ своимъ сотрудникамъ подводить въ цитатахъ узаконенія, соотвѣтствующія содержанию написаннаго имъ текста: это и дѣлалось, но не всегда безъ натяжки; другія же статьи выписывались буквально изъ дѣйствующихъ законовъ, но безъ соображенія ихъ между собою. Вслѣдствіе этого планъ Карамзина — прежде написанія статьи, имѣющей войти въ Сводъ, соглашать могущія быть въ отношеніи къ ней противорѣчія въ другихъ законахъ, опускать излишнее и пополнить новыми законами то что не досказано въ прежнихъ — остался безъ примѣненія. Отсюда несогласіе въ статьяхъ

или же утратившихъ свою силу узаконеній по части законодательства, подлежащей пересмотру, должны быть оставлены безъ измѣненія, или восстановлены въ своей силѣ, или напротивъ отмѣнены; а для этой цѣли слѣдуетъ представить всѣ имѣющіеся на лицо доводы, что такой-то законъ имѣетъ основаніе въ народныхъ убѣжденіяхъ или же имъ не соответствуетъ; что онъ былъ вызванъ къ жизни тою или другою существенною потребностью, или же изданъ совершенно случайно, а если утратилъ силу, что былъ отвергнутъ вслѣдствіе особой необходимости или же отмѣненъ безъ важной причины; что онъ согласенъ съ духомъ всего нашего законодательства и съ основными законами пересматриваемой части свода или же противорѣчитъ имъ; что онъ не возбуждалъ никакихъ сомнѣній въ практикѣ, или же въ разное время подавалъ поводъ къ недоразумѣніямъ, и т. п. Всѣ эти доводы должны быть притомъ представлены не только умозрительно, но и извлечены изъ бывшихъ примѣровъ практики, изъ возбужденныхъ ими сужденій въ сенатѣ и государственномъ совѣтѣ, изъ пониманія закона, толкованія его и примѣненія какъ дѣловыми людьми, такъ и простолюдинами, наконецъ изъ результатовъ его въ жизни общественной и частной. Въ такой лишь полнотѣ, думаемъ мы, могутъ быть пригодны записки, заключающія въ себѣ историческія обзоренія законовъ, для того назначенія, которое очевидно имѣютъ въ виду ихъ составители.

и неясности, которыя до сихъ поръ составляютъ камень преткновенія для нашихъ теоретиковъ и практиковъ при пользованіи Сводомъ; отсюда же произошло и то, что статьи имѣющія ближайшую связь по содержанію, оказываются иногда отдѣленными одна отъ другой цѣлыми раздѣлами или даже цѣлыми томами. Къ счастью, исправить такіе недостатки Свода всегда возможно и это дѣлается по мѣрѣ того какъ представляются тому случаи, въ порядкѣ законодательномъ.

Кромѣ представленнаго нами взгляда Карамзина на составленіе Свода нашихъ законовъ и Уложенія, Записка его „о древней и новой Россіи“ заключаетъ въ себѣ еще замѣчательное сужденіе по одному юридическому вопросу, на который въ послѣднее время наши публицисты обратили особое вниманіе, именно: о степени потребности единства законовъ для разныхъ частей, составляющихъ государство. Не разбирая это сужденіе, считаемъ себя обязанными привести его здѣсь вполнѣ.

„Государство наше — говоритъ Карамзинъ — состоитъ изъ разныхъ народовъ, имѣющихъ свои особенныя гражданскіе уставы, какъ Ливонія, Финляндія, Польша, самая Малороссія. Должно ли необходимо ввести единство законовъ? Должно, если такая перемѣна не будетъ существеннымъ долговременнымъ бѣдствіемъ для сихъ областей; въ противномъ случаѣ не должно. Всего лучше готовить оную издали, средствами предварительными, безъ насилія и дѣйствуя на мягкій умъ юношества. Пусть молодые люди, хотящіе тамъ посвятить себя законовѣдѣнію, испытываются въ знаніи и общихъ законовъ Россійскихъ, особенно языка нашего: вотъ самое лучшее приготовленіе къ желаемому единству въ гражданскихъ уставахъ! Впрочемъ надобно изслѣдовать основательно, для чего напр. Ливонія или Финляндія имѣютъ такой-то особенный законъ? Причина, родившая оный, существуетъ ли и согласна ли съ государственнымъ благомъ? Буде существуетъ и согласна, то можно ли замѣнить ея дѣйствія инымъ способомъ? Отъ новости не потерпятъ ли нравы, не ослабѣютъ ли связи между разными гражданскими состояніями той земли? „Какая нуж-

да,“ говорить Монтескье, „однимъ ли законамъ слѣдуютъ граждане, если они вѣрно слѣдуютъ онимъ?“ Фридрихъ Великій, издавая общее уложеніе, не хотѣлъ уничтожить всѣхъ частныхъ статутовъ, полезныхъ въ особенности для нѣкоторыхъ провинцій. Опасайтесь внушенія умовъ легкихъ, которые думаютъ, что надобно только велѣть и все сравняется?“

Намъ остается разсмотрѣть работы Карамзина по составленію и исправленію проектовъ государственныхъ бумагъ вслѣдствіе Высочайшаго порученія. Къ сожалѣнію, мы знаемъ изъ нихъ очень немногія. Но случайныя указанія на нихъ въ письмахъ Карамзина къ своимъ близкимъ и отысканіе двухъ проектовъ въ его бумагахъ, даютъ основаніе думать, что при частыхъ сношеніяхъ исторіографа съ Императоромъ Александромъ I, ему могли не рѣдко дѣлаться подобныя порученія. Такъ напримѣръ въ письмѣ отъ 11-го сентября 1818 года къ И. И. Дмитріеву, Карамзинъ сообщаетъ, что Государь отдалъ кн. Голицину одну бумагу, чтобы показать ему, т. е. Карамзину, для перемѣны въ ней нѣкоторыхъ словъ, имъ означенныхъ; а прежде—прибавляетъ Карамзинъ — столь же мпlostиво велѣлъ мнѣ исправить краткій манифестъ о мирѣ съ Персіей. Что касается самыхъ проектовъ, то первый изъ нихъ по времени есть проектъ рескрипта министру юстиціи князю Лобанову-Ростовскому, составленный вѣроятно въ 1818 году*), касательно успѣховъ примирительнаго разбирательства тяжбы, которое Высочайше поручено было въ сентябрѣ 1817 года, испытать малороссійскому генераль-губернатору князю Рѣпинну. Изъ этого проекта мы узнаемъ, что Государь близко принималъ къ сердцу введеніе въ Россіи мировыхъ судовъ, предположенія о которыхъ сохранились между прочимъ въ бумагахъ комитета 6-го декабря 1826 года, и что въ теченіе короткаго времени, въ двухъ малороссійскихъ губерніяхъ, черезъ маршаловъ дворянства, разными правительственными мѣстами и лицами прекращено миромъ 574 дѣла, къ общей выгодѣ, какъ говоритъ проектъ, сопер-

---

*) Напечатанъ въ № 12 *Юридической Газеты*.

никовъ, избавленныхъ тѣмъ отъ хлопотъ и разворочанія, къ утѣшенію друзей человѣчества и къ искреннѣйшему удивольствію Государя. Посему проектъ предписываетъ министру объявить черезъ Сенатъ во всеобщее свѣдѣніе объ успѣшномъ дѣйствіи такого способа прекращенія тяжбы и на будущее время требовать къ себѣ изъ всѣхъ губерній полугодовыхъ вѣдомостей о дѣлахъ оконченныхъ примиреніемъ, съ тѣмъ чтобы доводить до свѣдѣнія Государя. Другой проектъ дошелъ до насъ неполный: это проектъ манифеста о восшествіи на престолъ Императора Николая Павловича, изъ котораго Карамзинъ, въ запискѣ подъ заглавіемъ „для свѣдѣнія моихъ сыновей и потомства“ приводитъ только начало и заключеніе и при этомъ угадываетъ на тѣ мѣста своей редакціи, исправленной по приказанію Государя Сперанскимъ, которыя были сохранены въ подлинномъ манифестѣ *).

Къ разряду бумагъ юридическаго содержанія, писанныхъ Карамзинымъ, должно еще отнести нѣсколько прошеній и записокъ, составленныхъ имъ въ пользу лицъ, приговоренныхъ къ тяжкимъ наказаніямъ, впрочемъ не отъ себя, а отъ имени ихъ подателей Государю. Онѣ отличаются ясностію изложенія. Одна изъ такихъ бумагъ, именно прошеніе дворянки, приговоренной къ каторжной работѣ по откупному дѣлу, послужила основаніемъ къ перенесенію этого дѣла изъ сената въ комитетъ министровъ, по разсмотрѣніи въ которомъ, оно было рѣшено Государемъ согласно съ желаніемъ просительницы **). Но можно думать, что прошеній этого рода Карамзину пришлось писать довольно много, — по крайней мѣрѣ, знавшіе его въ послѣдніе годы его жизни увѣряютъ, что нерѣдко разными лицами обращались къ нему съ просьбами о ходатайствѣ за нихъ передъ Государемъ, и Карамзинъ не отказывался исполнять, по возможности, такія просьбы.

---

*) См. *Неизданныя сочиненія и переписку Н. М. Карамзина*, ч. I, стр. 17—20.

**) См. тамъ же, стр. 230—235 *Письма Карамзина къ И. И. Длмтриеву* стр. 262 и 267.

Предложенный мною очеркъ значенія Карамзина въ исторіи Русскаго законодательства даетъ мнѣ смѣлость, по случаю нынѣшняго торжественнаго дня, въ стѣнахъ Университета въ которомъ съ самаго его учрежденія юридическій факультетъ занялъ видное мѣсто, а въ послѣднее время получили приращеніе въ лицѣ Юридическаго Общества, выразить желаніе и надежду, чтобы заветная мысль истеріографа о разработкѣ нашихъ дѣйствующихъ законовъ, по указанному имъ плану, нашла сочувствіе какъ въ членахъ факультета и Общества, такъ равно и въ воспитанникахъ Университета. Въ виду предстоящей государственной работы *составленія гражданского Уложения*, котораго необходимость не разъ представлялась и государственному совѣту, заявлявшему однако въ то же время, что перемены въ отдѣльныхъ статьяхъ Свода гражданскихъ законовъ невозможны безъ полнаго систематическаго пересмотра коренныхъ началъ нашего законодательства, не обязаны ли мы всѣ, на сколько имѣемъ способностей и средствъ, готовиться къ участию въ этомъ важномъ дѣлѣ. Станемъ же изучать и комментировать тѣ отдѣлы гражданскихъ законовъ, которые каждому изъ насъ наиболее доступны; будемъ стараться выяснять ихъ примѣненіе къ практикѣ и такимъ образомъ приготовимъ надежный матеріалъ для начертанія *Русскаго гражданского Устава* по мысли Карамзина.

Н. Калачовъ.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ КАРАМЗИНЪ *).

Николай Михайловичъ Карамзинъ, родился 1-го декабря 1766 года, въ имѣніи отца своего, отставнаго капитана Михаила Егоровича, сельца Карамзинскѣ, отстоящемъ на 35 верстѣ отъ города Симбирска.

Карамзинъ въ дѣтствѣ лишился матери. Послѣ первоначальнаго домашняго ученія, онъ поступилъ въ Московскій пансіонъ университетскаго профессора Шадена и, находясь тамъ, посѣщалъ, какъ говорятъ, иногда нѣкоторыя лекціи въ Университетѣ. Но около начала 1782 года курсъ его ученія кончился. Тогда явился онъ на службу въ Петербургъ и вступилъ въ л.-г. Преображенскій полкъ, въ который, по тогдашнему обыкновенію, былъ записанъ еще съ дѣтства.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Карамзинъ немедленно сблизился съ землякомъ своимъ И. И. Дмитріевымъ, который былъ старше его шестью годами и служилъ сержантомъ въ л.-г. Семеновскомъ полку. Они познакомились, бывши еще дѣтьми въ Симбирскѣ, когда родная тетка Дмитріева вышла замужъ за овдовѣвшаго отца Карамзина. Въ эпоху ихъ сближенія въ Петербургъ Дмитріевъ уже нѣсколько лѣтъ занимался стихотворствомъ и литературой. Но чувствуя недостатки своихъ стиховъ, онъ пересталъ печатать ихъ и старался развивать свой даръ ученіемъ. Нѣтъ со-

---

*) *Биографическій очеркъ*, приготовленный авторомъ, какъ членомъ Общества Любителей Россійской Словесности, по дню Карамзинскаго юбилея.

мнѣнія, что примѣръ и вліяніе Дмитріева, съ которымъ Карамзинъ вскорѣ соединился связью тѣсной и всегдашней дружбы, подѣйствовалъ на послѣдняго и усилилъ въ немъ врожденное стремленіе къ литературнымъ трудамъ. Въ 1783 году вышло въ Петербургѣ первое произведеніе Карамзина — переводъ идилліи Геснера „Деревянная нога.“

Гвардейская служба Карамзина была непродолжительна и сколько извѣстно, онъ не пошелъ въ ней далѣе чина сержанта. Въ концѣ 1784 года отецъ его умеръ и онъ уѣхалъ въ Сибирскъ, вышедши въ отставку съ чиномъ поручика арміи.

На родинѣ Карамзинъ велъ жизнь довольно разсѣянную, которая была принадлежностью тѣхъ провинціальныхъ городовъ, гдѣ по причинѣ отдаленности отъ столицъ, постоянно проживали достаточные дворяне. Въ Сибирскомъ обществѣ Карамзинъ, не смотря на свою молодость, сдѣлался вскорѣ лицомъ замѣтнымъ. Даже старики слушали со вниманіемъ разсужденія юноши о политикѣ или литературѣ, любовь къ которой въ немъ не охладилась. Первый удобный случай долженъ былъ отвлечь его отъ образа жизни, очевидно не свойственнаго человѣку, одаренному такою душой и таящимъ умомъ, какими надѣленъ былъ Карамзинъ.

Извѣстный ревнитель просвѣщенія и мистикъ И. П. Тургеневъ, вышедши въ отставку, пріѣхалъ въ 1785 году въ Сибирскъ, недалеко отъ котораго находились его имѣнія. Онъ былъ одинъ изъ главныхъ членовъ того масонскаго братства, которое подъ вліяніемъ Новикова и нѣсколькихъ друзей его, прославилось тогда обширными предпріятіями на поприщѣ благотворительности и просвѣщенія. Это было самое цвѣтущее время учрежденнаго въ Москвѣ „Дружескаго Ученаго Общества“ и возникшей изъ него „Типографической Компаніи“. Основатели ихъ старались привлекать къ себѣ способныхъ и образованныхъ молодыхъ людей, изъ которыхъ нѣкоторые воспитывались на ихъ счетъ въ духѣ мистицизма, а другіе пользовались ихъ помощью и получали средства къ жизни литературными трудами и переводами книгъ, издававшихся Обществомъ. Попрови-

тельство Московскихъ такъ-называемыхъ мартинистовъ, было тогда драгоценно для молодого человека: кроме матеріальныхъ выгодъ, оно доставляло ему возможность пользоваться бесѣдой этихъ просвѣщенныхъ людей и служило рекомендаціей для того, чтобы быть принятымъ въ самое образованное общество Москвы, съ которымъ мартинисты имѣли связи по родственнымъ и дружескимъ отношеніямъ. Помытно, что Тургеневъ сейчасъ отличилъ между Симбирцами умнаго юнгу Карамзина и не только сталъ представлять ему не свойственность его характеру пустей свѣтской жизни въ провинціи, но и возможность перейти въ другую среду, согласную съ врожденнымъ ему стремленіемъ къ просвѣщенію. Тургеневъ вызвался ввести его въ Московскій кругъ своихъ друзей; Карамзинъ конечно не долго колебался и къ осени 1786 года они были уже въ Москвѣ, гдѣ Карамзинъ вскорѣ близко узналъ ихъ.

Такимъ образомъ попалъ Карамзинъ впервые на путь, къ которому влекло его призваніе. Тогда узналъ онъ Новикова, Лопухина, Гамалю, Хераскова и многихъ другихъ писателей той эпохи, и вступилъ въ дружбу съ Плещеевыми, Трубечкиными и другими домами, гдѣ понимали и цѣнили изящное и высокое. Изъ адептовъ мартинизма онъ ближе всѣхъ сошелся съ А. М. Бутузовымъ и молодымъ А. А. Петровымъ, съ которыми и поселился живѣть въ домѣ „Дружескаго Общества“, сдѣлавшись сотрудникомъ его по издаванію въ 1787, 1788 и 1789 годахъ *Дѣтскаго Чтенія*, издаваемаго Новиковымъ при *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Изъ другихъ литературныхъ трудовъ его въ этомъ періодѣ его жизни известны переводы: поэмы Гиллера *О происхожденіи зла* (1788); нѣкоторыя *Бесѣды съ Богомъ* Штурма (1787); драмы Шекспира *Юлій Цезарь*, къ которой приложено замѣчательное предисловіе переводчика (1787) и трагедіи Лессинга *Эмілія Галотти* (1788). Литературныя занятія, чтеніе и размышленіе не могли не развить въ немъ значительной степени ума и вкуса, и обогатить его обширными для юности его лѣтъ познаніями.

Проведя въ Москвѣ нѣсколько лѣтъ и усвоивши себѣ многостороннія познанія, которыя давали ему право на-

завтася молодымъ человекомъ истинно просвѣщеннымъ, Карамзинъ вознамѣрился практически довершить свое образование обзорѣемъ чуждыхъ странъ и бесѣдами съ знаменитыми Европейскими учеными и писателями. Въ началѣ 1789 года, онъ передалъ старшему брату въ управленіе свое небольшое имѣніе, получивъ отъ него въ счетъ будущихъ доходовъ 2000 рублей и съ этою небольшою суммою отправился въ мѣсяцъ за границу, гдѣ и пробылъ до сентября 1790 года.

Главными пунктами путешествія Карамзина были: Берлинъ, Дрезденъ, Лейпцигъ, Франкфуртъ, Базель, Цюрихъ, Бернъ, Лозанна, Женева, наконецъ Парижъ и Лондонъ. Путешественникъ нашъ обзорѣвалъ все достойное любопытства. Онъ познакомился съ Кантомъ, Николаемъ, Рамлеромъ, Моричомъ, Платнеромъ, Вейсе, Гердеромъ, Виландомъ, Лаватеромъ, Боннетомъ, Маттисономъ и другими славными людьми, которые радушно принимали его и охотно вступали съ нимъ въ откровенныя и поучительныя бесѣды. Карамзинъ описывалъ подробно странствіе свое въ письмахъ, писанныхъ къ А. А. Плещеву и его женѣ.

Осенью 1790 года Карамзинъ пріѣхалъ изъ чужихъ краевъ въ Петербургъ, гдѣ Дмитріевъ представилъ его Державину и гдѣ онъ познакомился съ другими тамошними писателями; затѣмъ возвратился въ Москву. Отсюда начинается новый періодъ его жизни.

Съ января 1791 года, Карамзинъ въ теченіи двухъ лѣтъ издавалъ ежемѣсячно *Московский журналъ*. Журналъ этотъ по справедливости восхитилъ современниковъ какъ новостію, заманчивостію и разнообразіемъ содержанія, такъ и языкомъ, преобразование котораго, соответственно требованіямъ изящнаго вкуса и истинному духу его, начато было тогда прозою Карамзина. Въ немъ появились: четыре первыя части его *Писемъ Русскаго Путешествователя* цѣлый рядъ повѣстей, и множество критическихъ и другихъ статей, имъ писанныхъ, а также и стиховъ его. Въ *Московскомъ журналѣ* произведена была и реформа стихотворная Дмитріевымъ, котораго талантъ успѣлъ возмужать и поставилъ его во главѣ поэтовъ новой школы, основав-

шейся подъ его вліяніемъ. Сотрудниками Карамзина были кромѣ того: Херасковъ, Державинъ, Нелединскій-Мелецкій и другіе изъ извѣстнѣйшихъ писателей той эпохи.

По окончаніи этого изданія Карамзинъ издалъ особо въ 1794 году, двѣ части книги *Мои бездѣлки*, въ которой были собраны его прозведенія въ прозѣ и стихахъ, явившіяся въ *Московскомъ журналѣ*. Второе его изданіе явилось въ 1797 году.

Затѣмъ Карамзинъ напечаталъ нѣсколько новыхъ сочиненій своихъ въ двухъ книжкахъ, вышедшихъ въ 1794 и 1796 годахъ, подъ заглавіемъ *Аглая*, также появившихся вторымъ изданіемъ въ 1796 году.

Кромѣ того изданы были имъ отдѣльно повѣсти: *Малыя* (1795) и *Юлія* (1796) и переводъ *Мармонтелевыхъ повѣстей*, въ трехъ частяхъ (1794—1798), перепечатанный уже въ 1815 и 1822 годахъ.

Въ царствованіе императора Павла Карамзинъ напечаталъ отдѣльно въ четырехъ частяхъ (1797—1798) свои заграничныя письма, помѣщенные первоначально въ журналѣ. Но двѣ послѣднія части писемъ, гдѣ описано пребываніе его въ Парижѣ и Лондонѣ, не могли быть тогда изданы по цензурнымъ соображеніямъ. Въ это же время на Карамзина былъ поданъ государю доносъ, обвинявшій его въ распространеніи вредныхъ въ религіозномъ и политическомъ отношеніяхъ мыслей и онъ обязанъ былъ своимъ спасеніемъ лишь заступничеству Растопчина, убѣдившаго государя въ совершенной ложности подобныхъ нареканій. Въ 1796 году напечатана была *Ода* Карамзина на присягу Москвы Павлу I. Къ этому же времени относятся: отдѣльное изданіе *Бѣдной Лизы* (1797); *Разговоръ о счастіи* (1797); *Пантеонъ иностранной словесности* въ трехъ частяхъ (1798—1803); *Разная повѣсти*, переведенныя изъ разныхъ авторовъ въ двухъ частяхъ (1798—1803). Изъ этихъ двухъ послѣднихъ изданій, первое было перепечатано въ 1818, а второе въ 1816 годахъ. Кромѣ того Карамзинъ издалъ въ 1796, 1797 и 1799 годахъ три части сборника *Аониды*, составленнаго изъ стихотвореній его собственныхъ, Дмитріева и всѣхъ лучшихъ тогдашнихъ поэтовъ.

Карамзинъ пріѣхъ въ Москву въ 1791 году въ сопровожденіи двухъ одами (1801) восшествіе на престолъ и коронованіе Александра I, въ царствованіе котораго суждено было ему прославить свое имя. Въ это время онъ жилъ въ Москвѣ, гдѣ проживалъ и другъ его Дмитріевъ, поселившійся тамъ въ 1800 году послѣ своей отставки. Около этого же времени Карамзинъ женился на дѣвицѣ Протасовой, которая скончалась въ 1803 году. Съ Дмитріевымъ былъ онъ въ теченіе десяти лѣтъ неразлученъ, если исключить временныя отъѣзды двухъ друзей изъ Москвы.

Въ 1801 году Карамзинъ написалъ текстъ къ предпринятому П. П. Бекетовымъ изданію *Пантеонъ російскихъ авторовъ*, и напечаталъ двѣ послѣднія части *Писемъ русскаго путешественника*, перепечатанныхъ тогда же вмѣстѣ въ шести частяхъ. Въ 1802 году онъ выдалъ въ свѣтъ третье изданіе *Меланчи*, *Историческое похвальное слово Екатерины II* и двѣ части переведенныхъ имъ *Повѣстей 2-го Жанкиста*, которыхъ новое изданіе явилось въ 1816 году. Въ 1803—1804 годахъ вышло собраніе сочиненій Карамзина въ восьми частяхъ, потомъ перепечатанное при жизни его въ девяти томахъ, съ дополненіями два раза, въ 1814 и въ 1820 годахъ.

Но главѣйшимъ занятіемъ Карамзина было въ 1802 и 1803 годахъ изданіе журнала *Вѣстникъ Европы*, выходившаго по два раза въ мѣсяцъ. Этотъ превосходѣйшій изъ всѣхъ до него существовавшихъ журналовъ, наполнился почти исключительно сочиненіями и переводами Карамзина. Въ отдѣлѣ стиховъ онъ представлялъ публикѣ новыя произведенія лучшихъ стихотворцевъ, между которыми уже видное мѣсто занимали поэты, образовавшіеся въ школѣ Дмитріева: В. А. Пушкинъ, Мерзляковъ, В. В. Измайловъ, князь Шаликовъ и другіе. Въ *Вѣстникѣ Европы* выступилъ тогда на поэтическое поприще и Жуковский, сдѣлавшійся съ самыхъ юныхъ лѣтъ почитателемъ и другомъ Карамзина, котораго онъ называлъ своимъ учителемъ.

Въ *Вѣстникѣ Европы* Карамзинъ явился передъ публикой уже не только поэтомъ, беллетристомъ и критикомъ, какъ въ *Московскомъ журналѣ*, но и публицистомъ, — въ

превосходнѣйшихъ своихъ политическихъ обзорахъ и наконецъ изслѣдователемъ общественной исторіи, которой посвящены были многія статьи его. Онъ пристрастился къ чтенію знаменитыхъ историковъ и къ изученію памятниковъ старинной нашей исторіи.

Въ 1803 году Дмитріевъ убѣдилъ Карамзина просить государя, чтобы его назначили исторіографомъ имперіи. По ходатайству М. Н. Муравьева, императоръ, зная дарованія и ученость Карамзина, пожаловалъ ему это званіе съ разрѣшеніемъ заниматься во всѣхъ архивахъ государства, произвелъ его въ надворные советники и назначилъ ему пенсію въ 2000 рублей.

Карамзинъ вознамѣрился всего себя посвятить возможному на него труду, чтобы оправдать достойнымъ образомъ высокое къ нему довѣріе и доказать права свои на такія милости государя. Къ 1-му января 1804 года онъ прекратилъ изданіе *Вѣстника* и слѣдующіе двадцать лѣтъ занимался почти исключительно одною *Исторіею Государства Россійскаго*. Изъ другихъ его произведеній вышли поелѣ этого: только отдѣльные перепечатки его *Марта Посадника* (1808), и новыя изданія его прежнихъ сочиненій и переводовъ, о которыхъ упомянуто выше, и въ которыхъ нѣсколько дѣлались весьма немногія пополненія. Съ 1804 года Карамзинъ обрекъ себя такимъ образомъ одному дѣлу, которое его и прославило болѣе всего. Всѣ ученые, занимавшіеся изученіемъ русской исторіи, всѣ владѣтели частныхъ книгохранилищъ старались содѣйствовать Карамзину сообщеніемъ свѣдѣній, матеріаловъ и документовъ, для успѣшнаго исполненія его патріотическаго предпріятія.

Вскорѣ Карамзинъ вступилъ въ новый бракъ. Вторая супруга его, Катерина Андреевна, была сестра молодого даровитаго поэта князя П. А. Вяземскаго, котораго отецъ, умрвая (1807), поручилъ руководству исторіографа, свято исполнявшаго завѣщанія покойнаго.

Въ началѣ 1810 года Дмитріевъ, бывшій уже вновь нѣсколько лѣтъ на службѣ сенаторомъ въ Москвѣ, былъ вызванъ государемъ въ Петербургъ и назначенъ министромъ юстиціи. Съ этого времени Карамзину суждено было ви-

дѣться съ нимъ рѣдко и на непродолжительное время. Но личная дружба ихъ не охладѣвала и они никогда не прерывали между собою переписки.

Между тѣмъ трудъ Карамзина далеко подвинулся. Въ 1810 году императоръ, навѣстившись о томъ отъ Дмитриева, пожаловалъ исторіографу, при милостивомъ рескриптѣ, Владимірскій крестъ третьей степени. Нѣкоторые завистники, раздраженные такимъ отличіемъ, употребили всѣ средства, чтобы повредить ему въ мнѣніи государя и вельможъ. Тотъ самый донощикъ, который обвинялъ Карамзина передъ Павломъ, подалъ новый на него извѣтъ, утверждая, что сочиненія его распространяють „вольнодумскій и яacobинскій ядъ.“ Но клеветы эти нисколько не повредили Карамзину.

Въ 1811 году государь поручилъ Дмитріеву пригласить Карамзина, для личнаго съ нимъ знакомства, въ Тверь, къ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, которую собиралась навѣстить. Карамзинъ, уже не однажды посѣщалъ тамъ великую княгиню, которая искренно любила просвѣщеніе и особенно цѣнила дарованія Карамзина. Такимъ образомъ въ Твери впервые представился Карамзинъ государю и по желанію его, нѣсколько вечеровъ читалъ ему отрывки изъ своей исторіи, изъ которыхъ императоръ убѣдился въ высокихъ достоинствахъ этого безсмертнаго труда.

Карамзинъ, по вызову великой княгини, вручилъ ей въ то же время сочиненную имъ записку *О древней и новой Россіи*. Она заключала въ себѣ историческій обзоръ событій нашей исторіи, начиная съ отдаленнѣйшихъ временъ и уясненіе основъ государственной жизни Россіи, сохранившихся въ ней, несмотря на колебанія, ознаменовавшія ея политическую и гражданскую жизнь, особенно со времени Петровской реформы. Говоря безъ лести о прошедшемъ, Карамзинъ съ благодарною независимостію и смѣлостію, не преступая границъ почтительности къ лицу своего монарха, обзорѣлъ и главныя событія послѣдняго десятилѣтія, откровенно высказывая о нихъ свои мысли, хотя она во многомъ и не согласовалась съ воззрѣніями, руководившими правительствомъ въ его мѣропріятіяхъ. Ве-

ликая княгиня передала эту записку государю. Онъ прочелъ ее и въ первую минуту былъ въ нѣкоторомъ неудовольствіи и удивленіи по случаю такой неожиданной снѣлости. Но онъ оцѣнилъ тутъ же чистоту намѣреній и патриотическое усердіе благороднаго автора, котораго полюбилъ еще болѣе, узнавши лично и силу его таланта и нравственную высоту его характера. Записка Карамзина осталась неизвѣстною никому, кромѣ графа Аракчеева, въ бумагахъ котораго, по кончинѣ его, она была найдена почти четверть вѣка спустя. Государь пожаловалъ Карамзину, послѣ личнаго съ нимъ знакомства, чинъ коллежскаго совѣтника.

Передъ самымъ вступленіемъ Наполеона въ Москву Карамзинъ вслѣдъ за семействомъ своимъ выѣхалъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ и проживалъ до половины 1813 года. Возвратившись въ Москву, онъ сталъ продолжать свой трудъ и готовится къ изданію написанныхъ томовъ своей исторіи. Взятіе Парижа внушило Карамзину послѣднее его стихотвореніе *Освобожденіе Европы и слава Александра I* (1814). Въ сентябрѣ 1814 года онъ соединился въ Москвѣ съ Дмитриевымъ, опять переселившимся туда послѣ окончательной своей отставки. Но въ 1816 году Карамзинъ самъ долженъ былъ переѣхать въ Петербургъ, гдѣ видѣлся съ своимъ другомъ только однажды въ 1822 году. Самъ онъ никогда уже не бывалъ въ Москвѣ, въ которой надѣялся провести послѣдніе годы жизни.

Въ началѣ 1816 года Карамзинъ привезъ въ Петербургъ первые восемь томовъ своей исторіи и поднесъ ихъ Государю, испрашивая разрѣшеніе на ихъ печатаніе. Исполненіе по этому дѣлу промедлилось на мѣсяць, послѣ чего по представленію графа Аракчеева состоялось Высочайшее повелѣніе: выдать историографу 60.000 рублей изъ кабинета на издержки изданія исторіи, которое предоставлено было въ собственность автора. Въ то же время Карамзинъ произведенъ былъ въ статскіе совѣтники и получилъ Анненскую ленту.

Карамзинъ долженъ былъ поселиться въ Петербургъ для печатанія своего труда. Въ маѣ 1816 года онъ перевезъ

изъ Москвы свое семейство. Государь, еще въ 1811 году предлагавшій ему переѣхать въ Петербургъ, гдѣ хотѣлъ отвести ему квартиру въ одномъ изъ дворцовъ, милостиво озаботился о лѣтнемъ жилищѣ для семейства Карамзина. Ему отведенъ былъ одинъ изъ придворныхъ домовъ въ Царскомъ Селѣ, гдѣ Карамзинъ и жилъ лѣтомъ ежегодно до самой своей кончины, благодарнымъ гостемъ горячо любимаго имъ царственного хозяина. Государь самъ нерѣдко посѣщалъ его и почти ежедневно велъ съ нимъ продолжительныя бесѣды, касавшіяся разныхъ предметовъ, не исключая дѣлъ государственныхъ. Они видѣлись обыкновенно во время прогулокъ своихъ по Царскосельскому саду, въ которомъ большая сиреневая аллея, когда-то любимое гульбище Великой Екатерины, названа была ими „земнымъ кабинетомъ.“ Все царское семейство любило и уважало славнаго человѣка, всѣмъ сердцемъ привязаннаго къ Августѣйшему дому. Императоръ, обѣ Императрицы, Великіе Князья и Княгини постоянно не только выражали Карамзину и семейству его свое благоволеніе, но осыпали ихъ тѣми любезными, сердечными и деликатными знаками заботливости и вниманія, которые доказываютъ искреннія чувства, болѣе всего драгоценныя для того, кто успѣваетъ ихъ снискать. Карамзинъ былъ, такъ сказать, своимъ человѣкомъ въ семействѣ Государя, не будучи однако ничѣмъ при его дворѣ.

Первые томы исторіи Карамзина стали печататься лѣтомъ 1816 года. Но печатаніе продолжалось оноло полутора года. Оно производилось, по Высочайшему повелѣнію, безъ цензуры, въ казенныхъ типографіяхъ: Военной и Медицинской. *Исторія Государства Россійскаго* вышла въ февралѣ 1818 года. Все изданіе, 3.000 экземпляровъ, было раскуплено въ три недѣли. Немедленно приступлено было ко второму, вышедшему въ томъ же году. Восхищеніе было всеобщее. Въ Россіи никогда еще не появлялось дотогѣ такого литературно-ученаго памятника. Въ немъ соединились обширная ученость и великій авторскій талантъ, соединившіеся для созданія величаваго повѣствованія о минувшихъ судьбахъ отечества. Но твореніе Карамзина вы-

*

звало и нѣсколько жесткихъ выходовъ со стороны критики. Изъ нихъ удѣляла память объ опроверженіяхъ Каченовскаго и Арцыбашева. Но заслуга Карамзина была оценена и даже растолкована тѣмъ, кто не былъ въ состояніи понять ее. Этому способствовало не мало вліяніе въ обществѣ дружескаго союза „Арзамасъ“, къ которому принадлежали лучшіе писатели и просвѣщеннѣйшіе молодые люди того времени, Жуковскій, Вяземскій, Блудовъ, Дашковъ, Уваровъ, Сѣверинъ, Тургеневы и др., составлявшіе какъ бы второе его семейство, и исполненные какимъ-то трогательнымъ благоговѣніемъ къ своему старшему другу и наставнику. Слава Карамзина достигла своего апогея.

Карамзинъ узналъ въ Царскомъ Селѣ Пушкина, бывшаго тогда воспитанникомъ лицея и одинъ изъ первыхъ предугадалъ будущую славу его гения. Онъ старался руководить юношу-поэта, а въ 1820 году былъ главнымъ за него ходатаемъ и успѣлъ смягчить участь, его ожидавшую.

Въ 1817 году Карамзинъ написалъ для Императрицы Маріи Феодоровны, ѣхавшей въ Москву, записку о достопримѣчательностяхъ нашей древней столицы. Въ 1818 онъ былъ избранъ въ члены Россійской Академіи.

Императоръ Александръ былъ одно время озабоченъ мыслию о предполагаемой пользѣ возстановить Польшу въ прежнихъ ея границахъ и сообщилъ о томъ Карамзину въ Царскомъ Селѣ, осенью 1819 года. Несмотря на то, что это было лишь одно предположеніе, а не рѣшительное предпріятіе, Карамзинъ былъ однако пораженъ одною мыслию о томъ, что осуществленіе его не есть дѣло невозможное. Вѣрный политическій взглядъ на этотъ вопросъ и чуткое патріотическое чувство въ одно мгновеніе представили ему картину тѣхъ золъ, которыя навлекло бы на Россію отторженіе отъ нея западнаго края и созданіе обширной, анархической и враждебной намъ сосѣдней державы, въ составъ которой вошла бы часть исконныхъ владѣній Россіи, возвращенная въ лоно отечества дѣною потоковъ русской крови. Карамзинъ въ тотъ же вечеръ написалъ краснорѣчивую записку, въ которой, изъясняясь также смѣло какъ въ 1811 году, онъ исчислялъ всѣ дово-

ды, говорящіе противъ возстановленія Польши. Онъ отдалъ свою записку Государю, который опять выразилъ въ своемъ обращеніи съ нимъ нѣкоторое неудовольствіе, но вскорѣ оцѣнилъ патріотическій порывъ исторіографа и не измѣнилъ своего къ нему благоволенія.

Девятый томъ исторіи Карамзина вышелъ въ 1821 году, а десятый и одиннадцатый въ 1824 году. Императоръ читалъ ихъ предварительно въ рукописяхъ, которые бралъ съ собою даже во время частыхъ своихъ путешествій по имперіи и за границу. Такимъ образомъ онъ и въ разлуку продолжалъ бесѣдовать съ своимъ исторіографомъ. Онъ переписывался съ нимъ иногда, а въ апрѣлѣ 1824 года пожаловалъ ему чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Передъ отъѣздомъ въ Таганрогъ въ 1825 году, Александръ посѣтилъ въ послѣдній разъ любимое свое Царское Село. Карамзинъ сопровождалъ его пѣшкомъ по улицамъ, а за ними ѣхала коляска Императора. Это было—послѣдняя ихъ бесѣда и прощаніе. 1825 года Александръ I отошелъ въ вѣчность. Можно представить себѣ глубокую горестъ Карамзина. Но и собственные его дни были уже сосчитаны.

Въ 1826 году, Карамзинъ впалъ въ тяжкую болѣзнь, которая возбудила опасенія за его жизнь. Весною Императоръ Николай, глубоко уважавшій исторіографа, уговорилъ его переехать въ Таврической дворецъ, чтобы пользоваться чистымъ воздухомъ, и такъ какъ Карамзину было предписано ѣхать въ теплый климатъ, приказалъ изготовить фрегатъ, чтобы перевезти его въ Марсель. Въствѣ съ тѣмъ Государь пожаловалъ Карамзину пенсію въ 50.000 рублей съ тѣмъ, чтобы эта пенсія въ случаѣ кончины его обращена была въ пользу его семейства. Милость эта была объявлена Карамзину при Высочайшемъ рескриптѣ, въ которомъ были выражены чувства Государя, приносящія столько же чести его сердцу, сколько подобная дань уваженія и признательности къ заслугамъ историка Россіи свидѣтельствуетъ о просвѣщенномъ патріотизмѣ, одушевлявшемъ молодого Царя.

Оживленный этими знаками монаршаго вниманія, успокоенный на счетъ будущности своей семьи, Карамзинъ не

переставая думать о возможности поправить свое здоровье и продолжать свою исторію, которой 12-й томъ былъ уже почти дописанъ. Но надежды эти были непродолжительны. 22-го мая 1826 года нельзя уже было сомнѣваться въ близости кончины. Карамзинъ съ теплою вѣрой исполнилъ всѣ церковные обряды и скончался въ полной памяти, завѣщая похоронить себя безъ пышныхъ церемоній. Тѣло его въ присутствіи Государя, было предано землѣ на новомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры.

Таковы были главныя событія жизни славнаго человѣка, имя котораго пребудетъ у насъ символомъ всего прекраснаго и высокаго въ отношеніи нравственномъ, такъ же какъ произведенія его пера останутся навсегда гордостью русской литературы и науки. Природныя дарованія Карамзина, и высокое его образованіе, не могли бы, несмотря на всѣ его великія заслуги, произвести того благотворнаго вліянія на литературу и общество, какое они имѣли, еслибы они не были соединены въ немъ съ тѣми прекрасными качествами сердца, которыя оживляютъ творенія писателя духомъ, невольно привлекающимъ къ нему не только современниковъ, но и потомство. При имени Карамзина намъ представляется не только искусный авторъ, но и нравственный идеалъ писателя и человѣка. Это не одинокъ свѣтлый умъ и необыкновенный талантъ, но благодарное, любящее сердце, волнуемое горячею привязанностію къ родинѣ, ея истинной славѣ и прямому просвѣщенію, душа, исполненная покорности Провидѣнію, добродѣтелей гражданскихъ и семейныхъ. Благодарная память о немъ переживетъ отголоски славы многихъ горделивыхъ дѣятелей, шумно ознаменовавшихъ свое земное поприще и много пышныхъ мавзолеевъ будетъ нѣмъ для потомства, для котораго навсегда останется краснорѣчивымъ скромный надгробный камень, положенный надъ прахомъ творца „Исторіи Государства Россійскаго.“

М. Лонгиновъ.

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.

This book is due on the last date stamped below,
or on the date to which renewed. Renewals only:
Tel. No. 642-3403
Renewals may be made 4 days prior to date due.
Renewed books are subject to immediate recall.

Due on the last date stamped below
or on the date to which renewed. Renewals only:
Tel. No. 642-3403
Renewals may be made 4 days prior to date due.
Renewed books are subject to immediate recall.
AN 28 '73 1

MAY 15

OCT 11 1973 10

IN STACKS SEP 27 1

REL. CIR. 17 '75

LD21A-40m-3,'72
(Q1178610)476-A-82

General Library
University of California
Berkeley